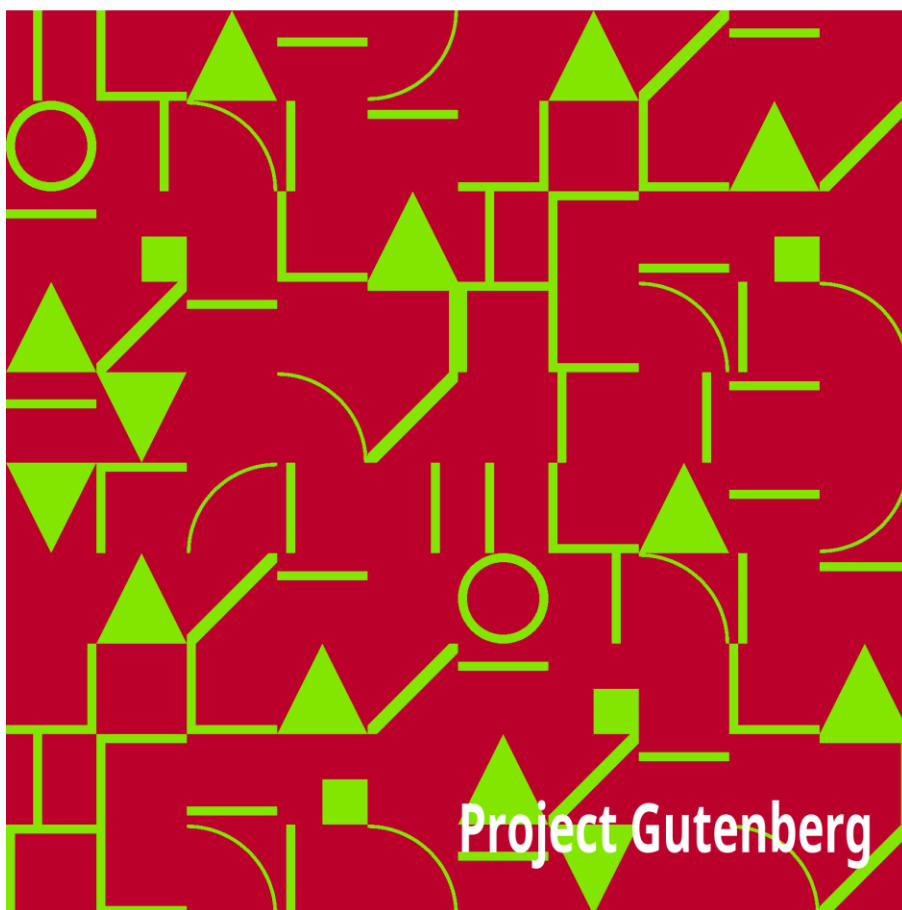

Черные и белые. Земля, труд и политика на Юге

Тимоти Томас Форчун

Black and White: Land, Labor, and Politics in the South

Timothy Thomas Fortune

The Project Gutenberg eBook of Black and White: Земля, труд и политика на Юге

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Black and White: Земля, труд и политика на Юге

Автор: Тимоти Томас Форчун

Дата выхода: 7 октября 2005 [eBook #16810]

Последнее обновление: 12 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Шелл, Ричардом Дж. Шиффером и командой PG Online Distributed Proofreading Team.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА "ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ: ЗЕМЛЯ, ТРУД И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ" ***.

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

ЗЕМЛЯ, ТРУД И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ

Тимоти Томас Форчун.

1884

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Обсуждая политические и промышленные проблемы Юга, я основываю свои выводы на личном знании положения классов на Юге, а также на обширных данных, предоставленных писателями, которые по-своему исследовали поставленный передо мной вопрос. В то, что цветное население страны еще добьется почетного положения в национальных отраслях мысли и деятельности, я верю и пытаюсь донести до читателя.

В обсуждении проблемы земли и труда я лишь придерживаюсь теорий, отстаиваемых более способными и опытными людьми, в попытке показать, что трудящиеся классы любой страны платят все налоги, в конечном счете, и что они систематически становятся жертвами законодателей, корпораций и синдикатов.

Богатство, излишне централизованное, ставит под угрозу эффективную работу правительственного механизма. Земельная монополия в руках частных лиц, корпораций или синдикатов - вот главная причина неравенства, которое существует; заброшенные плодородные акры, превращенные в огромные ранчо и в бональные фермы в тысячу акров,

где ни одна семья не находит жилья, где мускулы и мозг вытесняются машинами, а мелкий фермер поглощается и превращается в арендатора или раба. В то время как в больших городах тысячи и тысячи человеческих существ теснятся в узких кварталах, где порок разрастается, где преступность процветает без остановки, и где смерть - самый желанный гость из всех посетителей.

Главная цель публикации этой работы - показать, что социальные проблемы Юга в основном те же, что и в любой цивилизованной стране мира; и что будущий конфликт в этой части будет носить не расовый или политический характер, а между капиталом, с одной стороны, и трудом - с другой, причем перевес будет в основном в пользу непроизводительного богатства из-за неоправданного преимущества, которое дает последнему пагубная монополия на землю, ограничивающая производство и вынуждающая население катастрофически жить на средства к существованию. Моя цель - показать, что бедность и несчастье не имеют никаких ущемляющих различий "расы, цвета кожи или предыдущего состояния", но что богатство, излишне централизованное, угнетает всех одинаково; поэтому рабочие элементы всех Соединенных Штатов должны сочувствовать тем же элементам на Юге и при благоприятном стечении обстоятельств добиться некоторого единства организации и действий, которое будет отвечать общим интересам общего класса.

Т. Томас Форчун.

Нью-Йорк, 20 июля 1884 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Черные1
 - Белый6
 - **Негр и** нация13
 - **Триумф** побежденных19
 - **Неграмотность - ее** причины28
 - **Образование - профессиональное или** промышленное38
 - **Как этого не** делать55
 - **Нация** сдается62
 - **Политическая независимость** негра67
 - **Решение политической** проблемы79
 - **Земля и** труд89
 - **Цивилизация деградирует** массы96
 - **Условия труда на** Юге107
 - **Классы на** Юге120
 - **Земельная** проблема133
 - Заключение145
 - Приложение151
-

В один из летних дней, когда от сильной жары наступила всеобщая жажда, Лев и Кабан одновременно пришли к небольшому колодцу, чтобы напиться. Они яростно спорили, кто из них должен пить первым, и вскоре были вовлечены в муки смертельной схватки. Внезапно

остановившись, чтобы перевести дух для более ожесточенного возобновления схватки, они увидели вдалеке стервятников, которые ждали, чтобы полакомиться тем, кто упадет. Они сразу же прекратили ссору, сказав: "Лучше нам быть друзьями, чем стать пищей ворон или стервятников" - *Басни Исопа*.

ГЛАВА I

Черный

[Вернуться к оглавлению](#)

Сегодня в американской политике нет более нерешенного вопроса, чем вопрос о неграх; не было времени с момента принятия Федеральной конституции, когда этот вопрос в той или иной форме не был бы тревожным элементом, глубоко укоренившимся раком на теле нашего общества, часто занимающим внимание общественности, исключая все другие вопросы. Похоже, что он, как никакой другой вопрос, обладает элементами вечной жизнеспособности.

Ввоз африканских рабов в колонию Виргиния в августе 1619 года стал началом волнения, проблемой, решение которой никто, даже в столь поздний срок, не может предсказать, хотя многие мудрецы пророчествовали.

История - летопись человеческих ошибок, жестокости и неверно направленного рвения - не знает более поразительной аномалии, чем британский пуританин, бегущий от княжеского правления и тирании и тащащий за собой африканского дикаря, закованного в рабские цепи; молящий справедливого Бога о свободе и в то же время налагающий на своих собратьев тиски самого несправедливого и жестокого рабства. Параллель такому лицемерию, такому святотатственному призыву не найти в истории разных народов.

Для первых поселенцев американских колоний не имело значения, что в памятной борьбе за право быть представленным в случае уплаты налогов чернокожий Криспус Атакс, полнокровный негр, погиб на земле Массачусетса во время Бостонской резни 1770 года вместе с другими верными, искренними людьми, как первый вооруженный протест против одиозной тирании; не имело значения, что в войсках колоний, восставших против Великобритании, было (согласно отчету генерал-адъютанта Скаммелла) на 24-й день августа 1778 года 755 регулярно зачисленных в армию негров; не имело значения, что во время второй войны с Великобританией генерал Эндрю Джексон 21 сентября 1814 года обратился к "свободному цветному народу Луизианы" как к "сынам свободы", которые "призваны защищать *наше* самое неоценимое благо", право быть свободными и суверенными, и "сплотиться вокруг штандарта орла, чтобы защитить все, что дорого в существовании"; "И неважно, что в каждой из этих памятных битв чернокожие были призваны и благородно откликнулись на призыв добровольцев изгнать приспешников британского тирана. Когда дым сражений растворился в воздухе, когда драгоценное право быть свободным и суверенным было упорно отвоевано и неохотно уступлено, когда кровавые воспоминания о Йорктауне и Новом Орлеане перешли в славную историю, чернокожий, который своим мужеством помог основать свободные и независимые Штаты Америки, был обречен потеть и стонать, чтобы другие могли наслаждаться бездельем и роскошью. В каждом случае, когда чернокожего человека привлекала к борьбе за национальную независимость надежда на щедрое вознаграждение и честное рассмотрение его мужских прав, он получал в награду цепи и презрение. Дух несправедливости, врожденный в кавказской природе, проявлял себя

в каждом случае. Эгоизм и жадность нещадно превозмогали побуждения щедрой, гуманной, христианской натуры, как это всегда происходило в этой стране не только с африканцами, но и с индейцами, каждый из которых в свою очередь ощущал пагубное влияние той бессердечной жадности, которая пересиливает честность и справедливость, в нечеловеческой погоне за тленной выгодой.

Книги, которые были написаны в этой стране - книги, которые формировали и контролировали разумное общественное мнение - за последние сто пятьдесят лет были написаны белыми людьми, в оправдание властного эгоизма, жестокости и тирании белого человека. Начиная с *"Записок о Виргинии"* Томаса Джефферсона и до наших дней, звучит одна и та же мелодия, поется одна и та же песня, за редким исключением - как в случае с *"Хижиной дяди Тома"* миссис Стоу, *"Заданием дурака"* судьи Турге, *"Нашим братом в черном"* доктора Хейгуда и некоторыми другими, менее значимыми. История белого человека рассказывается снова и снова, пока читатель не устает от монотонного повторения, так похожего на десятицентовые романы, в которых белый охотник всегда одерживает победу над краснокожим. Честный читатель тщетно жаждет взглянуть на другую сторону картины, так старательно отвернутой к стене.

Даже в книгах, написанных специально для того, чтобы рассказать о черном человеке, автор был вынужден смягчать, вставляя смягчающие, часто несущественные обстоятельства, свирепость и ненасытную жажду алчности своей расы. Он не мог рассказать историю как она была, потому что его природа, его любовь к расе, его врожденные предрассудки и узость взглядов делали его затаившимся трусом.

Так было и с газетами, которые всегда были послушным рефлексом смятенного общественного мнения, всегда поддерживая сильных и могущественных; так что в 1831 году, когда *"Liberator"* (издаваемый в Бостоне бесстрашным и патриотичным Гаррисоном) появился, он был одиноким Давидом среди роя голиафов, любой из которых был готов и стремился послужить делу дьявола, раздавив маленького ангела на службе у Господа. Так и сегодня. Великие газеты, которые должны отстаивать интересы угнетенных и обездоленных, которые должны быть палладиумами народных прав, все на стороне угнетателя или молча сохраняют достойный, но позорный нейтралитет. День за днем они плетут ложную картину фактов - фактов, которые должны оказать заметное влияние на будущего историка времени при составлении беспристрастной истории. О несчастьях масс говорится с усмешкой или извинениями.

Огромная армия рабочих - мужчин, женщин и даже нежных детей - не находит благосклонности в глазах этих рыцарей пера. Негры и индейцы, объекты скользких политиков и беспомощные жертвы точильщиков и воров, беззастенчиво искажаются в глазах всего мира как существа, неспособные воспринять искаженную цивилизацию, в среде которой они живут и существуют. Их кладут на чердак, чтобы вынести на всеобщее обозрение только тогда, когда кто-то захочет "выдать" или "присвоить".

Сегодня нет "Освободителей", а Уильямы Ллойды Гаррисоны почти все ушли в мир иной.

Роль, которую сыграло служение Христа в раннем конфликте против рабства в этой стране, была бы крайне загадочной и совершенно непостижимой, если бы не исторический факт, что представители христианской церкви в конфликтах с любым гигантским злом всегда были самыми сильными сторонниками, самыми послушными инструментами денежной власти и политических остряков, которые навязывали человечеству свои мерзкие тирании. Они попеременно умоляли и властвовали, ползали в пыли или поднимались на вершину дома, в зависимости от случая, от Григория до Смитов и Джонсов нынешнего времени. Так что уже

стало пословицей, что на служителей Евангелия всегда можно рассчитывать, что они встанут на сторону сильнейшей партии - всегда стремясь примирить "короля хлопка", "короля корпорации", "короля монополии" и всех прочих "королей" современного роста, как тростник на ветру, к сильным мира сего, будь то тирания, возведенная на основе тысячелетней узурпации, военный деспотизм однодневного роста или самонадеянное богатство, накопленное грабежом, лицемерием и коварными убийствами. Вместо того чтобы возглавить реформацию левиафанов, министерство ждет, пока сброд поаплодирует, прежде чем похвалить.^[1] Не таким образом великий Христос привел мир в движение, посеял динамит, который вырвал с корнем давно устоявшиеся пороки, и подготовил путь для окончательного искупления мира от греха и заблуждений.

Если христианское духовенство Соединенных Штатов и признало, наконец, деморализацию и незаконное рабство, то только потому, что героическая группа во главе с Уильямом Ллойдом Гаррисоном первой воспламенила сердце народа и заставила духовенство встать на сторону правого дела. Я говорю не о немногих героических исключениях, а о массе американского духовенства. Если в евангелизации чернокожего населения после восстания духовенство в значительной степени продвинуло эту работу, оно сделало это потому, что нашлись сотни и тысячи храбрых мужчин и женщин, готовых отдать свое время и деньги на укрепление возмущенного человечества и дела Христа. Они просто привели в действие движения, задуманные и возвращенные гением и филантропией других людей, и никто из них не станет утверждать, что не собрал обильный денежный урожай за свои труды. И все же я хотел бы похвалить министерство Соединенных Штатов за все, что они сделали как проводники гуманных, разумных и филантропических взглядов времени; кроме того, были хорошие люди, которые боролись за добро просто потому, что дело было справедливым.

ФУТБОЛ:

[1]

*Будь первым, кто проявит истинные достоинства,
Похвалы лишится тот, кто ждет, пока все похвалят.*

Эссе Поупа о человеке.

ГЛАВА II

Белый

[Вернуться к оглавлению](#)

Цель моего труда - показать, что американское правительство всегда считало людей африканского происхождения иностранцами, не только тогда, когда Конституция была измучена узколобыми людьми, чтобы защитить жестокого и кровожадного рабовладельца в обладании его человеческой собственностью, но и сейчас, когда панорама гражданства, как предполагается, является достаточной, чтобы гарантировать бывшему рабу пользование полными правами человека как суверенного гражданина.

Конфликт закона и моральных чувств страны был долгим и кровавым, и конец его еще не наступил. Политические партии в этой стране не руководят, а следуют за общественным мнением. Они зависят от аплодисментов толпы и преуспевают или терпят неудачу в своих попытках управлять делами правительства в той мере, в какой они интерпретируют желания этой толпы. Не только партии подчиняются желаниям неграмотного большинства, но и отдельные люди, которые предпочитают кататься на волне успеха в качестве поборников больших несправедливостей, а не уходить в отставку в качестве поборников справедливых принципов. Голос заклинателя слишком силен, чтобы ему можно было успешно противостоять.

Республики всегда были плодотворны на демагогов. Такие паразиты находят почву демократического правительства наиболее плодородной и благоприятной для своей деятельности, потому что аудитория, перед которой они выступают, и страсти, к которым они апеллируют, не всегда являются наиболее рефлексивными, гуманными или просвещенными. Демагоги - это паразиты республик; и то, что наша страна страдает от их ненормального количества, следует ожидать из-за неустойчивого характера наших институтов, протяженности нашей территории и неоднородности нашего огромного населения.

Под нашим правительством находят приют и защиту все народы мира, за исключением африканца (которого раньше использовали как ношу, а теперь как футбольный мяч, который пинает одна фракция и отбивает другая) и трудолюбивого китайца, которому Конгресс нации запретил въезд в страну из-за чрезмерного благоговения перед демагогами сэнд-лотов Тихоокеанского побережья во главе с Денисом Керни, поскольку было желательно примирить их голоса, даже в ущерб последовательности и единству Конституции. Этот великий документ, который постоянно утверждается как самый широкий и либеральный договор, когда-либо разработанный для управления людьми, всегда оказывался достаточно узким, чтобы служить целям олигарха-рабовладельца и махинациям партии власти; он всегда предоставлял достаточное убежище и защиту лаццарони Италии, нищим Ирландии и зажигательным духам других стран, но при этом не мог защитить чернокожего человека, гражданина и уроженца поместья, ни в одном общем, гражданском или политическом праве, которое обычно связывают с гражданством.

Предполагаемый гражданин Соединенных Штатов совершает убийство в юрисдикции дружественной державы, и глава пятидесятимиллионного народа считает себя обязанным как глава фракции, к которой он принадлежит, "обратить внимание Конгресса" на этот факт, якобы в интересах справедливости и честной игры, но, очевидно, чтобы заручиться доброй волей американцев, симпатизирующих убийце. В то время как, напротив, в нескольких сотнях миль от столицы страны вооруженная толпа граждан хладнокровно расстреляла дюжину своих сограждан, но вождь нации не счел нужным или необходимым "привлечь внимание Конгресса" к этому вопросу. А почему? Да потому, что газеты, озвучивая желания сброда и торговых бакланов, кричат о "Кровавой рубашке", с наглой наглостью провозглашая, что каждый штат "суверенен" и что его граждане *имеют полное право* терроризировать и убивать друг друга, если им так хочется. Библия гласит: "Праведность возвышает народ, а грех позорит всякий народ". Боже, храни Союз!

Но подобные рассуждения свидетельствуют не только об американской политике, но и о кавказской человеческой природе, той человеческой природе, которая редко поднимается выше корысти в бизнесе или политике. Если у вас много денег, то торговец - весь в услугах, адвокат - весь в улыбках; если у вас есть голоса, которые считаются, то политики не могут быть слишком угодливыми, слишком приветливыми, слишком стремящимися услужить вам. Но если у вас есть просто человечность, облеченная в ужасное величие справедливого дела,

вы напрасно взываете к торговым бакланам, юридическим гарпиям или демагогам власти. Пока вы не сольетесь с ними, пока не облачитесь в широкие одежды и виссон, вы не сможете добиться даже уважительного слушания".

Аболиционистам потребовалось целых тридцать лет, чтобы убедить американский народ, включая служение Христа, в том, что рабство - это, чистый и простой, "завет со смертью и соглашение с адом"; и, как ни печально это признавать, убедить их удалось против их воли. Их чувство справедливости стало настолько тупым, что полностью притупило разум, братское сочувствие общей расовой принадлежности и широкие, либеральные и справедливые внушения Иисуса Христа. Нация опустилась до моральной грязи Константинополя; и даже Иоанн, вопиющий в пустыне, не мог пробудить в ней чувство запредельной мерзости, в которой она утопала, или бури, собирающейся на далеком горизонте.

Хотя вопрос об отмене рабства обсуждался уже более тридцати лет, нация, которой управляли политики обычного умственного калибра, была поражена вызывающим выстрелом в форте Самтер - выстрелом, который стал эхом падения самого мерзкого института, истощившего жизненные силы любого современного правительства, и который пробудил в народе горестное осознание того, что сила, бросившая им вызов, достаточно сильна и отчаянна, чтобы остановиться ни перед чем, кроме распада Американского союза. Так нация, все еще симпатизирующая рабству, все еще играющая с огненным углем, схватилась с монстром, чувствуя себя сильной, чтобы сокрушить его за несколько коротких месяцев.

Не потому, что люди нации ненавидели рабство и угнетение, они бросились на поле битвы; ими не двигала никакая праведность: это было потому, что рабовладельческая держава, которая так долго диктовала законодательство и толкование законов, не потерпела никакой негативной критики или законодательства в отношении позорного института, который она отстаивала, и обратилась с форума разума на форум изменнического мятежа, чтобы навязать право, так долго и (я краснею, чтобы сказать это!) *конституционно* уступленное ей.

Я не верю, что в 1860 году большинство (или даже приличное меньшинство) американского народа желало манумиссии раба; по характеру политических дискуссий того времени очевидно, что объединение партий, из которых в 1856 году была сформирована Республиканская партия, желало сделать не более, чем ограничить институт рабства в пределах занимаемой тогда территории. Разумеется, в таком положении "партии великих моральных идей" было очень мало комфорта для чернокожего человека.

Все предложения^[2], сделанные президентом Линкольном рабовладельческой державе в первый год войны, были сделаны в интересах сохранения Союза, а не в интересах раба.

Его ответ мистеру Горацию Грили, который убеждал его в важности выпуска прокламации об эмансипации, является убедительным доказательством того, что он больше заботился о Союзе, чем о рабах:

Исполнительный особняк, Вашингтон,
22 августа 1862 года

Достопочтенный Гораций Грили:- Дорогой сэр: Я только что прочитал ваше письмо от 19-го числа, адресованное мне через "Нью-Йорк Трибьюн". Если в нем есть какие-либо утверждения или предположения о фактах, которые, как мне известно,

ошибочны, я не стану оспаривать их здесь и сейчас. Если в ней есть умозаключения, которые, как я могу полагать, сделаны ложно, я не стану сейчас и здесь их оспаривать. Если в нем прослеживается властный и диктаторский тон, я отказываюсь от него в знак уважения к старому другу, чье сердце я всегда считал правым.

Что касается политики, которую я, как вы говорите, провожу, то я не хотел оставить никого в сомнении.

Я хочу спасти Союз. Я хочу спасти его кратчайшим путем, предусмотренным конституцией. Чем быстрее будет восстановлена национальная власть, тем ближе Союз будет к тому, чем он был.

* Если найдутся те, кто не захочет спасать Союз, если они не смогут в то же время *уничтожить рабство, я с ними не согласен*. Моя первостепенная цель в этой борьбе - *спасти Союз, а не спасти или уничтожить рабство*. Если бы я мог спасти Союз, *не освободив ни одного раба, я бы это сделал*; если бы я мог спасти его, освободив *всех рабов, я бы это сделал*; если бы я мог спасти его, освободив одних и оставив других, я бы тоже это сделал. *Все, что я делаю в отношении рабства и цветной расы, я делаю, потому что верю, что это поможет спасти Союз*; а то, что я запрещаю, я запрещаю, потому что не верю, что это поможет спасти Союз. Я буду делать *меньше*, если буду считать, что то, что я делаю, вредит делу, и буду делать *больше*, если буду считать, что большее поможет делу. Я буду стараться исправлять ошибки, если они окажутся ошибками, и буду принимать новые взгляды так быстро, как только они окажутся истинными.

Я изложил здесь свои цели в соответствии с моим видением *служебного* долга; и я не намерен изменять свое часто выражаемое *личное* желание, чтобы все люди, повсюду, были свободны.

Ваш,

А. Линкольн

Все - человечество, справедливость, потомство - было положено на жертвенный алтарь Союза, а рабовладельческой державе неоднократно и убедительно предлагалось сложить свое предательское оружие, получить прощение и оставить своих рабов. Для мистера Линкольна, как президента, Союз был первым, последним и всегда. И он лишь повторял преобладающие мнения своего времени. Я не оспариваю и не критикую его *личное* отношение; но то, что он сам называл своим "взглядом на официальный долг", заключалось в исполнении воли народа, а это *не было* отменой рабства, в то время.

Поскольку политики брались за решение великого вопроса только тогда, когда считали, что это продвинет их эгоистические интересы, они были готовы отказаться от него или положить его на алтарь "целесообразности", когда великие тучи измены надвигались на них в виде гигантского восстания. Политики того времени, как и политики всех времен, были неспособны оценить масштабы вопросов, вовлеченных в конфликт.

Но рабовладельческая держава была разбужена. Ее нельзя было успокоить уговорами; она не хотела компромиссов. Она не потерпит вмешательства, противоречащего ее "своеобразному институту". В Конгрессе нации, в высших эшелонах власти ему так долго позволяли диктовать политику в отношении рабства, оно так привило институтам правительства вирус своих порочных взглядов, что о вмешательстве, о диктате не могло быть и речи. Это был Эфраим и его идол, который повторялся.

Юг навязал вопрос народу страны. Южане шли под знаменем "прав штатов" - доктрины, которую они всегда отстаивали. Им было наплевать на Союз *тогда*, и еще меньше им наплевать на Союз *сейчас*. Штат для них - суверенное государство; нация - великолепное сочетание небытия. Государство держит в своих руках все, что касается жизни, прав личности и собственности. Дух Хейна и Кэлхуна все еще освещает путь южанина в его обязанностях перед правительством. Он не признает более потенциального суверенитета, чем суверенитет своего штата.

Долгие годы агитации и кровопролитной войны не смогли решить вопрос о правах штатов или о мере защиты, которую национальное правительство должно оказывать отдельным членам штатов. Мы все еще блуждаем по извилистым тропинкам неопределенности. Государство все еще бросает вызов национальной власти, а отдельные граждане нации все еще тщетно ищут защиты от деспотичных законов штатов или насильственных методов их граждан. Вопрос "Что больше - государство или братство государств?" все еще не решен, и, возможно, на каком-то будущем этапе нашей истории его придется решать, вновь обратившись к оружию.

ССЫЛКИ:

[2] Я, Авраам Линкольн, президент Соединенных Штатов Америки и главнокомандующий их армией и флотом, настоящим провозглашаю и заявляю, * * * что в первый день января в год Господа нашего тысяча восемьсот шестьдесят третий все лица, содержащиеся в качестве рабов в любом штате или определенной части штата, народ которого восстает против Соединенных Штатов, будут тогда, и впредь, и навсегда свободны; * * * Что исполнительная власть в первый день января вышеуказанного года прокламацией определит штаты и части штатов, если таковые имеются, в которых их население соответственно находится в состоянии восстания против Соединенных Штатов. - "Условная" прокламация президента Линкольна об эмансипации.

ГЛАВА III

Негр и нация

[Вернуться к оглавлению](#)

Война за восстание решила только один вопрос: Она навсегда решила вопрос о рабстве[3] в этой стране. Она навсегда вытеснила из жизни позорное конституционное право одного человека грабить другого, покупая его личность или его честную долю в продуктах собственного труда. Но это был единственный вопрос, окончательно и бесповоротно решенный. Но и этот вопрос не *был* всепоглощающим. Право штата на выход из так называемого *Союза* осталось там, где оно было, когда предательский выстрел в форт Самтер пробудил народ ко всем ужасам междоусобной войны. И мера защиты, которую национальное правительство должно оказывать отдельным членам штатов, - право, навязанное ему принятием XIV поправки[4] к Конституции, - по-прежнему должна быть подтверждена.

Недостаточно того, что федеральное правительство должно тратить свою кровь и сокровища, чтобы разموжить конечности четырех миллионов людей. Рабство может быть

более одиозным, более отвратительным, чем простое рабство. Навязывание рабу невежества было объявлено актом милосердия, поскольку информировать его об интеллекте означало бы просто сделать его противоестественную участь еще более невыносимой. Примером может служить жалкое существование Эзопа, великого чернокожего моралиста. Но именно к этому привела манумиссия чернокожих жителей этой страны. Они находятся под абсолютным контролем белых южан; их систематически обкрадывают; они хуже обеспечены жильем, одеждой и питанием, чем при рабовладельческом режиме; и они практически не пользуются защитой законов штата или федерального правительства. Когда они обращаются к федеральному правительству, Верховный суд советует им обращаться к властям штата - как будто они обратились бы к ним, если бы те предоставили им ту защиту, на которую их суверенное гражданство дает им право!

Практически, в Соединенных Штатах нет ни одного закона, который бы протянул свою защитную руку к чернокожему человеку и его правам. Он, как ирландец в Ирландии, является чужаком на своей родине. Нет центрального или вспомогательного органа, к которому он мог бы обратиться за защитой. Куда бы он ни обратился, сильная рука официальной власти оказывается бессильной защитить его. Фермер и торговец грабят его с абсолютной неприкосновенностью, а безответственные грубияны убивают его без страха наказания, не останавливаемые ни законом, ни общественным мнением, которое потворствует, если не вдохновляет, незаконным актам насилия. Законодательные органы штатов разработали свод законов, более жестоких и несправедливых, чем те, которые были введены в бывшем рабовладельческом государстве.

Право голоса^[5] было практически аннулировано в каждом из бывших рабовладельческих государств, и ни в одном из них сегодня человек не может голосовать, думать или поступать так, как ему заблагорассудится. Он должен соответствовать взглядам людей, которые узурпировали все функции правительства - которые, острием кинжала и ружьем, сделали себя хозяевами вопреки всем законам и прецедентам в нашей истории как государства. Они узурпировали власть с помощью оружия труса и убийцы, и они поддерживают себя у власти с помощью самых одобряемых методов самых одиозных тиранов. Эти люди пролили столько же невинной крови, сколько и кровавый триумвират Рима. Сегодня убийцы с поличным сидят на высоких постах власти и греются в улыбках невинности и красоты.

Газеты страны, выражающие настроения народа, буквально заставляют замолчать любого, кто имеет смелость протестовать против преобладающей тенденции к беззаконию^[6] и неприкрытой узурпации; а партии перестали заниматься этим вопросом иначе, чем в целях политического капитала. Даже эта плодотворная шахта почти исчерпана. Еще несколько лет, и узурпатор и человек насилия останется в неоспоримом владении своим запятнанным кровью наследством. Никто не попытается удержать его от сеяния в эфире семян революции и смерти. Храбрые люди бессильны бороться с этим организованным бандитизмом, жалобы на который в насмешку называют "размахиванием окровавленной рубашкой".

Люди объединяются в общества для взаимной защиты. Правительство справедливо черпает свои полномочия из согласия управляемых. Но что мы скажем о том обществе, которое не способно распространить защиту, присущую ему? Что мы скажем о том правительстве, которое не имеет ни сил, ни желания обеспечить осуществление тех торжественных прав и иммунитетов, которые оно гарантирует? Провозгласить человека свободным и равным себе, а затем воздержаться от принятия законов, способных обеспечить ему такую свободу и равенство, значит посягнуть на самую священную из всех функций суверенитета. Разве Соединенные Штаты не поступают именно так? Разве они не предоставили свободу и

избирательное право, которые необходимы друг другу? И разве им не удалось сделать всемогущим одно и практически осуществимым другое? Эти вопросы вряд ли требуют ответа. О степени свободы чернокожего можно судить по его избирательному праву. Практически он не имеет права голоса в правительстве, при котором живет. Его собственность облагается налогом, а жизнь подвергается опасности, с одной стороны, штатами, с другой - неэффективной полицией, и ни один вопрос не задается и не ожидается от него. Когда он протестует, когда он кричит против этого вопиющего нарушения самых первых принципов республиканской формы правления, ему задают наглый вопрос: "А что вы собираетесь с этим делать?". И здесь кроется опасность.

Вы можете грабить и издеваться над рабом и спрашивать его, что он собирается с этим делать, и он не сможет ничего ответить. Он связан по рукам и ногам, ему фактически заткнули рот. Отчаяние - его единственное убежище. Он знает, что бесполезно апеллировать от тирании к ее разработчикам и апологетам. Только позорная смерть может принести ему облегчение. Так было с тысячами людей, обреченных на гибель институтом рабства. *Но со свободными людьми дело обстоит иначе.* Свободных людей нельзя угнетать и убивать, как рабов: нельзя так оскорблять их вопросом: "Что вы собираетесь с этим делать?". Задавая этот вопрос свободным людям, вы обращаетесь к людям, которые, хотя и опустили на грань отчаяния, все же способны восстать и разорвать на бедрах тех, кто считает их неспособными подняться над своим положением. История человечества изобилует подобными восстаниями рас и классов, доведенных до состояния абсолютного отчаяния. Американский негр не лучше и не хуже гаитянских революционеров во главе с Туссеном л'Увертюром, Кристофом и кровавым Дессаленом.

Я не предаюсь роскоши пророчества, когда заявляю, что американский народ питает в своей груди дух мятежа, который еще поколеблет столпы народного правительства так, как они никогда не были поколеблены, если только не будет начата и честно проводиться в жизнь более мудрая политика. Все признаки указывают на исполнение этого заявления.

Царь России корчится на своем троне не потому, что он обязательно плохой человек, а потому, что он - глава и центр того положения вещей, которое выжимает жизнь из народа. Его подданные бросают в тирана адские машины, потому что он представляет систему, которая их угнетает. Но зло гораздо глубже, чем трон, и его нельзя устранить ударом по занимающему его лицу - *сам трон должен быть выкорчеван и разрушен.* Поэтому ирландский вопрос имеет более мощный мотив для разжигания агитации и убийств, чем лендлорд и лендлордизм. Помещик просто выступает как представитель реального недовольства. *Если его убрать, то зло не исчезнет; агитация не прекратится; убийства по-прежнему будут происходить в полдень.* Настоящее недовольство - это ложная система, которая делает возможным существование помещика. Присвоение плодородных акров земли в Ирландии, создавшее и поддерживающее привилегированный класс, класс, который, не выполняя никакой работы, выжимает из труженика в виде ренты столько продуктов его труда, что тот не может на остаток содержать себя и тех, кто находится на его иждивении, усугубляет ситуацию. Именно эта система представляет собой реальную причину недовольства и превращает домовладельца в отвратительного бездельника с огромным количеством денег, а рабочего - в труженика, постоянно находящегося на грани голодной смерти. Очевидно, поэтому, что устранение помещика и оставление системы земельной монополии не избавит от зла. Уничтожьте последнего, и первый будет вынужден уйти.

Здесь кроется великая социальная ошибка, которая превратила прекрасные розы свободы в шипы, уколывшие руки чернокожих жителей Юга; которая сделала рабство благословением,

как бы парадоксально это ни казалось, а свободу - проклятием. Именно эта великая ошибка заплонила города Юга невежественным нищим населением, опустошив поля, которые когда-то цвели "как сад Господень", где теперь вместо кукурузы и хлопка, которые радовали сердце и наполняли кошелек, процветают высоченные дубы и сосны. Именно это гигантское беззаконие породило тот высокомерный класс, который исчерпал весь каталог насилия для получения власти и весь лексикон софистики для аргументов, чтобы смягчить чудовищность преступления. Как может быть иначе? Говорить человеку, что он свободен, когда у него нет ни денег, ни возможности их заработать, - значит просто издеваться над ним. Сказать ему, что у него нет хозяина, когда он не может жить иначе, как с разрешения человека, который при благоприятных условиях монополизирует всю землю, - значит вступить в самое дразнящее противоречие. Но именно это и сделали Соединенные Штаты для черного человека. И все же, поскольку за двадцать лет он не стал образованным и богатым, поскольку он не владеет обширными акрами и крупным банковским счетом, находятся люди, которые заявляют, что у него нет способностей, что он импозантен от природы и лжив от склонности.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[3] Ни рабство, ни недобровольное подневольное состояние, кроме как в наказание за преступление, за которое лицо было должным образом осуждено, не должны существовать в пределах Соединенных Штатов или любого места, подпадающего под их юрисдикцию - ст. XIII. Раздел 1 Конституции.

[4] Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подпадающие под их юрисдикцию, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен принимать или проводить в жизнь закон, ущемляющий привилегии или иммунитеты граждан Соединенных Штатов; *ни один штат не должен лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры или отказывать кому-либо, находящемуся под его юрисдикцией, в равной защите законов*-XIV Поправка, раздел 1.

[5] Право граждан Соединенных Штатов голосовать не может быть отклонено или ущемлено Соединенными Штатами или каким-либо штатом по причине расы, цвета кожи или прежнего подневольного состояния" -XV-я поправка, раздел 1.

[6] Пока я пишу эти строки, ежедневные газеты публикуют следующий абзац. Это всего лишь один из тех "фантиков", которые можно встретить в газетах изо дня в день. Всегда найдется какое-нибудь обстоятельство, которое оправдывает убийство и оправдывает убийцу. Черный всегда заслуживает своей участи. Я привожу этот абзац:

"Спир, Митчелл, штат Северная Каролина, 19 марта 1884 г. - Полковник Дж. М. Инглиш, фермер и видный гражданин, живущий в Платри, округ Митчелл, штат Северная Каролина, застрелил мулата по имени Джек Матис в субботу, 1 марта, и убил его в этом месте. Между ними уже несколько месяцев существовали разногласия.

"Прошлым летом Матис работал на одной из слюдяных шахт полковника Инглиша. Улики указывали на его причастность к систематическому воровству слюды из шахты. Однако прямых улик было недостаточно, чтобы осудить его, и он был уволен Инглишем. Матис также был арендатором одного из домов и участков Инглиша. В обиде он нанес ущерб имуществу, разрушив забор, сорвав доски с дома и повредив фруктовые деревья. За это полковник Инглиш подал на негра в суд, и 9 февраля местный судья, бывший шериф Уайзмен, вынес ему решение на 100 долларов. В указанную дату во время случайной встречи горячие слова

переросли в ссору, и полковник Инглиш застрелил негра. Матис был сильным человеком. Инглиш - калека, хромой на ногу из-за ранения, полученного на мексиканской войне.

"Недавно состоялся предварительный суд, на котором полковник С.К. Вэнс выступал в защиту полковника Инглиша. Выслушав все показания, суд принял решение об оправданном убийстве, и Инглиш был освобожден. Место перестрелки находится в горах на западе Северной Каролины, недалеко от слюдяной шахты Флэт-Рок, где 17 февраля в полночь были зверски убиты Берлсон, Миллер и Хортон Рэем и Андерсоном, двумя сотрудниками налоговой службы, которые воспользовались этим, чтобы завладеть слюдяной шахтой".

Я знаю о таких делах на Юге, что черные и белые ссорятся из-за какого-нибудь пустяка, и белые, чтобы прекратить спор, пристреливают черного. Негр всегда оказывается *"сильным парнем"*, а белый - *"слабым больным человеком"*. Закон и общественное мнение всегда на стороне белого.

ГЛАВА IV

Триумф побежденных

[Вернуться к оглавлению](#)

По всей длине и ширине нашей великой страны есть люди, которые зарабатывают себе на жизнь тем, что обманывают лучших людей, чем они сами; постоянно кричат, что черный человек не способен быть цивилизованным; что он рождается с элементами варварства, импровизации и лживости, настолько вплетенными в его природу, что никакие возможности, труд, любовь и жертвы не смогут вывести его из состояния, "сферы, которую Бог предназначил ему занимать" - как будто великий Общий Родитель заботится о создании одного человека больше, чем другого. Но те, кто произносит подобные богохульства, кто призывает на помощь Всемогущего, чтобы сражаться с дьяволом, - это те самые люди, которые своими наставлениями и примером делают все возможное для подтверждения своих богохульств. Они несут свои причитания на кафедру, в могильные соборы, в газеты и даже в законодательные органы штата и федерации. Они - лжепророки, которые ослепляют разум и притупляют симпатии честных, благонамеренных людей. Они - Ионасы на борту корабля прогресса. Они принадлежат к тому классу людей, которые могут найти изъяны в самом лучшем произведении искусства. Они находят недостатки в огромной массе окружающего их невежества, утверждая, что бедные жертвы только сами виноваты в своем обездоленном и болезненном состоянии и, следовательно, не имеют права на сочувствие или благотворительность своих более удачливых собратьев, не помня, что великий Мастер, судя по ложным законам людей, заявил, что "бедные всегда с вами"; в то время как очень богатых выставляют монстрами эгоизма, хищничества и самых отвратительных социальных пороков. Поэтому вряд ли можно ожидать, что этот класс людей найдет что-то хорошее в характере недавно поработанного чернокожего человека или какое-либо улучшение в его положении с тех пор, как щедрое правительство сделало его невежественным избирателем и закоренелым нищим - жертвой своего бывшего хозяина, чтобы быть ограбленным на корню предприимчивыми и беспринципными торговыми гарпиями и лишенным права голоса откровенными демагогами или преступниками, к которым я не буду применять термин "убийцы" из опасения использовать плохой английский.

Когда американское правительство даровало чернокожим свободу и право голоса, оно добавило четыре миллиона человек к и без того огромной армии людей, которые, кажется, специально созданы для того, чтобы трудиться ради обогащения огромных корпораций, у которых нет души, и для отдельных людей, которых наше правительство сделало привилегированным классом, позволив им узурпировать или монополизировать, через принятый канал бартера и торговли, землю, с которой массы, трудящиеся массы, должны получать средства к существованию, и без привилегии возделывать которую они должны ослабеть и умереть.[7] Она также добавила четыре миллиона душ к тем, кого с утонченным сарказмом называют "опасными классами"[8] - под которыми подразумевается огромная армия мужчин и женщин, которые, желая и стремясь честно зарабатывать на жизнь трудом своих рук, когда спекулянты кричат о "перепроизводстве", "перенасыщенном рынке" и прочей чепухе, угрожают силой отнять у общества то, что общество мешает им зарабатывать честным путем.

Если общество порождает столько преступлений и нищеты, как наше, при том что ресурсов для удовлетворения реальных потребностей каждого достаточно, значит, что-то в корне не так, и не в самом обществе, а в фундаменте, на котором оно зиждется. Где же находится эта язва? Может быть, в том мертвом грузе неграмотности, который мы несем? Массы немногих стран более интеллектуальны, чем наши. Может быть, причина в обременительном налогообложении или плохо отрегулированном тарифном регулировании? Немногие страны обременены меньшим долгом, и во многих из них тарифные законы гораздо хуже, чем в нашей стране. Может быть, причина в несправедливом пенсионном обеспечении? Вряд ли мы упускаем из виду небольшую компенсацию, которую мы выплачиваем людям (или их наследникам), которые в час национальной опасности свободно отдали свои жизни, чтобы увековечить Союз наших государств. Где же скрывается паразит, который разъедает энергию народа, превращая его в нищих и преступников посреди изобилия и величайшей цивилизации? Не кроется ли он в мощных монополиях, которые мы создали? Монополия на землю, на железные дороги, телеграф, на развитие мануфактур и т. д., - гигантские силы нашей цивилизации, которые по своей природе являются проводниками общественного удобства, комфорта и абсолютной необходимости? Общество в современном понимании не могло бы существовать без этих сил; они являются неотъемлемой частью нашей цивилизации. Естественно, поэтому общество должно контролировать их или смириться с унижением быть управляемым ими. И это последнее в значительной степени происходит в настоящее время. Развив эти силы из своих потребностей, сделав их сильными и постоянными, общество не смогло навязать им условия, которые должна была диктовать мудрая политика, и теперь страдает от катастрофических последствий. Хвост виляет собакой, а не собака виляет хвостом.

Ни одно правительство не может позволить себе, с какой бы то ни было степенью безопасности, сделать из такого количества рабов четыре миллиона граждан. А если вспомнить, что наши рабы были освобождены от своих прежних хозяев - одним росчерком пера подняты из самого униженного состояния на вершину суверенной мужественности - равные в неограниченной мужественности, с привилегиями и иммунитетами граждан, которые были рождены, чтобы править, а не быть управляемыми, - то становится ясно, насколько критичной была ситуация.

Но это состояние было однажды создано сильной рукой федерального правительства, основанной на кровопролитной и дорогостоящей войне в открытое нарушение Конституции, разработанной компромиссными отцами Республики; раб однажды стал свободным человеком, таким же, как и его бывший хозяин, и получил право голоса, высшую привилегию

правительства, которую может осуществить человек; -Правительству, зашедшему так далеко, ничего не оставалось делать, как вклиниться своей всемогущей властью между надменным и высокомерным свободным человеком с одной стороны и сгорбленным и испуганным свободным человеком с другой - львом и ягненком. Поступить иначе было бы не просто жестоко, а убийственно; агентство, создавшее условия, было обязано по всем законам и прецедентам следить за тем, чтобы эти условия сохранялись во всей своей полноте. Оно не могло уклониться от решения вопроса иначе, как за счет достоинства, последовательности и человечности. Оставался только один достойный путь. Любой другой был бы ужасным отказом от принципов. Если правительство обладает властью создавать, делать свободными людей и граждан, то оно, очевидно, должно обладать властью обеспечивать пользование предоставленной свободой и защищать неприкосновенность предоставленного права. Любой другой вывод превратил бы правительство в пустое слово и посмешище для народов; любой другой вывод сделал бы предоставление свободы и гражданства абсурдным до крайности, простым трюком демагога, чтобы облегчить народную совесть. Подобный поступок опустит порядочное правительство в глазах всего мира ниже, чем жалкая апология правительства, представленная хедивом Египта.

Ни один патриотичный американец не признается ни себе, ни иностранцу, что правительство Соединенных Штатов через своих аккредитованных представителей в Конгрессе обладает конституционной властью предоставлять блага и не обладает властью делать эти блага доступными; заключать договор об обязательствах, денежных или иных, которые оно не имеет права ликвидировать. Действительность договора, по сути, зависит от способности сторон заключить его, поскольку ни один суд не может привести в исполнение договор, если будет доказано, что его участники не имели законного права заключать его или выполнять его условия. Когда суверенное правительство делает себя стороной договора, это принимается как гарантия соблюдения условий. Народ связан обязательствами своих агентов, которым он делегирует полномочия. Ничто не рассматривается в более отвратительном свете, чем отказ суверенных государств от своих честных долгов. В финансовых кругах это считается самым черным преступлением из всех преступлений. Кредит государства сводится к песне, и состоятельные люди избегают его, как гремучей змеи. Государство и его народ выставляются чудовищами разврата. Неважно, насколько несправедлив долг, насколько беден народ; одного факта отказа от обязательства, которое они добросовестно выполняли, достаточно, чтобы уничтожить их кредит в Нью-Йорке или Лондоне и сделать их мишенью каждой добродетельной газеты, которая выражает настроение класса, торгующего "фьючерсами" и "корнерами". В качестве иллюстрации возьмем штат Вирджиния. Население этого штата взяло на себя большие долги, чтобы оказать помощь и содействие так называемому Конфедеративному правительству, которое выкристаллизовалось вокруг вопроса: "Имеют ли суверенные штаты абсолютную, безраздельную власть регулировать свои внутренние дела, рабские и прочие, или же эта власть принадлежит федеральному или национальному правительству?" Когда народ Вирджинии заключил эти крупные долговые обязательства, используя свои будущие ресурсы и возлагая бремя на еще не родившихся людей, чтобы распространять теории, противоречащие здравым доктринам управления, и увековечить институт, слишком гнусный, чтобы упоминать его с уважением, в 1860 году и сразу после этого, когда штат Вирджиния заключил рассматриваемые долговые обязательства для увековечения рабства, его население составляло 1 047 299 человек; 65,6 процентов которого составляли белые (свободные), а 34,4 процента - цветные (рабы). Таким образом, Вирджиния, заключая долговые обязательства в 1860 году, не рассчитала, что через двадцать два года после этого обязательства будут отменены, а кредит государства обесценен благодаря помощи того самого класса людей, чтобы привязать их к жестокому и варварскому рабству, с которым эти

долги были заключены. Это один из самых поразительных примеров возмездия, которые я когда-либо знал. Когда несколько лет назад этот вопрос был поставлен на окончательное решение, не было ничего более естественного, чем то, что чернокожие избиратели Вирджинии встали на сторону тех, кто выступал против полного погашения задолженности. Слишком много можно ожидать от здравомыслящих людей, что в государстве суверенного гражданства они согласятся аннулировать долги, которые были заключены, когда они не имели права голоса в этом вопросе, и когда, по сути дела, эти долги были заключены, чтобы наложить на них цепи смерти. И все же за то, что чернокожие жители Вирджинии приняли участие в урегулировании ее позорного долга, их оскорбляли и поносили от одного конца страны до другого. За то, что они отказались голосовать за то, чтобы обложить себя налогом для выплаты денег, взятых в долг без их согласия и использованных для целей смерти и резни, не нашлось ни одного человека, который бы похвалил их или признал достаточно смягчающими обстоятельства, связанные с этим вопросом. Шейлок должен получить свой фунт плоти, пусть даже незадачливая жертва истекает кровью. Но есть законы "выше" любых, созданных в интересах тиранического капитала. По моему мнению, человек, который сознательно вкладывает свои деньги в увековечивание такого мерзкого института, как рабство, заслуживает не только потери процентов от своих инвестиций, но и основной суммы. Поэтому я не испытываю ни малейшего сочувствия к жадным бакланам, вложившим свои деньги в так называемое правительство Конфедерации. Не сочувствую я и жителям Юга, которые, вложив все свои деньги в человеческую плоть, к концу Восстания оказались нищими в нескольких смыслах - разорившимися по кошельку и не умеющими зарабатывать на жизнь честным трудом - слишком гордыми, чтобы работать, и слишком бедными, чтобы бездельничать.

В подобном вопросе никто не оспаривает право Вирджинии заключать долговые соглашения для распространения ошибочных или иных мнений, но речь идет о том, имеет ли право народ одного поколения облагать налогом, то есть поработать, народ еще не родившихся поколений. Создание государственных долгов пагубно на практике и приносит больше вреда, чем пользы. Какое право я имею создавать долги для своего внука или внучки? Я не имею права даже предполагать, что у меня будет внук, и уж тем более не имею права предполагать, что он будет в состоянии покрыть свои собственные долги в дополнение к тем, которые я на него возлагаю. Характер людей, призванных погасить долг Вирджинии, заключенный в 1860 году, до или сразу после этого, радикально отличался от характера людей, призванных обложить себя налогами, чтобы списать этот долг. Не только характер людей претерпел радикальные изменения; весь социальный и промышленный механизм штата претерпел удивительную, почти неузнаваемую метаморфозу. Надменный аристократ с его роскошными плантациями, армией рабов и "скотом на тысяче холмов", с готовностью взявший долг, превратился в кислого нищего, когда его призвали исполнить вексель; В то время как великолепная плантация во многих случаях была разрезана на тысячи кусков, чтобы сделать дома для бывших рабов, теперь свободных и граждан, равных "моему господину", а "его скот на тысяче холмов" сократился до упрямого осла и измученной дойной коровы. Правда, белый человек в значительной степени завладел землей, но сразу после войны он был совершенно неспособен извлечь из нее щедрость природы; сначала его нужно было перевоспитать.

Но когда кровавое восстание закончилось, страна в своем суверенном качестве и отдельные штаты были призваны решать серьезные вопросы, вытекающие из конфликта. Мистер Линкольн одним росчерком пера^[9] перенес сражение с поля боя в законодательные залы.

Учитывая "Прокламацию об эмансипации", изданную Линкольном, и неоценимую услугу, оказанную чернокожими войсками[10] в ходе восстания, нельзя было обойти стороной законодательное регулирование статуса бывших рабов. От этого вопроса нельзя было уклониться; подобно призрак Банко, он не мог опуститься. Даже когда война закончилась и вопрос о рабстве навсегда отошел на второй план, нашлись люди, готовые все еще играть с полумерами, угождать капризам этой вероломной, но храброй державы - Юга. Они еще не знали, что настроения южан в основе своей революционны, динамичны до крайности, и с ними нельзя играть, как с куклой. Поэтому государственные деятели приступили к разработке "политики Реконструкции" - политики более глупой, более изобилующей роковыми уступками и гораздо более роковыми упущениями, чем любая другая, когда-либо принятая для принятия и управления восставшим народом, с одной стороны, и вновь созданным, в высшей степени беспомощным народом - с другой. Нелегко спокойно относиться к ошибкам "политики Реконструкции" и многочисленным промахам, которые последовали за ее принятием.

Юг с презрением отверг и успешно аннулировал законодательную волю победителей.

Судья Альбион В. Турги пишет об этой политике в своей книге под названием *A Fool's Errand*: "В основе всего этого лежали великолепные чувства - непоколебимая решимость, непобедимый вызов всему, что казалось принуждением или тиранией. Нельзя не относиться с гордостью и сочувствием к несгибаемым людям, которые, будучи побежденными в войне, все же сопротивлялись любым попыткам завоевателя изменить их законы, обычаи или даже *состав* их правящего класса; и это тоже не только с непреклонным упрямством, но и с успехом. Нельзя не восхищаться высокомерной смелостью, с которой они обвиняли победившую их нацию - даже в устах ее законодателей - в вероломстве, злобе и духе недостойной и презренной мести. Как они высмеивали законы о реконструкции, которыми хвастались мудрецы! Как смело они заявляли, что конфликт неудержим и что белые и черные не могут и не должны жить вместе как согласованные правящие элементы! Как легкомысленно они рассказывали кровавые истории о ночных всадниках в масках, о невидимой империи стрелковых и сабельных клубов (организованных в мирных целях), о предупреждениях, порке и резне! Ах, как это прекрасно! * * * Кровавая, как царствование Марии, варварская, как хроники команчей!"

ПЯТНАДЦАТЬ:

[7] Мы, Соединенные Штаты, ставим себе в заслугу то, что отменили рабство. Если отбросить вопрос о том, насколько велика заслуга большинства из нас в отмене негритянского рабства, то остается верным, что мы отменили только одну форму рабства - и эту примитивную форму, которая была отменена на большей части территории страны в результате социального развития и которая, несмотря на то, что ее расовый характер придавал ей особую стойкость, со временем была бы отменена таким же образом и в других частях страны. На самом деле мы не отменили рабство; мы сохранили его в его наиболее коварной и широко распространенной форме - в форме, которая применяется к белым так же, как и к черным. Пока не отменили рабство, оно расширяется и усиливается, и мы не побрезговали ввергнуть в него наших собственных детей - граждан Республики, которым еще предстоит стать таковыми. Ведь что еще мы делаем, продавая землю, на которой должны жить будущие граждане, если они вообще будут жить" - Генри Джордж, *Социальные проблемы*, стр. 209.

[8] Хотя в настоящее время на Юге наблюдается затишье в конфликте рас, это затишье - лишь передышка в великом светском противостоянии, а не постоянное умиротворение, основанное на решении расовой проблемы, представленной негритянским вопросом в его нынешних аспектах. Пока существующая масса нашего грубого и неассимилированного цветного населения занимает свое нынешнее место в политическом теле, мы должны ожидать, что цивилизация и политические права будут колебаться между опасностями - опасностью, исходящей от белого человека, когда он ставит цивилизацию или иногда ее пародию выше политических прав негра, и опасностью, исходящей от черного человека, когда его политические права ставятся им самим или другими выше цивилизации - Президент Джеймс К. Уиллинг, "Расовое образование" в *The North American Review*, апрель, 1883.

[9] В силу полномочий и в целях, указанных выше, я постановляю и заявляю, что все лица, содержащиеся в качестве рабов в указанных штатах и частях штатов, являются и отныне будут свободными; и что исполнительное правительство Соединенных Штатов, включая их военные и военно-морские власти, признает и будет поддерживать свободу указанных лиц - *Прокламация об эмансипации* Авраама Линкольна.

[10] Из книги Уильямса *"История негритянской расы в Америке"* я составил следующую таблицу, показывающую количество цветных войск, использовавшихся федеральным правительством во время войны с мятежниками:

Цветные войска, предоставленные в 1861-65 гг.

Всего из штатов Новой Англии	7,916
Всего в средних штатах	13,922
Итого, западные штаты и территории	12,711
Итого, приграничные штаты	45,184
Итого, южные штаты	63,571

Всего штатов	143,304
Крупные	733
Не учтено	5,083
Офицеры	7,122

Итого	156,242

Здесь указаны цветные войска, зачисленные в штаты, охваченные восстанием; кроме того, в квотах нескольких штатов числилось 92 576 цветных войск (вместе с белыми солдатами).

ГЛАВА V

Неграмотность - ее причины

[Вернуться к оглавлению](#)

На момент окончания восстания в Союзе (согласно переписи 1860 года) насчитывалось 4 441 830 человек африканского происхождения; в 1880 году их число возросло до 6 580 793. Из этого огромного множества в 1860 году, можно с уверенностью сказать, читать и писать умел не каждый десяток тысяч. Самые строгие законы обрекали их на долгую ночь умственного мрака. Преступлением считалось научить чернокожего читать даже Библию - священное хранилище законов, которые должны освещать человеку путь от смерти к вечной жизни. Ведь научить раба - значит разжечь огонь и пробудить в нем ту любовь к свободе, которая не останавливается ни перед чем, кроме абсолютной свободы. Поэтому неудивительно, что в каждом южном штате были приняты самые одиозные запретительные законы, предусматривающие суровые штрафы и наказания за их нарушение, по вопросу информирования слабообразованного интеллекта рабского населения. Следующая таблица [на стр. 29] показывает состояние образования на Юге в 1880 году:

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮГЕ

Белые Цветные

Штаты Зачисление в школу - [A] Зачисление в школу - [A] [B]
численность населения

Алабама	217,590	107,483	49	170,413	72,007	42	\$375,465
Арканзас [b]	181,799	[c]53,229	29	[b]54,332	[c]17,743	33	238,056
Делавэр	31,505	25,053	80	3,954	2,770	70	207,281
Флорида [b]	46,410	[c]18,871	41	[b]42,099	[c]20,444	49	114,895
Джорджия [d]	236,319	150,134	64	[d]197,125	86,399	45	471,029
Кентукки [e]	478,597	[c]241,679	50	[e]66,564	[c]23,902	36	803,490
Луизиана [c]	139,661	[d]44,052	32	[c]134,184	[d]34,476	26	480,320
Мэриленд [f]	213,669	134,210	63	[f]63,591	28,221	44	1,544,367
Миссисипи	175,251	112,994	64	251,438	123,710	49	850,704
Миссури	681,995	454,218	67	41,489	22,158	53	3,152,178
Северная Каролина	291,770	136,481	47	167,554	89,125	53	352,882
С.Каролина [g]	83,813	61,219	73	[g]144,315	72,853	50	324,629
Теннесси	403,353	229,290	57	141,509	60,851	43	724,862
Техас [h]	171,426	138,912	81	[h]62,015	47,874	77	753,346
Виргиния	314,827	152,136	48	240,980	68,600	28	946,109
Западная Виргиния	202,364	138,799	68	7,749	4,071	53	716,864
Округ							
Колумбия	29,612	16,934	57	13,946	9,505	68	438,567
Итого	3,899,961	2,215,674	1,803,257	784,709	12,475,044		

[Заголовок таблицы А: Процент охвата населения школьным образованием]
[Заголовок таблицы В: Общие расходы для обеих рас[a]]

[a] В Делавэре цветные государственные школы поддерживались только за счет школьного налога, взимаемого с цветных граждан; недавно, однако, они получили ассигнования от штата в размере 2400 долларов; в Кентукки школьный налог, взимаемый с цветных граждан, является единственным государственным

ассигнованием на поддержку цветных школ; В Мэриленде Законодательное собрание выделяет средства раз в два года; в округе Колумбия одна треть школьных денег предназначена для цветных государственных школ, а в других вышеупомянутых штатах школьные деньги распределяются пропорционально количеству учащихся без учета расовой принадлежности.

[b] В нескольких графствах расовые различия не проводились.

[c] Подсчитано.

[d] В 1879 году.

[e] Для белых школьный возраст составляет от 6 до 20 лет, для цветных - от 6 до 16 лет.

[f] Перепись 1870 года.

[g] В 1877 году.

[h] Эти цифры включают некоторые дубликаты; фактическое количество школьников составляет 230 527 человек.

Выступая в Сенате США 13 июня 1882 года, когда рассматривался законопроект о национальной "помощи общим школам", сенатор Генри У. Блэр из Нью-Гэмпшира сказал:

За исключением штатов Мэриленд и Миссури, а также округа Колумбия, общие ежегодные расходы на обе расы составляют всего 7 339 932 доллара, в то время как в целом по стране ежегодные расходы за счет налогов составляют 70 341 435 долларов, а за счет школьных фондов - 6 580 632 доллара, или в общей сложности 76 922 067 долларов (см. таблицы 2 и 7), или одну десятую часть всех расходов, в то время как в этих штатах проживает одна пятая часть населения, посещающего школы. Причины, которые привели к такому положению вещей в южных штатах, гораздо менее важны, чем сами факты в их нынешнем виде. Найти и применить средство - единственная обязанность, которая лежит на нас. Без всеобщего образования не только последняя война окажется неудачной, но и отмена рабства будет признана огромным бедствием, если не преступлением.

Страна держалась вместе благодаря сильным и кровавым объятиям войны, но все, что нация могла сделать и сделала для сохранения целостности своей территории и своих законов с помощью грубой силы, будет потеряно, если вместо подчинения семи миллионов мужчин по законам штатов будет заменено тиранией невежества и безответственного избирательного права. Сецессия и конфедерация, основанная на рабстве как главном краеугольном камне, будут лучше, чем будущее южных штатов - лучше для обеих рас, если нация позволит одной трети, и это самая прекрасная часть ее владений, стать рассадником невежества, порока, анархии и любого преступления. Нация как таковая отменила рабство как правовой институт; но невежество - это рабство, и что бы ни было написано в ваших конституциях и законах, рабство будет продолжаться до тех пор, пока разум, служанка свободы, не осветит всю землю светом своей улыбки.

До войны южные штаты были аристократией, высокообразованной и дисциплинированной в науке управления. Поэтому они сохраняли порядок и процветали у себя дома, навязывая свою волю всей нации. Теперь все изменилось. Избирательное право стало всеобщим, а это означает всеобщее разорение, если способность разумно использовать его не будет создана всеобщим образованием. До республиканских конституций, составленных в соответствии с реконструкцией

Конгресса, которые пришли на смену правительствам, инициированным президентом Джонсоном, системы общего образования, как и всеобщее избирательное право, были неизвестны. Поэтому нация несет особую ответственность за существование и поддержку этих систем, а также за тот порядок вещей, который сделал их необходимыми. То, что под их влиянием был достигнут значительный прогресс, - правда, и то, что общая школа быстро становится такой же дорогой для народных масс на Юге, как и в других местах, тоже очевидно.

Нация через Бюро свободных людей и, возможно, в ограниченной степени другими способами потратила пять миллионов долларов на образование негров и беженцев в первые дни восстановления, а религиозные благотворительные организации основали множество специальных школ, которые на сегодняшний день стоят еще около десяти миллионов. Фонд Пибоди пролил небесные росы на весь Юг; но нужны проливные дожди; без них все зеленое должно увянуть.

Эта работа принадлежит народу. Это часть войны. Теперь у нас есть патриотические союзники - южане. Мы едины, и так будет всегда. Но и Северу, и Югу предстоит более ожесточенная и сомнительная борьба с силами невежества, чем та, которую они вели друг с другом в кровавые годы, омрачившие начало жизни этого поколения.

Юг потерял на уничтожении имущества около двух миллиардов долларов, а на продолжение войны - еще два миллиарда. Ни один народ не может потерять столько, не нарушив серьезно весь механизм своего правления. Именно по этой причине у меры "Национальная помощь образованию" так много и так настойчиво сторонников. Я хочу отнести себя к их числу. Если безопасность республиканского правительства зиждется на интеллекте и добродетели народа, то можно легко увидеть, насколько велика безопасность Юга в настоящее время. Если верно то, что язва ослабляет весь организм и ставит под угрозу жизнь больного, то мы ясно видим, к какой опасности может привести нас распространение неграмотности.

Неграмотность на Юге - одно из худших наследий, оставленных нации восстанием. Она стала главной причиной большего количества неправильного управления на Юге, чем любая другая причина, даже ненасытная алчность авантюристов с коврами мешками не взяла над ней верх. Она не только служила провокацией к казнокрадству и сутяжничеству, но и подстегивала мужество убийцы и делала веселым полуночный разгул вооруженных толп, стремящихся восстановить справедливость путем совершения преступлений, перед которыми меркнут зверства диких воинов. Совершались массовые убийства, а суверенное большинство было вынуждено молчать и бездействовать из-за повсеместной неграмотности масс. Самые первые принципы республиканского правления были безжалостно растоптаны ногами, потому что народ не знал своих суверенных прав и, следовательно, не имел мужества их отстаивать.

Того, что в шестнадцати штатах и округе Колумбия проживает 5 703 218 человек, которые должны получить образование из 12 475 044 долларов, достаточно, чтобы вызвать опасения у самого равнодушного друга хорошего правительства. Только в штате Нью-Йорк с населением всего 1 641 173 человека на школьное образование в 1880 году было потрачено 9 675 922 доллара.

Но я основываю свои аргументы в пользу создания и поддержания всеобъемлющей системы национального образования на других основаниях, нежели "безопасность Союза" - тот же

самый аргумент, который использовал мистер Линкольн, когда освобождал рабов. Этот аргумент силен и всегда будет оказывать большое влияние на определенный класс людей. И, естественно, так и должно быть, ведь сохранение Союза - это просто сохранение республиканской формы правления. Но есть и более веские аргументы, которые следует рассмотреть.

1. Правительство Соединенных Штатов несет прямую ответственность за неграмотность и повсеместную бедность, царящие на Юге. С его санкции и при его попустительстве институт рабства процветал и благоденствовал, пока не пустил настолько глубокие корни, что его практически невозможно было уничтожить. Именно *Союз*, а не отдельные *штаты*, сделал рабство частью основного закона страны. Если это правильное изложение дела, а я полагаю, что это так, то *Союз* (а не *штаты* по отдельности) несет ответственность за невежество чернокожего населения Юга. Рабство не могло бы существовать и развиваться в Союзе иначе, как с разрешения всех штатов Союза. Поэтому очевидно, что организация, создавшая и поощрявшая великое преступление, обязана, не только по законам Божиим, но и по человеческим, взять на себя ответственность за его создание и устранить, насколько это возможно, злые результаты этого преступления. От этого вопроса нельзя уклониться. Союз, а не несколько штатов, обязан взять на себя руководство методами, с помощью которых будет уменьшена ужасающая неграмотность Юга.

2. Не было недостатка в людях и газетах, призывавших Соединенные Штаты возместить рабовладельцам Юга ущерб, причиненный, так сказать, повальной конфискацией их собственности. Правда, эти люди и газеты принадлежат к тому классу нераскаившихся, которые верили, что рабство - *это Божественный институт*, а рабовладелец - своего рода наместник небес, святой Моисей, так сказать. Но если оставить абсурдность этого утверждения, лежащую на поверхности, то в их представлениях есть много очевидных причин. Именно *Союз* узаконил продажу и покупку собственности рабов, тем самым пригласив капиталистов вкладывать в нее деньги; и именно *Союз* объявил такие контракты недействительными путем отмены рабства или конфискации собственности рабов. Как я уже говорил, я не сочувствую тем, кто вкладывал свои деньги в собственность рабов. Они не только получили по заслугам, когда их собственность была конфискована, но их следовало бы заставить возместить все до последнего пенни бедным рабам, которых они систематически грабили. Но, возможно, это было бы слишком близко к идеалу справедливости. За огромным долгом перед рабом, лишенным честного заработка, мы идем за рабовладельцем, которому правительство предложило вложить свои деньги в кровь; мы идем к главе фирмы за выплатой долгов, заключенных фирмой, ибо каждый член правительства в определенной степени является агентом правительства, заключающим и выплачивающим долги по его делегированным полномочиям. Таким образом, закон считает виновным того, кто умышленно нарушает договор, заключенный добросовестно всеми его участниками. Вместо того чтобы возлагать на рабовладельца ответственность за ограбление чернокожего на протяжении ста лет, мы возлагаем ответственность на *правительство*.

Какой человек может подсчитать количество долларов, украденных у черного раба в виде зарплаты за сто лет! Какие претензии у рабовладельца к правительству по поводу конфискации имущества в сравнении с претензиями рабов за сто лет заработной платы и загубленную и загубленную мужественность! Миллиард долларов мог бы купить каждого раба на Юге в 1860 году, но пятьдесят миллиардов не смогли бы адекватно компенсировать рабу принудительный труд и униженную мужественность. Долг становится тем больше, чем ближе он рассматривается. И все же найдутся те, кто посмеется над этим утверждением; кто не сможет найти никаких оснований, на которых можно было бы обосновать его

справедливость; кто скажет, что чернокожий человек был полностью компенсирован за все тяготы, которые он перенес, за грабеж, которому он подвергался, и за унижение - не говоря уже о консервации - его мужественности тем великим актом, благодаря которому он стал свободным человеком и гражданином.

Но такая претензия существует или должна существовать; она опирается на самые веские основания справедливости; в то время как конференция свободы и гражданства была просто возвращением в первом случае того, что ни один человек не имеет права присваивать, по закону или без него; и, во-вторых, дарование блага, честно заработанного в каждом конфликте, который вел Союз от Йорктауна до Аппоматокс Корт Хаус - блага, вынужден воскликнуть я, которое во многих отношениях оказалось скорее проклятием, чем благословением, скорее мертвым грузом, который нужно нести, чем помощью в сохранении его свободы; и помощи в установлении его надлежащего статуса как равноправного гражданина. Я отрицаю *право* любого человека поработать своих собратьев; я отрицаю *право* любого правительства, суверенного, как Союз, или зависимого, как штаты во многих отношениях, принимать любые правила, которые лишают *одного человека или класс*, чтобы обогатить *другого*. Отдельные люди могут вкладывать свой капитал в человеческую плоть, а правительства могут узаконить этот позорный договор; тем не менее он несет в себе грубейшую несправедливость по отношению к человеку и оскорбляет законы Бога, общего Родителя всего человечества. В этой стране есть люди, обладающие большим влиянием, но не обладающие большим умом, которые, жалко подражая мастерской иронии *Юния*, говорят о черном человеке как о "подопечном нации" - своего рода нищем, зависящем от благотворительности щедрого и гуманного народа в плане пропитания, и даже терпят возможность жить среди них, чтобы наслаждаться благословением цивилизации, которая, как я считаю, выросла на зыбучих песках, цивилизации, более плодотворной для бедности, несчастья и преступлений, чем для компетентности, счастья и добродетели. Те, кто рассматривает чернокожего человека в свете "подопечного нации", слишком узколобы, невежественны или неблагородны, чтобы заслужить мое презрение. Народ этой страны стал сказочно богатым благодаря узаконенному ограблению чернокожего; казна национального правительства переполнилась каналами субсидий и казнокрадства, обогащая точильщиков и воров за счет доходов от рабского труда; в то время как девятнадцать из каждых двадцати землевладельцев на Юге получили свою несправедливую власть над землей, ограбив чернокожего человека. Когда восстание наконец завершилось, белые жители Юга были бедны золотом, но богаты землями, в то время как чернокожий был беден во всем, даже в мужском достоинстве, и не потому, что он был нерадивым или неимущим, а потому, что, хотя он трудился от восхода до заката солнца, он не получал за свой труд абсолютно ничего, часто ему не хватало пищи для поддержания физической формы и одежды для защиты от грубой непогоды. Он был банкротом по кошельку, потому что *правительство* ограбило его; он был банкротом по характеру, по всем элементам успешной мужской жизни, потому что *правительство* делало ставку на безграмотность и безнравственность. Не отдельный рабовладелец держал чернокожего в цепях, а *правительство*; ведь если правительство разрешило существование рабства, то оно исчезло в тот же миг, когда правительство объявило, что его больше не должно существовать!

Поэтому я утверждаю, что народ этой страны, поработивший чернокожего, лишивший его более ста лет труда, извративший его нравственную природу и практически погасивший в нем Божественную искру разума, морально обязан сделать все, что в его силах, чтобы укрепить его разрушенную мужественность, поставить его на ноги, чтобы он мог

наслаждаться свободой, которую ему так бесцеремонно навязали, и с лояльностью и патриотизмом воспользоваться избирательным бюллетенем, отданным в его руки, - бюллетенем, в котором заключена судьба республиканского правительства, вечность демократических институтов. Правительству надлежит следить за тем, чтобы его граждане были должным образом подготовлены к разумному использованию предоставленных им свобод. Самосохранение диктует это; ведь если считается, что лучше строить и содержать арсеналы и крепости, чтобы отгородиться от захватчика, чтобы подготовиться к нападению врага извне, то насколько более необходимо принимать своевременные меры предосторожности, чтобы противостоять злодеяниям коварных врагов изнутри? Неужели наши свободы подвергаются большей опасности от нападения врага, планирующего наше уничтожение за три тысячи миль, чем от врага внутри нашего лона? Что послужило причиной падения Рима - мощь оружия варваров или развращенность и консервация характера народа? Было ли это влияние *извне* или влияние *изнутри*, развратившее целостность народа Спарты и приведшее к его покорению более сильным народом? Давайте учиться на ярких примерах истории. Величие народа должно измеряться не его великолепными дворцами, украшенными всеми блесками искусства и ненужной роскошью, ценой пиратства или прямого воровства; не количеством колоссальных состояний, накопленных из подаяний сирот и вдов, сыновей тружеников; не в масштабах и богатстве его общественных зданий и дворцов праздных развлечений; не в огромных капиталах в казне - капиталах, без нужды отвлеченных от каналов торговли, вымогаемых у народа по невежеству его "мудрецов", которые тщетно ищут средство от зла, *потому что не хотят его найти*.^[11] Величие народа не должно измеряться этими стандартами, ибо они - паразиты, разьедающие основы величия и стабильности. Напротив, такое величие можно найти во всеобщем распространении богатства, сравнительном довольстве и компетентности масс, а также в общей добродетели и патриотизме *всего* народа. Поэтому целью и задачей законодателей, несомненно, должно быть придание механизмам, переданным в их руки, такой формы, чтобы они действовали с наименьшим возможным ограничением энергии народа. Не следует стремиться к обогащению немногих за счет многих, сдерживать этого человека и предоставлять ему как можно больший иммунитет. Не должно приниматься и исполняться никаких законов, которые бы ограничивали мои права, расширяя права моего соседа. То, что в настоящее время дело обстоит именно так - законодательные органы манипулируют в интересах немногих, а огромная масса народа ощущает лишь бремя, возложенное на них слугами, которые, правильнее говоря, стали их хозяевами, - что к такому извращению народного суверенитета мы пришли, признают и откровенные люди.

Поэтому, чтобы народ мог более четко знать свои права и то, как лучше всего их сохранить и извлечь из них максимальную пользу, его следует обучить языку, который является средством толкования его великой *Магна Харты*.

ССЫЛКИ:

^[11] Поскольку все здравомыслящие люди знают, что зло заключается в защитном тарифе и громоздком каталоге монополий.

ГЛАВА VI

Образование - профессиональное или промышленное

[Вернуться к оглавлению](#)

Религиозное обучение вольноотпущенников" и "Образование вольноотпущенников" воспитали армию людей, более своеобразную во многих отношениях, чем любой другой подобный класс за всю историю человечества. Они стоят особняком; к ним не подступиться никаким другим способом "отстаивания дела" или "созидания Царства Христова" в их области. Миллионы долларов были "собраны", чтобы искоренить неграмотность и безнравственность вольноотпущенников и укрепить их пошатнувшееся мужское достоинство. Действительно, бывали моменты, когда я всерьез задумывался над вопросом, осталось ли у чернокожего человека хоть немного мужественности, после того как миссионеры и религиозные энтузиасты изображали или, скорее, карикатурно изображали его подорванное моральное и умственное состояние. Одни фанатики превозносили его до небес, а другие подвергали жесточайшим оскорблениям и издевательствам. Одни рисуют его ангелом, другие - дьяволом, тогда как на самом деле он не является ни тем, ни другим, а просто человек, член обычной семьи, обладающий не большей добродетелью и пороком, чем его брат, брат, которому удалось так навязать себя, что он совершенно убежден, что природа потратила все свои самые лучшие материалы на создание его класса. Но это просто работа дьявола, которому доставляет удовольствие бросать кайенский перец в глаза хорошим людям.

Аспекты работы, которую проделали на Юге цветного населения "миссионеры", так их называют, при помощи больших сумм денег, пожертвованных филантропическими мужчинами и женщинами, действительно очень многогранны. Я ни в коем случае не хочу преуменьшать масштабы проделанной работы или приписывать тем, кто был агентом в распределении этих беспрецедентных благотворительных средств, мотивы, отличные от самых чистых и возвышенных, в большинстве случаев; но я думаю, что пришло время, когда мы можем освободить дело от романтики, которую писатели старательно плетут вокруг него. На ранних этапах работы несколько мужчин и женщин с большим состоянием, которые "родились с серебряной ложкой во рту", могли отправиться на юг, чтобы трудиться для человечества и Мастера, могли оставить уютный очаг и приятное общение, чтобы поселиться среди незнакомых людей, которые отвергли их от своих привязанностей и симпатий, потому что они пришли трудиться для бедных и презираемых. Примеры такой возвышенной преданности добродетели, несомненно, были и в давние времена; но основную часть работы выполняли люди, мужчины и женщины, для которых работа, возможность честно зарабатывать на жизнь честным путем, была просто находкой. То, что они обладали большой храбростью, чтобы взяться за работу, которая закрывала их от сочувствия и общественного признания тех, кого можно назвать равными им, никто не отрицает; но то, что они были изнеженными детьми фортуны, трудившимися просто ради Бога и человечества, какими их рисовали ретивые люди в газетах и журналах, религиозных и прочих, - это просто создание горы из кротового холма. Они не были ни миллионерами, ни нищими, но они были образованными мужчинами и женщинами, как и тысячи людей на Севере и Западе, которые вышли на поле, чтобы трудиться, потому что оно было богато на урожай, а рабочих рук было мало. Сказать, что предложенная заработная плата не всегда принималась с готовностью, значит оказаться по ту сторону правильной констатации факта. Сотни и тысячи образованных мужчин и женщин на Севере и Западе сегодня "ждут, когда что-нибудь

подвернется", и без колебаний ухватятся за возможность, почетную и прибыльную, которая представится. В этом начинании было мало романтики, а в работе, которую предстояло выполнить, и того меньше. Я просто хочу выразить протест против правильности искаженных картин, нарисованных якобы для того, чтобы возвеличить жертвы, которых было много, и принизить награды, которые были велики, при выполнении обычной работы классом людей, которые сейчас быстро исчезают с мест, где их когда-то знали. Их работа быстро переходит в руки цветных мужчин и женщин - ученик занимает место мастера; спрос на цветных, а не на белых, потому что "птицы с перьями слетаются", особенно когда один класс состоит из цыплят, а другой - из ястребов. Когда проводятся границы, люди бессознательно, так сказать, держатся своей стороны. Так, в цветных церквях и школах белым делают скидку, потому что проще и приятнее нанимать цветную помощь. Цветные люди похожи на белых. Когда они видят в белых церквях только белых священников, они приходят к выводу, что на их собственных кафедрах лучше иметь только цветных священников, и они совершенно последовательны и логичны в своих выводах; Правило, которым руководствуется человечество в таких вопросах, - не библейское, предписывающее поступать с другими так, как мы *хотели бы, чтобы они поступали* с нами, а, скорее, поступать с другими так, как *они поступают* с нами; и это последнее правило, кажется, лучше приспособлено для мирского успеха, чем первое, потому что в нем больше практического, чем теоретического, и оно более земное, чем небесное в своем соблюдении. То же самое можно сказать и о школах и школьных учителях. Повсюду цветное население постоянно требует цветных учителей, поскольку им навязывают несправедливость *раздельных школ*.

Здесь я хотел бы сказать несколько слов о *системе раздельных школ*. Помимо явной несправедливости создания двух школьных домов в одном приходе или районе - несправедливости по отношению к детям в ложном с любой точки зрения духе, что один ребенок лучше другого, - *двойные расходы* на содержание двух школ очевидны и достаточно абсурдны, чтобы оттолкнуть сочувствие или практическую филантропию любого человека, христианина или неверного. Почему народ должен содержать *две* школы на расстоянии разговора друг от друга, чтобы сохранить позорное различие, подлый кастовый предрассудок? Почему! Потому что народ мудр в своем собственном самомнении - абсолютно разумен во всех других вопросах, кроме *вопроса о цвете кожи*. Юг обременен долгами, он почти так же беден, как пресловутый "индюк Иова", и все же он поддерживает двойную школьную систему просто для удовлетворения *предрассудков*. Я с удивлением замечаяю, что среди рассматриваемых Конгрессом законопроектов о национальной помощи образованию не предлагается вмешаться в нерегулярные и разорительные двухкастовые школы; тем самым, по сути, дается национальное согласие на систему, противоречащую гению конституции. Но нет ничего нового под солнцем в том, что Конгресс нации помогает и поддерживает институты и теории, антиреспубликанские и пагубные во всех их разветвлениях.

Возможно, ни один народ не имел больше преимуществ для посвящения и подготовки себя к служению Христу, чем цветное население Юга. Религиозная "идея" была настолько тщательно проработана, что другие отрасли обучения, другие призвания, кроме служения, меркли на фоне незначительности. Крест Христов возвышался над цветной молодежью так, словно вся цель жизни заключалась в проповеди Евангелия, словно философия неба превосходила по своей практической значимости философию жизни. Упорство, с которым эта единственная "идея" навязывалась цветным студентам, в большом количестве случаев привело к обратному результату, и очень естественно. Я утверждаю, что проповедничество в значительной степени стало ремеслом или профессией, в которой церкви с большими зарплатами стали призами, за которые нужно бороться почти с таким же рвением и

пристрастием, как за призы в политике. Это касается не только цветных служителей, но и белых. Не стоит унижать цветных служителей, если сказать, что с каждым днем они все больше и больше предпочитают служить в церквях, получая справедливую зарплату, а не нести крест как странники, не имея особого места, где можно приклонить голову, когда дуют бури и льют дожди. В этом они лишь подражают белым священнослужителям, которые не всегда подают примеры, которым ангелам было бы оправданно подражать.

Цветные люди от природы общительны и очень религиозны. Их прекрасные социальные качества делают их лучшими компаньонами. Они музыкальны, с чувством юмора и щедры до безобразия. В сочетании с сильным религиозным уклоном эти привлекательные качества со временем поднимут их на самый высокий уровень в нашей карликовой цивилизации, где не всегда выживает сильнейший; самые грязные, хлипкие, эгоистичные и поверхностные часто занимают высокие места в обществе и политике. Но у меня есть еще более высокие устремления для моей расы. Есть надежда для любого народа, который общителен, ибо это предполагает наибольшую способность к взаимной дружбе, следовательно, к сотрудничеству, из которого может развиться самая высокая цивилизация; в то время как любовь к музыке и обладание музыкальным и юмористическим талантом, несомненно, свидетельствует о гениальности и перспективной культуре и утонченности самого высокого уровня.

Действительно, постоянная эволюция негритянского характера - одно из самых заметных и обнадеживающих социальных явлений современности; она постоянно стремится вверх, в моральном, умственном развитии и материальном совершенствовании. Те, кто утверждает, что негры стоят на месте или "*скатываются к варварству*", - самые лживые из лжепророков. Они решительно закрывают глаза на окружающие их факты и посвящают целые колонки газетных, журнальных и книжных аргументов - воображаемых картин - безнравственности, умственной стерильности и врожденной импровизации этого народа; и делают они это по разным причинам, ни одна из которых не является благородной, многие из них действительно неблагоприятны. При рассмотрении проблемы негров они всегда начинают с ложной предпосылки; их выводы обязательно должны быть ложными. Прежде всего, игнорируя тот факт, что негры Юга - это не более и не менее чем трудовой класс народа, такой же во многих отношениях, как английское и ирландское крестьянство, они начинают рассматривать их как нарушителей общественного порядка - как людей, которые постоянно отнимают, но ничего не добавляют к богатству общества.

Нет ничего необычного в том, что в газетных статьях в самых положительных выражениях говорится о том, что школы, содержащиеся государством для обучения чернокожих, содержатся за счет налогов, которые платят *белые люди*; А совсем недавно как о похвальном акте справедливости и щедрости говорилось о том, что штат Джорджия ежегодно выплачивает на содержание цветных школ больше денег, чем *совокупность налогов, вносимых в казну* штата неграми-собственниками; в то время как великое содружество Кентукки выделяет на содержание цветных школ только те деньги, которые вносятся в казну штата цветным населением. Можно ли свести философию налогообложения к более обидному, более деморализующему абсурду!

Предположим, что тот же стандарт распределения школьных средств должен быть применен к городу или штату Нью-Йорк; каков будет логический результат? Должны ли мы ежегодно выделять от девяти до двенадцати миллионов долларов на улучшение нравственности людей путем информирования их интеллекта? Сможет ли штат после десяти лет такого эксперимента оплачивать работу мириадом чиновников, которые потребуются для сохранения общественного спокойствия, защиты жизни и обеспечения должного уважения

к так называемым правам собственности? Такой эксперимент со временем потребует депортации в Нью-Йорк всего мужского взрослого населения Ирландии, которое будет превращено в "лучшую полицию мира", чтобы остановить прилив преступности и безнравственности, который повлечет за собой такая премия за невежество. Поскольку даже при нынешней великолепной и хорошо организованной школьной системе почти невозможно избрать Совет олдерменов из кого-либо, кроме *трущобных* элементов населения - торговцев спиртным, азартных игроков и людей их типа, а председатель Совета олдерменов Нью-Йорка в данный момент является торговцем спиртным, Кто может оценить бедствие, которое принесет жителям Нью-Йорка введение системы Кентукки - ассигнование на содержание государственных школ только тех налогов, которые платят родители детей, посещающих их!

И все же на Юге вряд ли найдется редактор, который не считал бы грабежом налогоплательщиков содержание школ для цветного населения - для пролетарских классов в целом, белых и цветных. Они упорно утверждают, что эти люди ничего не добавляют к богатству, ничего не производят, и что, следовательно, благотворительность не может быть более великодушной, чем когда она дает возможность бедняку получить образование для своего ребенка, эмбриона, будущего гражданина.

Они считают, что оборудовать и содержать огромные пенитенциарные системы с цепными бандами, школами преступности, разврата и смерти - это более разумный принцип правительства, чем поддерживать школы и церкви. Миллионы денег ежегодно тратятся на борьбу с преступностью, в то время как несколько тысяч долларов, правильно примененные, оказались бы более гуманным, более выгодным средством профилактики. Бедному школьному учителю платят *двадцать пять долларов в месяц* за три месяца в году, а тюремному надзирателю - *пятьдесят долларов в месяц* за двенадцать месяцев - девяносто дней в среднем отводится на обучение ребенка в школе и триста шестьдесят пять - на обучение в тюрьме, откуда он зачастую выпускается гораздо худшим, более безнадежным врагом общества, чем при поступлении в школу.

А жестокость каторжной системы южных штатов не сравнится ни с одним подобным учреждением в мире, если не считать пенитенциарной системы, применяемой Россией в Сибири. Сроки тюремного заключения за мелкие правонарушения жестоко завышены, а питание и кров, а также применяемые наказания вызвали бы румянец стыда на щеках дикаря. Системы каторги в Алабаме, Джорджии, Южной Каролине и Арканзасе - жгучий позор христианской цивилизации, которой мы хвалимся. Ничто, кроме полуварварского общественного мнения, не позволило бы им существовать. Губернаторы "обращали внимание" на них; законодательные органы "расследовали" и "постановили" очистить их, а *несколько* газет тут и там выставляли их на всеобщее поругание и презрение; и все же они не только становятся хуже год от года, но и число их неуклонно множится. И так оно и будет. Как же может быть иначе? Чтобы предотвратить появление таких язв на теле, необходимо очищать кровь. Вы не можете искоренить их с помощью прощупывания; это только усугубляет их.

Выросла система искажения и очернения характера и состояния южного негра, с явной целью привлечь симпатии благотворительных и филантропических людей страны к выделению средств на его восстановление и образование, что правительство, государственное и федеральное, старательно отрицает; так что почти невозможно составить правильное мнение ни о его моральном, ни об умственном, ни о материальном состоянии. Общества организовали и поддерживают работу среди этого народа, которая требует ежегодных расходов в миллионы долларов и тысяч сотрудников; и чтобы поддерживать эту

работу, чтобы поддерживать интерес благотворителей, необходимо представлять, настолько черно, насколько это может воображение, настоящее и будущее состояние людей, которые, в первую очередь, являются бенефициарами. Работа и ее поддержание действительно стали тяжелым бременем для терпения и щедрости либеральных дарителей земли, чьи щедрые просьбы не имеют аналогов в истории ни одного народа. Они продолжали это почти четверть века; и не будет унижением для их усердия сказать, что налог на них становится скорее бременем, чем удовольствием. Они сделали во имя человечества и Бога для несчастных нуждающихся то, что правительство должно было сделать для своего собственного очищения и увековечения равноправного гражданина. И настало время, когда правительство должно освободить человека от несправедливого и обременительного налога.

Я без колебаний утверждаю, что, хотя работа, проделанная благотворительной организацией для чернокожего гражданина этой республики, принесла ему неисчислимую пользу, она также нанесла ему вред, на искоренение которого потребуются годы и годы. Искажения, к которым прибегали, чтобы получить деньги на "подъем", распространили по всей стране чувство презрения к нему как к человеку и жалости к его ничтожному и несчастному положению; так что на всем Севере деловой человек скорее *отдаст тысячу долларов* на помощь в образовании чернокожих язычников, чем даст чернокожему ученому и джентльмену возможность честно *заработать сто долларов*. Он не верит в способности чернокожего человека. Он видел в нем дикаря, погрязшего в невежестве и пороке - объект, достойный получать милостыню, но неспособный честно зарабатывать на жизнь. Поэтому, когда чернокожий проявляет какие-либо способности, демонстрирует признаки оригинальности или гениальности, поднимается всего на несколько дюймов над обыденностью, он сразу же становится объектом редким и удивительным - "Моисеем", "вождем своего народа". Образованному чернокожему почти так же трудно получить доверительную и доходную должность, как верблюду пройти через игольное ушко. Миссионеры, проповедники и педагоги при поддержке газет и журналов внушили людям ложное мнение, что безопаснее "пожертвовать" тысячу долларов на цветной колледж, чем дать одному чернокожему шанс заработать на жизнь честным путем.

Теперь давайте рассмотрим систему образования в том виде, в котором она функционирует среди цветного населения Юга.

Нельзя отрицать, что большая часть баснословных сумм, щедро выделяемых на образование вольноотпущенников Юга, была растрачена на эксперименты, которые, согласно здравому смыслу, были совершенно неосуществимы. Возможно, это происходило на ранних этапах работы, когда инструктор не знал топографии страны, нравов людей, среди которых ему предстояло работать, и, что еще важнее, когда он был совершенно не осведомлен о конкретном классе, на котором ему предстояло работать - не знал их темперамента, восприимчивости и особых, да, уникальных, идиосинкразий. Таким образом, тысячи и тысячи долларов были потрачены на возведение и создание "колледжей" во многих населенных пунктах, где обычные общеобразовательные школы были неизвестны. Каждый колледж, таким образом, обязательно имел начальное отделение, где ребенок десяти лет и взрослый сорока лет в одних и тех же классах боролись с первыми элементами начального образования. Ребенок и взрослый остро ощущали свое положение в колледже, и для уменьшения числа учащихся в начальной школе и увеличения числа учащихся в колледже проводился вредный для всех курс обучения. Никто не может оценить ущерб, нанесенный таким образом не только студентам, но и всему образованию. Даже до сегодняшнего дня в

южных регионах есть колледжи, которые работают круглый год, в то время как обычная школа длится всего три-восемь месяцев.

Действительно, увеличение количества колледжей и академий для "высшего образования цветной молодежи" - одно из самых поразительных явлений нашего времени: как будто теология и классика - это то, что лучше всего подходит и в чем больше всего нуждается класс людей, не подготовленных к элементарному образованию, и чьей непосредственной целью должны быть механик и фермер, для которых классика, теология и науки, в их крайне бедственном состоянии, являются недвусмысленными абстракциями. Найдутся те, кто осудит меня за такой взгляд на подготовку к колледжу и профессии; но я утверждаю, что ложным является любое образование, не соответствующее состоянию и перспективам студента. Готовить его к адвокатской деятельности, когда нет клиентов, к медицине, когда пациенты, хотя и многочисленны, слишком бедны, чтобы дать ему средства к существованию, забивать ему голову латынью и греческим в качестве учителя, когда люди, которых он должен учить, должны быть обучены азбуке - такое образование является пустой тратой времени и бессмысленной тратой денег.

Я не выступаю против высшего образования; я просто утверждаю, что цветное население Юга больше всего нуждается в *элементарном и промышленном* образовании. Они должны быть обучены работе, которую им предстоит выполнять. Многие цветные мальчики-фермеры или механики были испорчены, чтобы стать модными игроками или бездельниками, чванливыми педагогами или раздражительными гомилетиками. Мужчины могут быть испорчены образованием, равно как и неграмотностью. Образование - это подготовка к будущей работе; следовательно, мужчины должны получать образование, ориентируясь именно на эту работу.

Если люди предоставлены сами себе, они обычно интуитивно выбирают курс обучения, наиболее соответствующий их вкусам и способностям. Но цветная молодежь Юга была соблазнена и соведена со своих естественных наклонностей тем, что в целях поддержания репутации и сохранения профессорского состава "колледжей" придается большое значение теологической, классической и профессиональной подготовке.

Я без колебаний могу сказать, что если бы огромные суммы денег, которые уже потрачены и сейчас тратятся на оборудование и содержание колледжей и университетов для так называемого "высшего образования" цветной молодежи, были бы потрачены на создание и содержание начальных школ и школ прикладных наук, раса получила бы гораздо больше выгоды, чем сейчас, как в умственном, так и в материальном плане, а результаты были бы гораздо более выгодными для государства и удовлетворительными для щедрых благотворителей.

После написания этой статьи я обнаружил в одном из последних номеров журнала судьи Турге "*Континент*" следующие размышления на эту тему, которые были опубликованы в этом прекрасном периодическом издании профессором Джорджем Ф. Магуном из колледжа Айовы. Мистер Магун говорит:

Могу ли я высказать одно предположение, которое на меня произвело наблюдение в течение нескольких лет среди вольноотпущенников и долгие размышления, а также сравнения, проведенные в зарубежных странах? Это то, что ключом к будущему для чернокожих Юга является *промышленное* образование. Рабочие других стран не могут удержаться на высоте в квалифицированном труде, если они не получают такого образования, причем постоянно прогрессирующего типа. Два года назад английская Палата общин назначила Королевскую комиссию для

изучения технических школ континента, и отчет о Франции, сделанный этой комиссией, был переиздан в Вашингтоне Комиссаром по образованию Соединенных Штатов. В двух наших ведущих северо-западных городах, Сент-Луисе и Чикаго, были созданы великолепные школы ручного труда, а на востоке и западе обсуждается и решается вопрос о начальном ручном обучении в государственных школах. И все это для *белых* рабочих. Еще в декабре 1879 года законодательное собрание штата Теннесси разрешило "преподавать в государственных школах штата" краткое руководство по элементарным принципам сельского хозяйства, чтобы снова принести пользу *белым* фермерам. Профессор химии в Университете Вандербильта в Нэшвилле подготовил книгу - 107 страниц. Где же во всем этом хоть что-то для повышения уровня образования чернорабочих, как раз там, где они больше всего нуждаются в образовании? В эти годы труд на Юге подвергается удивительной революции. Единственная возможность для вольноотпущенника подняться - это обеспечить себя квалифицированным трудом, которого требуют великие перемены, происходящие в этом великолепном уголке земли. Но как он сможет его обеспечить, если его образование не будет в основном промышленным и техническим? В журнале *Princeton Review* за май приводится несколько весьма актуальных высказываний о сложившейся ситуации. Они подтверждают все сказанное вами.^[12] Что касается различных законопроектов, находящихся на рассмотрении Конгресса, то автор пишет: "Бывшим рабовладельческим государствам должна быть оказана немедленная помощь в развитии образования, отвечающего их политическим и *промышленным* потребностям". Может ли это быть образование на латыни и греческом?" (Писатель искренне выступает за сохранение этих предметов в классических курсах колледжей и академий для студентов всех мастей). Может ли это быть чем-то иным, кроме обучения элементарным навыкам производства, как это сейчас требуется для наших северных общеобразовательных школ? Если школы вольноотпущенников считают это необходимостью, то разве может быть что-то меньшее для закона о государственных школах Юга, который предполагается в законопроектах, рассматриваемых Конгрессом?

Мистер Магун рассуждает мудро. Если цветные люди Юга хотят сохранить свою роль наемных работников и производителей богатства в этой части, они должны привнести в свою работу общий интеллект и мастерство; и они должны быть получены на Юге, как и на Севере, путем ученичества и в школах, специально созданных для этой цели. Вместо того чтобы тратить от трех до семи лет на получение высшего образования, которое предполагает благоприятные условия, цветная молодежь должна потратить эти годы на получение "общего школьного образования" и на овладение каким-нибудь ремеслом, с помощью которого она сможет честно зарабатывать себе на жизнь, когда выйдет в мир жестокой конкуренции.

Кто-то может спросить: а разве тогда у нас не будет ученых, людей, обученных всему, что дает высшее образование? Конечно, и мы должны их иметь. Люди, приспособленные природой к особым занятиям в жизни, будут готовиться к этой работе. Вода найдет свой уровень. Гений нельзя подавить. Он найдет свою аудиторию, даже если певцом будет Роберт Бернс за плугом в отдаленном Айре или философский Эзоп в скромном одеянии раба греческого педанта. Гений позаботится о себе сам; массу же человечества нужно вести за руку, как мы ведем маленького мальчика. Поэтому я призываю к тому, чтобы цветные массы получили такую подготовку к жестокой конкуренции в повседневной жизни, чтобы шансы не были против них. Я ратую не за тех немногих, которые сами о себе позаботятся, а за тех

многих, которых нужно направлять и защищать, чтобы они не стали жертвой более выносливых или беспринципных".

Мистер Магун развивает свою мысль в следующих логических умозаключениях:

Очевидно, что если эта возможность обеспечить квалифицированную рабочую силу Юга в будущем (как раньше он обеспечивал неквалифицированную) ускользнет от черного человека, он никогда не сможет подняться. В гонке за собственностью, влиянием и жизненным успехом белый человек, получивший промышленное образование, - что бы ни говорили о белых южанах, "ненавидящих работать", - все равно опередит его. Перед церковным органом представительных цветных мужчин в Мемфисе осенью 1880 года, когда меня попросили дать им совет по поводу образования, я настоял на этом соображении как на самом важном для их интересов; и проповедники, и миряне, и их белые учителя одобрили каждое слово и сердечно поблагодарили меня. Я советовал молодым людям воздерживаться от неподходящих попыток получить лишь литературное образование; не упускать из виду промежуточные звенья культуры, стремясь к чему-то "сверх меры"; не ожидать, что они смогут стать сенаторами Соединенных Штатов и т. д, революцией, которая уже почти израсходовала свою первую исключительную силу (как в начале революций несколько необыкновенных людей становятся необыкновенными); от амбициозного отказа от устойчивых, тщательных, кропотливых методов приспособления к непосредственным практическим обязанностям и более близким сферам, с помощью которых только и происходит настоящее и здоровое возвышение любого класса. Уклониться от элементарной подготовки и стремиться к результатам учености без ее кропотливого процесса - вот *соблазн цветных студентов*, как я знаю, ежедневно обучая их в классах колледжа. Я радуюсь каждому такому студенту, который действительно с огромной радостью взбирается на вершины познания. Но гораздо большая часть из них, чем та, которая до сих пор подчинялась всесторонней подготовке к квалифицированному труду, должна это сделать, иначе у них нет большого будущего в этой стране как у расы.

Но уже сейчас абсурдность начала обучения с вершины, а не с основания, осознается теми, кто занимается образованием цветной молодежи. Большое количество колледжей добавляют индустриальное образование к другим своим особенностям, и с большим успехом, а еще большее количество педагогов агитирует за мудрость такой функции.

Пожалуй, ни одно учебное заведение в Союзе не сделало больше для промышленного образования цветного населения Юга, чем Хэмптонский (Вирджиния) нормальный и сельскохозяйственный институт под руководством генерала С.К. Армстронга. Успех этого единственного учебного заведения в области промышленного образования и то, с какой благосклонностью к нему относится общественность, служит хорошим предзнаменованием для будущего подобных учреждений. Чтобы они множились - это горячее желание каждого человека, который осознает нужды цветного населения.

В недавнем выпуске газеты "*Нью-Йорк Глоб*" профессор Т. Маккантс Стюарт из Либерийского (Западно-Африканского) колледжа, изучающий промышленные особенности Хэмптонского нормального и сельскохозяйственного института для использования его в качестве профессора среди жителей Республики Одинокой Звезды, следующим образом описывает большую работу, проводимую в Хэмптоне. Профессор Стюарт рассказывает:

На следующий день после моего приезда я был передан в руки прекрасного джентльмена из Новой Англии, который должен был провести меня по институту.

Сначала он повел меня в амбар - большое и основательное здание, в котором хранятся продукты фермы и где укрывается скот. Мы поднялись по винтовой лестнице, поднялись на самый верх и посмотрели вниз на территорию института с ее широкими стенами, вымощенными ракушечником, лужайками, цветочными клумбами, садами, рощами и многочисленными зданиями - все это было полно жизни, свидетельствовало об изобилии процветания и окружало прекрасную и очаровательную страну. Мы спустились вниз и начали обход по "маленькому миру", в котором есть почти все проявления человеческой жизни.

Мы зашли в обувной цех. Он находится в верхней части двухэтажного кирпичного здания. На втором этаже находится отдел по производству упряжи. Нам сказали, что здесь делают упряжь для Фредерика Дугласа. На сайте, безусловно, хороший материал и честная работа, а также разумные цены. В обувном отделе работали несколько индейских мальчиков и юношей. Было также три или четыре цветных мальчика. Ежегодно они изготавливают для правительства Соединенных Штатов две тысячи пар обуви для индейцев. Они также следят за внешними заказами, ремонтируют и т. д. ботинки и туфли для преподавателей, офицеров и студентов - всего пять тысяч пар обуви в год, если включить в эту оценку ремонт. Во главе этого отдела стоит практичный сапожник из Бостона. Во главе каждого отдела стоит практичный человек. Не в первый день мы посетили кузнечную, колесную и жестяную мастерские, осмотрели типографию и вязальный цех, в котором молодые люди ежегодно изготавливают тысячи варежек для одной из бостонских фирм. Эти два отделения находятся в просторном кирпичном здании, называемом "Каменным корпусом". Это дар миссис Валерии Стоун.

Один из самых интересных отделов находится также в "Каменном здании" - швейная мастерская. В нем работает около десятка, а может и больше, веселых, занятых девушек. Слышно быстрое тиканье машинки, веселый смех и нежный шепот оживляют комнату. Эти молодые девушки - будущие жены и матери, и большинство из них выйдут замуж за бедных мужчин. На кухне, в прачечной и швейной они приобретают знания и привычки, которые помогут им сэкономить пенни своих мужей и тем самым не дать им жить из рук в рот, вечно борясь за то, чтобы спасти свой нос от точильного камня. В школьных классах они накапливают те интеллектуальные сокровища, которые сделают их в двойном смысле помощницами своим мужьям.

Стоя в столярной и малярной мастерских, на лесопилке и видя негритянских юношей, занятых самой тонкой работой, обучающихся ценным и полезным профессиям, я не мог отделаться от ощущения, что это превосходное учебное заведение, и что я хотел бы, чтобы мои мальчики провели здесь три года, с четырнадцати до семнадцати, окрепли в любви к труду, получили образование, чтобы почувствовать достоинство труда, и получили профессию: Затем, если у них будет способность и желание претендовать на "верхнюю ступеньку лестницы", на лидерство в "широком поле битвы", настанет время подумать о Гарварде, Йеле и Эдинбурге или, возможно, о подобных африканских учебных заведениях".

Мистер Джордж Х. Корлисс из Род-Айленда подарил школе в 1879 году двигатель Корлисса мощностью шестьдесят лошадиных сил. Вскоре после этого мистер К.П. Хантингтон из компании Missouri & Pacific R.R. подарил лесопилку, и в результате этих подарков начались крупные промышленные операции. Пилорама, безусловно, является крупным предприятием. Бревна привозят из Каролины, из них выпиливают

доски, а в токарном цехе делают причудливые приспособления для домов, пиастров и т.д.

В городе две фермы. Ферма Нормальной школы и ферма Хеменвея, расположенная в четырех милях от института. На первой в прошлом году было выращено семьдесят тонн сена и около ста двадцати тонн силосованной кормовой кукурузы, а также картофель, кукуруза, рожь, овес, спаржа и ранние овощи. Также было произведено пятьсот тысяч кирпичей. Ферма Хеменвея площадью пятьсот акров находится в ведении выпускника и его жены. Ее доходы достигают почти трех тысяч долларов в год, и ферма обещает со временем оказать неоценимую услугу в поддержании этой гигантской работы. Все отрасли промышленности не платят. Например, дефицит в типографии в прошлом году составил около семисот долларов. Это связано с использованием и подготовкой студенческой рабочей силы. Главная цель - не зарабатывать денег, а развитие студента. После обучения они становятся хорошими, прибыльными работниками, но затем покидают институт, чтобы вступить во внешнюю борьбу с жизнью. На ферме имеется большое количество скота: дойные коровы и телята, мясной скот, лошади и жеребята, мулы, волы, овцы и свиньи - всего около пятисот голов.

В этих различных отраслях, на ферме, лесопилке, в машинной мастерской, вязальной, столярной, ремесленной, жестяной, кузнечной, обувной, колесной, портновской, швейной, типографской и т.д., в 1883 году было занято более пятисот студентов. Они заработали более тридцати тысяч долларов - в среднем по семьдесят долларов каждый. Нет никаких сомнений в том, что это "улей", в который пчела может войти, если ее примут, не имея ничего, кроме своей души и мускулов, и получить хорошее образование!

Статья профессора Стюарта дает правильный ответ на опасения мистера Магуна и мои собственные выводы и является сильнейшим аргументом в пользу полного и немедленного пересмотра основополагающих принципов, на которых держатся и работают почти все цветные колледжи.

Деньги, пожертвованные на элементарные цели, являются священным доверием и должны применяться таким образом, чтобы приносить наибольшую пользу не только получателю, но и жертвователю. Основной целью образовательных усилий среди цветного населения до сих пор было очищение его извращенной нравственной природы и привитие ему более правильных представлений о религии и ее обязанностях; и эти усилия не были напрасными. И все же я вынужден сказать, что привитие этих принципов было слишком доминирующей идеей. Материальные возможности справедливо основываются на правильных нравственных и духовных основах; но нравственное и духовное воспитание должно подкрепляться такой подготовкой к реальной работе в жизни, какую мы находим в машинной мастерской, на зерновом поле и в коммерческой деятельности. Моралист и миссионер - не ровня человеку, чьи представления о честном труде дополнены образованием, полученным в общеобразовательной школе, и образованными руками. Примером тому служит ежедневный спрос на квалифицированную рабочую силу иностранного происхождения по сравнению с нашими собственными людьми, которые обычно получают образование как джентльмены без средств, как будто они должны быть ребятами, а не людьми, которые должны бороться за существование с рогатыми мужчинами, окончившими машинные цеха, фабрики и школы прикладных наук в Европе. Действительно, отсутствие среди белой молодежи Севера подмастерьев старого образца как силы, на которую можно опереться в нашей промышленной организации, можно объяснить только тем, что предложение

квалифицированной помощи иностранного происхождения так легко восполняет спрос, что работодатели считают бесполезной трату средств на обучение американских мальчиков. Таким образом, мы можем объяснить "большой наплыв" молодых людей на легкие профессии, создающий год за годом праздное плавающее население из малообразованных людей и снижающий вознаграждение за канцелярскую работу ниже того, что получают разносчики. Это не причудливая картина; это обличение американской системы образования, которая исходит из предположения, что все мальчики "рождаются с серебряной ложкой во рту" и им суждено попасть не в богадельню, а в Сенат или Белый дом.

Американская система образования исходит из ложного и пагубного предположения; и, хотя я протестую против его применения в целом, в этой связи я протестую против его применения в случае цветной молодежи в частности. Цветным мальчикам, да и всем мальчикам страны, необходимо *промышленное, а не декоративное* образование; получат ли они его? Пусть государство и филантропы дадут ответ.

ССЫЛКИ:

[12] Судья Турги в течение многих лет настойчиво и с восхищением писал в защиту национальной помощи образованию Юга.

ГЛАВА VII

Как этого не делать

Вернуться к оглавлению

Революции всегда являются следствием глубочайших несправедливостей, четко сформулированных в результате долгой и жаркой агитации, которая воспламеняет разум народа и разделяет его на враждебные фракции. Поле битвы - это просто театр, на котором враждующие группировки решают вопросы с помощью превосходства в силе, численности или проницательности. В этих конфликтах обычно, но не неизменно, торжествует право, как и должно быть всегда. Революции пробуждают совесть и интеллект народа, а войны очищают его нравственность, отсеивая лишних и отчаявшихся представителей населения, подобно тому, как гроза проясняет атмосферу.

Но проблемы, связанные с агитацией, которая вылилась в Войну за восстание, сегодня так же далеки от решения, как если бы не прозвучал выстрел в форте Самтер или если бы не Ли сложил предательское оружие четыре года спустя.

Гигантская форма рабовладельца, тирана, по-прежнему возвышается над законом, чтобы трепетать и угнетать неорганизованный пролетариат - простых людей, рабочий класс. Даже когда рабство было впервые введено в этой стране, судьба начертала на стенах нации, что оно "должно уйти", и оно должно уйти, в результате мудрой государственной политики или среди дыма сражений и ужасного "грохота канонады". Никто не может сказать, будет ли мудрость диктовать дальнейшие мирные аргументы, или придется искать насильственное решение; но все люди с достаточным интеллектом знают и чувствуют, что справедливость восторжествует. Прогресс идет вперед всегда, назад - никогда.

То, что в течение нынешнего столетия человеческий интеллект достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде, само собой разумеется. То, что мы чудесным образом усовершенствовали все механизмы управления, тоже верно. Но вопрос о том, улучшили ли мы проверенные временем правила обращения с мятежниками, объявив им всеобщую амнистию за все совершенные ими грехи, вызывает серьезные споры. Если мы можем судить о правильном отношении к измене по примеру, который, по словам Мильтона, Высокое Небо подало Люциферу, то амнистия - это провал; если мы можем судить о почти абсолютном провале результатов войны за восстание, то мы можем решительно объявить амнистию вредным сорняком, которому не следует позволять слишком прочно укорениться в наших отношениях с предателями. Человеку свойственно ошибаться, а прощать - божественно; но для человека слишком далеко заходить в прощении - губительно. Примеров, подтверждающих истинность этих рассуждений, не счесть.

Нет ошибки, которая принесла бы больше бедствий и смертей, чем глупый план, принятый федеральным правительством в рамках так называемой "политики реконструкции". Эта *политика*, рожденная из соображений целесообразности и взращенная в эгоизме, с самого начала содержала в себе элементы провала и смерти. Возможно, ни один законодательный акт, ни одна политика никогда не были более глупыми во всех деталях. Как могло быть иначе? Как могли люди, разработавшие его, ожидать от него чего-то большего, чем скорый и бесславный крах? Вся прошлая история южных штатов безошибочно указывала на полный провал любой политики, в которой белые не становились хозяевами; если только они не подвергались жесткому правительственному контролю, которого заслуживала их измена, до тех пор, пока народ не был подготовлен к самоуправлению путем образования, забвения проблем, из которых выросла война, ухода из жизни старых духов и полной метаморфозы особых условий, обусловленных и поощряемых противоестественным состоянием рабства.

По окончании восстания, в 1865 году, правительство Соединенных Штатов полностью изменило социальную структуру правительств южных штатов; и, не прибегая к медленному процессу обучения людей, даже не подготавливая их надлежащими предупреждениями, не принимая во внимание особые отношения подчиненного и господствующего классов - класса рабов и класса хозяев - мгновенно, как бы по команде, агнцу и льву было приказано лечь вместе. Господин, только что сошедший с полей кровавой войны, с мушкетом, пристегнутым к плечу, и острым шипом бесславного поражения, пронзившим его грудь; господин, воспитанный в течение двухсот лет для господства в своем доме, в советах муниципального, государственного и федерального правительства; господин, которого учили, что рабство - это божественный институт и что черный человек, несчастный отпрыск Хама, является его законным рабом и собственностью; и класс рабов, рожденный в состоянии рабства и повиновения, воспитанный в школе импровизации, лживости и самых низких пороков - эти два класса людей, рожденных в столь несхожих условиях жизни и воспитанных в самых крайних школах, были объявлены *свободными и равными перед законом*, с правом голоса, свидетельствовать в судах, заседать в жюри и в законодательных собраниях, муниципальных и других, подавать иски и быть судимыми, покупать и продавать, жениться и выходить замуж. Короче говоря, эти два класса людей стали равноправными гражданами, имеющими равное право на защиту законов и преимущества правительства.

Я не знаю ни одного случая в разнообразной истории человечества, равного по абсурдности предположению создателей нашей "политики Реконструкции", что господствующий класс сердечно примет навязанные ему условия или что лишенный гражданских прав класс окажется равным бременю, столь бесцеремонно навязанному ему. С одной стороны, гордый

и надменный народ, упорно оспаривавший право правительства вмешиваться в распространение рабства, не говоря уже о конфискации собственности рабов, - народ, богатый землями, умственными ресурсами, мужеством; с другой, бедный, презируемый народ, без земель, без денег, без умственных ресурсов, без моральных качеств - эти народы *равны*, в самом деле! Эти народы мирно идут к избирательной урне, чтобы вместе решить судьбу правительства! Эти народы сливаются в гармоничное гражданство! Эти народы имеют и осуществляют взаимное доверие, уважение и признание своих общих прав! Эти народы *растворяются в едином народе*! Голое изложение дела осуждает его как неосуществимое, иллюзорное, в высшей степени. И все же эти два народа, столь разные по характеру, воспитанию и материальному положению, были отпущены на свободу, чтобы наслаждаться общими благами - быть единым целым! И *мудрецы* нации - как иронично называет их *Дурак* Тургеев - думали, что принимают законы, направленные к лучшему; думали, что выполняют свой долг. И вот, сделав народ свободным, равным перед законом и дав ему избирательный бюллетень для разрешения споров, "*мудрецы*" оставили людей жить в мире, если они могут, и перерезать друг другу глотки, если не могут. То, что они перерезали друг другу глотки, было так же естественно, как то, что день следует за ночью.

Я не хочу, чтобы меня поняли как человека, выступающего против освобождения рабов или предоставления прав новоиспеченному свободному человеку. Это было бы парадоксально с моей стороны, поскольку я родился рабом и провел первые девять лет своей жизни в этом самом неестественном состоянии. Против чего я действительно выступаю, так это против неравных условий, в которых цветные люди были поставлены против белых; против того, что эти беспомощные люди оказались в полной власти этого наследственного врага - более полной в их власти, по их милости, чем при безжалостной системе рабства, когда подлый интерес диктовал толику гуманности и заботы в обращении. И я осуждаю "политику Реконструкции" как один из самых полых кусков вероломства, когда-либо совершенного в отношении невинного, беспомощного народа; и при рассмотрении вопросов, вытекающих из этой политики, я осуждаю доминирующую партию того времени за низкую неблагодарность, уловки и лицемерие по отношению к своим черным союзникам-партизанам. Имея за спиной всю мощь правительства, с Конституцией, измененной таким образом, чтобы обеспечить максимальную защиту новоиспеченному гражданину, она бросила его на бесчеловечную милость людей, чьи необузданные страсти, беззаконие и неповиновение меркнули перед свирепостью казачьих войн. И за это предательство, за то, что народ остался один на один с врагом, рожденным в самоуверенности и качающимся в колыбели высокомерия и жестокости, "партия великих нравственных идей" должна войти в историю под шипение и поношение честных людей, несмотря на свои добрые дела. Нет ни одного смягчающего обстоятельства, которое могло бы умерить негодование того, кто верит в справедливость и человечность.

Когда я стою перед тринадцатью громоздкими томами "Заговора Ку-клукс-клана", представляющими собой отчет "Объединенного комитета по расследованию положения дел в мятежных штатах", подготовленный Сенатом и Палатой представителей Соединенных Штатов 19 февраля 1872 года, моя кровь стынет от безжалостной летописи убийств и бесчинств, неповиновения, бесчеловечности и варварства, с одной стороны, и узурпации и тирании - с другой.

Если выстрел в форт Самтер был изменой, то как назвать кровавый конфликт, который белые люди Юга вели против поправок к Конституции с 1866 года до убийства невинных граждан в Дэнвилле, штат Вирджиния, в 1883 году - вплоть до настоящего времени? Если выстрел в форт Самтер обрушил на Юг негодование и месть федерального правительства, натравив

отца на сына, а брата на брата, то что, по нашему мнению, должно было сделать федеральное правительство, чтобы положить конец узурпации и убийствам в этих лигах ужаса?

Все взрослое мужское население Юга, хотя оно уже и не было вооруженным "бунтовщиком", казалось, вступило в союз с правительством Соединенных Штатов. Рука государственной власти была парализована, работа судов была приостановлена, беззаконие и индивидуальная свобода разгулялись, и воцарилась анархия, чистая и простая. Под названием "Ку-клукс-клан" Юг был связан следующей клятвой, железной, парадоксальной и загадочной:

Я, [имя], перед великим непорочным Судьей неба и земли и на святых евангелистах Всемогущего Бога по своей воле и согласию даю клятву на следующее священное, обязательное обязательство:

I. Я на стороне справедливости, гуманности и конституционной свободы, завещанной нам нашими предками в ее первозданной чистоте.

II. Я отвергаю и выступаю против принципов радикальной партии.

III. Я обязуюсь оказывать помощь брату Ку-клукс-клана в болезни, беде или материальном затруднении. Женщины, подруги, вдовы и их семьи будут предметом моей особой заботы и защиты.

IV. Если я когда-либо разглашу или стану причиной разглашения каких-либо секретов этого ордена или каких-либо из вышеупомянутых обязательств, меня ждет страшное наказание в виде смерти и предательства, которое заключается в смерти, смерти, смерти от рук братьев.

Убийцы, поджигатели, полуночные налетчики на "стороне справедливости, гуманности и конституционной свободы"! Давайте посмотрим, что за "справедливость, гуманность и конституционная свобода" имеется в виду. В томе I, на странице 21, я нахожу следующее:

Принимая эти заявления из официальных источников, свидетельствующие о распространенности этой организации в каждом из штатов, где недавно вспыхнули восстания, и в Кентукки, трудно теперь, в свете того, что недавно было брошено на ее историю, понять, что даже ее существование так долго оставалось спорным вопросом в общественном сознании. Особенно это примечательно в свете тех эффектов, которые, согласно некоторым документальным свидетельствам, были получены с его помощью. То, что она использовалась в качестве средства запугивания и убийства негров-избирателей во время президентских выборов 1868 года, четко подтверждается показаниями в делах о выборах в Луизиане и других спорных выборах, о которых уже говорилось.

Если взять в качестве примера результаты выборов только в Луизиане, то цель организации в то время, какой бы она ни была на момент ее возникновения, вряд ли может вызывать сомнения.

Один из членов комитета, который принимал эти показания, подводит итог:

Из показаний следует, что за несколько недель до президентских выборов в этом штате было убито, ранено и пострадало более 2000 человек; половина штата была охвачена насилием; полуночные налеты, тайные убийства и открытые беспорядки держали народ в постоянном ужасе, пока республиканцы не отказались от всех претензий, и тогда на выборах победили демократы. В Орлеанском приходе

насчитывалось 29 910 избирателей, 15 020 чернокожих. На сайте весной 1868 года этот приход отдал 13 973 республиканских голоса. Осенью 1868 года он дал Гранту 1 178 голосов, что означает падение на 12 795 голосов. В течение нескольких недель в Новом Орлеане происходили беспорядки, наполнившие город кровавыми сценами, а по городу были разбросаны объявления Ку-клукс-клана, предупреждавшие цветных мужчин не голосовать. В Каддо насчитывалось 2 987 республиканцев. Весной 1868 года они возглавили приход. Осенью они отдали Гранту один голос. Здесь также происходили кровавые беспорядки.

Но самый примечательный случай - это Сент-Ландри, приход с плантациями на реке Тече. Здесь республиканцы имели зарегистрированное большинство в 1 071 голос. Весной 1868 года они победили с перевесом в 678 голосов. Осенью они не отдали Гранту ни одного голоса, в то время как демократы отдали 4 787, то есть все голоса прихода, за Сеймура и Блэра.

Здесь произошел один из самых кровавых бунтов, в ходе которого ку-клукс-клановцы убили и ранили более двухсот республиканцев, охотясь и преследуя их два дня и ночи по полям и болотам. Тринадцать пленников были похищены из тюрьмы и расстреляны. Груда из двадцати пяти трупов была найдена наполовину погребенной в лесу. Покорив республиканцев, убив и изгнав белых лидеров, ку-клукс-кланы захватили массы, поместили их значками из красной фланели, записали в клубы, привели на избирательные участки, заставили голосовать за демократический билет, а затем выдали им свидетельства об этом факте.

Я не собираюсь утомлять читателя утомительными цитатами из громоздких отчетов о "заговоре Ку-клукс-клана". Эти отчеты доступны читающей публике. Они рассказывают кровавую историю ужасного провала "политики Реконструкции"; они показывают, насколько жестокими могут быть люди в условиях, благоприятствующих необузданной свободе, не сдерживаемой сильной рукой официальной власти; они показывают, насколько беспомощными были освобожденные люди; как невежественны, как легко ведомы беспринципными авантюристами, *выдающими себя за друзей*, как легко убиты и ошеломлены ветеранами, привыкшими к опасностям и тяготам войны; и, наконец, они показывают, насколько бессильно было национальное правительство защитить права своих граждан, четко определенные федеральной конституцией. *Было ли*, говорю я? Оно бессильно и по сей день!

Итак, в этом кратком обзоре истории и современного политического положения американского негра я не могу опустить, хотя и не буду подробно описывать, ужасы периода Ку-клукс-клана. Они - звенья одной цепи: и хотя сегодня звенья отличаются по форме и облику, *цепь остается той же*. Поэтому пусть читатель немного потерпит, когда ему напомнят о вещах, которые он, возможно, забыл.

ГЛАВА VIII

Нация сдается

[Вернуться к оглавлению](#)

Разум болит при мысли об ошибках "политики Реконструкции", об отвратительном казнокрадстве и преступности, которые шли рука об руку с 1867-8 по 1876 год, разоряя и терроризируя эти несчастные штаты, ввергая их в анархию, чистую и простую.

Параллель террору, который царил на Юге с 1866 по 1876 год и который в значительной степени доминирует в этой части даже в настоящее время, следует искать в других странах, кроме нашей собственной, где железная рука тирана, восседающего на троне, сцементированном тысячелетней узурпацией и кровью миллионов невинных жертв, тяжело давит на шеи высоких и спины низких; Мы должны обратиться к династическим злодеяниям Орлеанского дома или Стюартов, или к прототипу всего тиранического, подлого и бесчеловечного - царю всея Руси. Невидимая империя с ее "рыцарями Белой Камелии" была столь же ужасна, как и "империя", которую создали для себя Марат, Дантон и Робеспьер, с той лишь разницей, что "рыцари Белой Камелии" были убийцами и мародерами, которые убивали и терроризировали, попирая все законы, человеческие и божественные, хотя и заявляли о своей верности им; в то время как французы считали себя законной властью на земле и полностью отвергали божественный или "высший закон". Одни убивали людей, как разбойники, а другие - под прикрытием закона и во имя *Свободы*, во имя которой, как восклицала мадам Ролан на эшафоте революционного возмездия, совершается столько преступлений! Одни убивали королей и аристократов, чтобы разжечь конечности пролетариата Франции; другие убивали пролетариат Юга, чтобы вновь надеть цепи на оставшихся в живых несчастных. И каждый класс убийц провозглашал, что им движут мотивы *справедливости и гуманности*. Свобода была тем великим вдохновением, которое закалило руки и ожесточило сердца каждого из мстителей!

И так было во всей истории убийств и грабежей. Свобода! Народ! Вот святыни, которыми тираны прикрывают свои узурпации и которыми убийцы оправдывают свое наглое пренебрежение жизнью, добродетелью, всем, что дорого и свято для нашей расы. Кинжал Брута и меч Кромвеля - разве не во имя Свободы и Народа они были пущены в ход? Гильотина Французской коммуны и дерринджер Дж. Уилкса Бута - разве они не были вдохновлены Свободой-Народом?

Невинная кровь, пролитая во имя свободы и народа, служившая целям тирании и сковывавшая людей самыми ужасными цепями, "поплыла бы по морю".

Наряду с грабежами, растратами, опустошением казны Южной Каролины и наложением разорительных и ненужных налогов на народ этого штата гарпиями из "Коврового мешка" при пособничестве невежественных негров, которым наше правительство не дало времени стряхнуть с ног пыль кукурузного поля, прежде чем пригласило их занять места в палатах законодательного собрания, мы должны поставить бессердечную резню в Хамбурге и Элентоне.

Рядом с неправильным управлением, сотами коррупции, в которых упивалось ковровое правительство Луизианы, мы должны поставить всеобщее беззаконие, свидетелем которого этот штат был с 1867 по 1876 год.

По всем штатам можно было бы сделать один и тот же плачевный, один и тот же тошнотворный вывод.

Федеральная власть создала дичайшую неразбериху и удалилась, чтобы следить за огненным пламенем. Мудрые люди" нации сделали возможной систему правления, в

которой грабеж и убийство должны были бороться за власть, в которой организованное невежество и организованный разбой должны были бороться за право править и разорять.

Не в пользу белых людей Юга говорит то, что их организованный разбой оказался более упрямым и дальновидным, чем неорганизованное невежество. В войне такого неблагоприятного характера очень мало чести может быть оказано победившей стороне, будь то разбойник или невежда. Война абсолютно лишена принципов, а значит, победа, как ее ни крути, в высшей степени бесчестна.

Поэтому Юг, хотя и вырвал с корнем инкуб *коврового баггизма* (одного из самых вредоносных растений, когда-либо расцветавших в саду зарождающегося общества) и удушил свободы и иммунитеты целого народа, превратив его вновь обретенную радость в печаль и скорбь, - хотя Югу и удалось добиться этих результатов, сегодня лежит распростертый на земле. Ее боятся сограждане, которые не доверяют ей власть, и сторонятся трудолюбивые пришельцы, которые стремятся к нашим берегам, потому что не хотят стать членами общества, в котором индивидуализм и абсолютизм являются высшим законом - ведь не для того ли, чтобы спастись от этих паразитов, они изгнали себя с берегов Волги, Дуная и Рейна? Люди не станут строить свои дома среди людей, которые, отвергая общепринятые каноны справедливости и суды, превращают себя в сообщество *бандитов*. Таким образом, Юг лежит распростертый, пошатываясь под грузом безграмотности, достаточным для того, чтобы парализовать энергию любого народа; обитает среди узурпации, где закон отменен, а индивидуальное право является стандартным авторитетом; где преступники и подозреваемые в совершении преступлений отданы на грубое милосердие толпы, замаскированной и безответственной; где касты развращают каждый ручеек, берущий начало в фонтане стремления или целомудрия;^[13] где ни одному человеку не позволено думать или действовать самостоятельно, если он не приводит свои мысли и поступки в соответствие с цензурными и надменными *сентенциями* господствующего класса.

"Ты должен думать так, как думаем мы, и действовать так, как действуем мы, или ты должен уйти!" Таков закон Юга.

В каждом из последних мятежных штатов урна для голосования была закрыта от чернокожего. Чтобы добраться до него, он вынужден бравировать под дулами тысячи винтовок в руках молчаливых часовых, считающих человеческую жизнь не более священной, чем змея, которая тащится по траве среди полей, и чью голову человечество обязано раздавить.

Тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая поправки к федеральной конституции, которые выросли из общественных настроений, вызванных тридцатью долгими годами агитации аболиционистов и "прокламацией об эмансипации", выпущенной президентом Линкольном в качестве военной меры, больше не рассматриваются Югом как основополагающие. Бенефициары этих поправок во всех случаях не смогли воспользоваться теми благами, которые, предположительно, должны были быть предоставлены.

Эти законы, прошедшие обе ветви федеральной законодательной власти, получившие одобрение и подпись главы государства и ратифицированные большинством штатов, составляющих братство штатов, больше не являются обязательными для жителей Юга, которые долго и отчаянно боролись за то, чтобы предотвратить возможность их принятия; и они больше не приносят пользы, если вообще приносили, людям, в чьих интересах они были включены в *Magna Charta* американской свободы; в то время как центральная власть,

которая их создала, через Верховный суд объявила недействительными, ничтожными и не имеющими юридической силы все дополнительные законы, основанные на этих законах, в том, что касается правительства Соединенных Штатов! Весь вопрос был передан на рассмотрение законодательных органов нескольких штатов! Федеральный Союз оставил узурпированным правительствам Юга решение вопроса о правах, которые Юг четыре года вел почетную войну, чтобы сделать невозможными, и которые он после войны исчерпал каталог позора и беззакония, чтобы сделать не имеющими силы и эффекта. Судьба ягненка была оставлена на милость льва и тигра.

Партия великих моральных идей", эмансипировав рабов и предоставив право голоса дезорганизованному невежеству и нищете, окончательно завершила свою миссию, отказавшись от права на уважение и доверие человечества, когда в 1876 году она отказалась от всех усилий по обеспечению выполнения положений военных поправок. Сегодня эта партия выступает за организованную коррупцию, а ее противник - за организованный разбой. Чернокожий мужчина, которого предала его партия и убили противники его партии, освобожден от всякой преданности, которую могла бы продиктовать *благодарность*, и сегодня волен создавать наилучшие условия с любой фракцией, которая обеспечит ему право на "жизнь, свободу и стремление к счастью".

Чернокожие жители Соединенных Штатов сегодня свободны создавать любые союзы, которые диктует мудрость, чтобы обеспечить свое положение в социальной и гражданской системе, фактором которой, по мудрому провидению справедливого Бога, они являются, к лучшему или к худшему.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[13] "Южане ужасно разгораются, как уже неоднократно отмечалось в этих колонках, когда обсуждается тема межнациональных браков между белыми и неграми. Но об ужасном состоянии безнравственности, которое там существует, с участием белых мужчин и цветных женщин, газеты этого региона, как правило, молчат. Но не таково было большое жюри, собравшееся недавно в Мэдисоне, штат Гавайи, которое в своем отчете высказалось со всей очевидностью Ветхого Завета:

"После нескольких дней кропотливого расследования мы пришли к выводу, что моральное состояние нашей страны находится в удовлетворительном состоянии, и свобода нашего общества от каких-либо серьезных преступных посягательств является предметом поздравлений для нашего народа. Но открытое и бесстыдное сожительство белых мужчин с негритянскими женщинами в нашей общине вызывает к небесам с просьбой о его прекращении. Это преступление по своей природе ускользает от нашего внимания из-за ограниченного времени работы нашей сессии. Оно отравляет фонтаны нашей общественной жизни; оно губит и унижает наших молодых людей, мужчин, которые не желали бы, чтобы им вменялось в вину уравнивание с неграми, но которые, тем не менее, нашли самые низкие глубины моральной испорченности в этом противоестественном позоре своей жизни."

"В депеше, сообщающей об этом представлении, добавляется: "Чтение этого представления в суде вызвало большое чувство возмущения среди людей, заявляющих, что в частные дела народа не следует вторгаться". Северянам приходит в голову, что до тех пор, пока в эти "частные дела" не нужно будет "вторгаться", южные газеты и южные священнослужители могли бы с большим изяществом выражать свое негодование по поводу ужасных бед, которые могут возникнуть в результате законного межрасового брака двух рас" - "Газетный волк".

ГЛАВА IX

Политическая независимость негра

[Вернуться к оглавлению](#)

Следующая глава представляет собой, в основном, воспроизведение моего выступления перед Ассоциацией цветной прессы в городе Вашингтоне 27 июня 1882 года.

Обращаясь к рассмотрению темы: "Цветной человек как независимая сила в нашей политике", я сразу же подхожу к одному из жизненно важных принципов, лежащих в основе американского гражданства цветного человека в особой манере. От этого вопроса зависят все условия жизни человека как свободного морального агента, как разумного существа; как человека, думающего о лучших интересах своей страны, о своих личных интересах и об интересах тех, кто должен взять на себя работу республиканского правительства, когда нынешнее поколение уйдет из жизни. Когда я говорю, что этот вопрос имеет самый сложный и запутанный характер, я лишь утверждаю то, что известно всем людям.

Я не хотел бы забывать, что аргументы за и против независимых действий с нашей стороны основаны на двух сторонах или наборах принципов. Принципы присущи правительству, создаваемому народом, а партии - это созданные народом механизмы, с помощью которых он озвучивает отстаиваемые им принципы. В этой стране партии разделяются по одному признаку с самого начала существования нашей страны и до настоящего времени. Все остальные вопросы сливаются в два разных - вопрос о сильном федеральном правительстве, как провозгласил Александр Гамильтон и поддерживает нынешняя Республиканская партия, и вопрос о правах и полномочиях штатов, как провозгласил Томас Джефферсон и как поддерживает нынешняя Демократическая партия, называемая "партией народа", но на самом деле являющаяся партией олигархии, кровопролития, насилия и угнетения. Республиканская партия одержала свою первую великую победу на присущей демократической партии слабости в вопросе о правах человека и праве федерального правительства защищать себя от посягательств, агрессии, попыток узурпации со стороны штатов, и она сохраняла свое господство так долго, что можно предположить, что она будет править до тех пор, пока сама не развалится на куски из-за внутреннего разложения и внешней раковой опухоли. Похоже, что вне республиканской партии нет достаточной жизненной силы, чтобы ее члены оставались верными народу или честными по отношению к правительству. Лояльное законодательство, которое могло бы быть вызвано страхом потери власти, и управление правительством в наиболее экономичной форме отсутствуют из-за отсутствия честной, здоровой противоположной партии.

Но моя цель не в том, чтобы останавливаться на механизме партий, а в том, чтобы показать, почему цветные американцы должны быть независимыми избирателями, независимыми гражданами, независимыми людьми. Для этого я хочу изложить следующее: (1.) Независимый избиратель должен быть умным, должен постигать науку управления и быть сведущим в истории правительств и людей; (2.) что независимый избиратель должен быть не только гражданином, разбирающимся в управлении, но и преданным своей стране, великодушным и терпимым к своим согражданам, не всегда обращая внимание на слово и

действие, но иногда обращая внимание на подводное течение, которое движет ими, - на присутствие непосредственного интереса, который всегда силен в человеческой природе, на любовь к расе и на любовь к секции, которая идет рядом с любовью к стране.

Наша страна велика не только минеральными и сырьевыми ресурсами, численностью и накопленным богатством, но и протяженностью территории, и множественностью интересов, вытекающих из особенностей местности, расы и воспитания народа. Так, жители Севера, Востока и Запада занимаются земледелием, производством и спекуляцией, делая политику подчиненным, а не ведущим интересом; они, следовательно, богаты, бережливы и довольны; в то время как жители Юга, все еще находящиеся в тени поражения в самом кровавом и грандиозном конфликте со времен наполеоновских войн, резко разделены на два класса и занимаются почти исключительно сельским хозяйством и ненавистью друг к другу. Такое положение вещей губительно по своей природе и плачевно по своим последствиям. Оно препятствует прогрессу этой части населения, чуждо духу и подрывает принципы наших свободных институтов.

Именно на Юге проживает наибольшее количество наших людей; именно там они сталкиваются с наибольшими трудностями; именно там проблема их будущей полезности как американских граждан должна иметь полное и удовлетворительное или катастрофическое и удручающее проявление. Следовательно, цветной государственный деятель и цветной редактор должны обратить свое внимание на Юг и сделать эту область центром спекуляций, дедукции и практического применения. Мы все понимаем условия жизни общества в этом регионе и причины, которые их породили, и, не забывая о причинах, мы стремимся изменить существующие условия, чтобы они соответствовали логике великого Восстания, духу и букве Федеральной Конституции. Поэтому неудивительно, что, будучи скромным тружеником в интересах своей расы и общего блага, я придерживаюсь определенных взглядов на то, каким курсом лучше всего следовать нашему народу в этой части, и какие плоды принесет последовательное отстаивание таких взглядов.

Я могу единодушно утверждать, что наилучшие интересы расы и интересы страны будут сохранены путем укрепления союза между белыми и неграми Юга, отстаивая доктрину, что интересы белых и интересы цветного населения - одно и то же; что законодательство, которое затрагивает одно, затрагивает и другое; что добро, которое приходит к одному, должно приходить к другому, и что, как один народ, зло, которое разрушает надежды одного, разрушает надежды другого; я говорю, что я могу быть одинок среди цветных людей в убеждении, что гармония настроений между черными и белыми в стране, в той мере, в какой она стремится к честному разделению и здоровой оппозиции, является естественной и необходимой, но я говорю это убеждение, которое так же сильно, как и стойкая идея разнообразия между черными и белыми, которая так кристаллизовала мнение расы.

В республиканской форме правления небезопасно существование клановости, как принудительной, так и добровольной; это не полезно ни для правительства, ни для человека. Такое правительство, как наше, подобно домашнему хозяйству. Различия во мнениях по несущественным вопросам полезны и естественны, но в отношении фундаментальной идеи, заложенной в Декларации независимости и подтвержденной в Федеральной конституции, должно преобладать максимальное единодушие. Что все люди рождаются равными, пока на них распространяются блага правительства; что каждый человек имеет справедливое право на жизнь, свободу и стремление к счастью, если эти благодатные блага не будут утрачены в результате нарушения прав других; Свобода мысли и беспрепятственное выражение честных убеждений, а также право реализовать их через священное средство честного голосования и честного подсчета голосов, даны Богом и не подлежат ограничению - таковы основы

республиканского правительства; таковы основы наших институтов; таково право каждого американского гражданина по рождению; таковы гарантии, которые делают людей свободными, независимыми и великими.

Цветной человек должен полностью осознать свое гражданство, прежде чем он сможет сделать его эффективным. Создание или поощрение клановости в таком правительстве, как наше, является фатальным. Ассимиляция чувств должна быть достоянием немцев, ирландцев, англичан, англо-африканцев и всех других расовых элементов, которые вносят свой вклад в формирование американского типа гражданина. Как только вы создаете кастовый стандарт, как только вы признаете существование такового, как только республиканское правительство оказывается под дамокловым мечом, жизненная сила его становится витальной и подвергается опасности. Если это правда, то у американского народа есть серьезные основания для беспокойства. Англо-африканский элемент нашего населения отнесен народными настроениями к группе и остается таковым. Именно вдумчивые, честные, спокойные, но решительные представители расы должны формировать настроения масс, поднимать их на широкий солнечный свет свободы. Невежество, суеверие, предрассудки и нетерпимость - это элементы нашей природы, порожденные злым институтом рабства. Никакой правительственный приказ не сможет их искоренить. Как они медленно росли, постепенно развиваясь в течение долгих лет бесчеловечных условий, так они должны быть уничтожены медленным ростом в течение многих лет благоприятных условий. Давайте признаем эти факты как факты и будем честно трудиться, чтобы заменить их более полезными, более радостными реалиями. Независимый цветной человек, как и независимый белый человек, - это американский гражданин, который думает о себе сам. Когда за него думает кто-то другой, он перестает быть разумным гражданином и становится опасной дурой - опасной для себя, опасной для государства.

Не стоит ожидать, что цветные избиратели будут продолжать сохранять единодушие в мыслях и действиях, характерное для них в те времена, когда законодательные залы штатов оглашались криками созданных ими законотворцев, а их дыхание наполняло или опустошало государственные казны. Теперь условия изменились. Они считают себя гражданами без права голоса при формировании законодательства; налогоплательщиками без представительства; людьми без лидерства, достаточно умелыми, чтобы заставить уважать себя уступающих в численности в одних штатах или удержать баланс сил в других. Они оказываются во власти неумолимого общественного мнения, которое терпит, но не уважает их существование в качестве избирательной силы; но которое, напротив, признавая их право на свободное осуществление избирательного права, запрещает это осуществление под дулом ружья убийцы, которого оно не только нервирует, но и защищает в совершении его незаконных и позорных преступлений. И почему так? Почему сто двадцать тысяч чернокожих избирателей Южной Каролины позволяют восьмидесяти тысячам белых избирателей этого штата вытравливать из них жизнь законами более одиозными, более позорными, более тираническими и подрывающими мужское достоинство, чем те, что обезлюдели в правительствах старого мира? Потому ли, что белый человек - это созданный наместник правительства? Писание утверждает, что все происходит от одного родительского ствола. Потому ли, что он является олигархом правительства, закрепленным в конституции? Магна харта наших свобод утверждает, что "все люди созданы равными". Не потому ли, что закон страны закрепляет за ним господство над властью? Преамбула Федеральной конституции провозглашает, что "мы", а не "я", составляем "народ Соединенных Штатов". Если закон Божий и закон человеческий согласны в равенстве прав человека, объясните мне причину, которая удерживает превосходящую силу в подчинении меньшинству. Ответ можно найти в неправильном управлении в период Реконструкции - неправильном управлении

белых людей и чернокожих, которые были вознесены в "маленькую короткую власть" могущественной, но непомерной силой избирателей. Тот чернокожий, который попустительствовал и участвовал в коррупции на Юге, приведшей к подрыву власти большинства, - предатель своей расы и своей страны, где бы он сейчас ни влачил шаткое и бесславное существование, и мне нечего обрушить на его голову, кроме проклятий и казней оскорбленного народа. Подобно Бенедикту Арнольду, он должен искать себе убежище в безлюдной пустыне, жить незаметно и без уважения, где он мог бы умереть, не вызывая презрения своего народа.

Любовь к свободе несет в себе мужество сохранить ее от посягательств извне и от презрения изнутри. Народ, в котором врождена любовь к свободе, невозможно поработить, хотя его можно истребить превосходящей силой и интеллектом, как в случае с бедными индейцами нашей страны - народом, который двести лет назад распространял свои необузданные орды от айсбергов штата Мэн до солнечного побережья Флориды. Но где они сегодня? Их любовь к свободе и доблестная защита приоритета собственности на наши владения привели к тому, что они были сметены с лица земли. Если бы они обладали разумом и более чем спартанским мужеством, волна истребления никогда не смогла бы прокатиться по ним навсегда. Как человек я восхищаюсь непобедимым героизмом и стойкостью индейцев. Столь отважная раса людей была достойна более благородной и счастливой судьбы. Как американский гражданин, я чувствую, что в моей природе заложено стремление в полной мере разделять все то, что является американским. Я сочувствую всем надеждам, чаяниям и свершениям моей страны. Нет такой пульсации в одушевленном каркасе моей родины, которая не волновала бы мою натуру. Нет такой высоты славы, которой мы можем достичь как правительство, и я не чувствовал бы себя индивидуально вознесенным; и нет такой глубины деградации, до которой мы можем упасть, и я не чувствовал бы себя индивидуально втянутым. Одним словом, я - американский гражданин. Мне принадлежит каждое положение Конституции моей страны, и если бы это наследие попытался отнять у меня какой-либо человек или группа людей, я счел бы провокацию достаточно серьезной, чтобы поставить на карту даже жизнь, защищая ее. Я бы поставил каждого цветного в этой стране на подобную платформу - думать за себя, говорить за себя, действовать за себя. Это идеальный гражданин идеального правительства, каким должно стать наше. Такова моя концепция цветного человека как независимой силы в нашей политике. Помочь поднять наш народ на этот уровень - одна из миссий, которую я наметил для своей жизни. Возможно, я сею семена, которые приведут к катастрофическим результатам, но я так не думаю. Моя концепция республиканского правительства не приведет меня к выводу, столь несовместимому с моими надеждами, моей любовью к своей стране и своей расе.

Я смотрю на свою расу на Юге и вижу, что они беспомощно находятся во власти народных предрассудков, выросших из прежнего состояния рабства; я вижу, что федеральное правительство облачило их в одежды гражданства и противостоит пользованию ими равными, а не вышестоящими, благами правительства; я вижу, что правительство, предоставившее право гражданства, бессильно или не готово заставить уважать свои собственные постановления; Я вижу, что эти люди, брошенные на произвол судьбы своими врагами, одинокие и беззащитные, лишенные разумного руководства, призываются сохранять верность людям и партии, которые показали себя неспособными предоставить им существенную защиту; я вижу, что эти люди, одинокие в своей борьбе с сомнениями и предрассудками, окружены общественным мнением, могущим создавать и могущим разрушать; я вижу их бедными в культуре и бедными в материальных средствах, и зависимыми в добывании хлеба, который они едят, от тех, кого они враждуют политически. Вследствие этого, хотя они и обладают великолепным большинством голосов, они не имеют

права голоса в формировании законодательства, которое слишком часто становится двигателем их угнетения; хотя они выполняют наибольшее количество работы, они страдают от перегрузок и недостаточного вознаграждения; хотя у них больше детей, возможности получения образования не столь обширны и не столь хороши, как те, что предоставляются белым из общего фонда, и у них нет средств для получения из частных источников тех благ образования, в которых им отказывает государство. Каков же выход из этого многообразного и тяжелого положения вещей? Будет ли оно найдено путем решительного противостояния настроениям, культуре, государственному мышлению, владению землей и богатствами Юга? Пусть история прошлого предстанет перед глазами честного и вдумчивого народа; пусть, с одной стороны, будет записан огромный вал неправильного управления, некомпетентности и слепой глупости, а с другой - ужасы полуночного убийцы и беззакония, оскверняющие солнечный свет полудня, разгуливающего по стране как фантом, вооруженный отчаянием проклятых!

Я поддерживаю идею, что сохранение наших свобод, завершение нашего гражданства должно быть сохранено и развито не путем одиночества и обособленности, угрюмого, как меланхолический датчанин, а путем впитывания всего американского, вхождения в жизнь и дух наших институтов, распространения за границу чувств, ощущая всю силу того факта, что, хотя мы классифицированы как африканцы, так же как немцы классифицированы как немцы, мы во всем являемся американскими гражданами, американскими свободными людьми. Раз уж мы испробовали идею политического единодушия, давайте теперь попробуем другие идеи, более созвучные духу нашего института. В союзе, который ослабляет, нет силы. Ассимиляция, вливание в корпоративное тело, не имеющее отличий от других, в равной степени получающее власть - таков должен быть независимый человек, будь его кожа загорелой от зноя Африки или обесцвеченной вечными снегами Кавказа. Проповедовать независимость цветного человека - значит проповедовать его американизацию. Оковы рабства были сорваны с его конечностей суровым произволом оружия; оковы политического порабощения, невежества и народных предрассудков должны быть разбиты на колеса непрерывной учебы и того, с какой легкостью он вливается в тело народа. Помочь себе - вот его первейшая обязанность, если он верит, что он здесь надолго, а не на испытательном сроке на земле своих предков - земле, на которую у него нет других прав, кроме чувства.

Какой жизненно важный принцип, затрагивающий наше гражданство, отстаивает сегодняшняя Национальная республиканская партия? Является ли это честным голосованием и честным подсчетом голосов? Измерьте нашу силу на Юге и посмотрите на одинокое выражение нашей гражданственности в залах Национального законодательного собрания. Честное голосование, которое мы отдали за Резерфорда Б. Хейса, похоже, вызвало враждебность этого главы исполнительной власти, и он и его советники передали цветных избирателей Юга в руки кровожадного меньшинства этой части.

Республиканская партия выродилась в бесславную борьбу за место и власть. Она забыла принципы, за которые боролся Самнер и за которые погиб Линкольн. Она предала дело, ради которого трудились Дуглас, Гаррисон и другие, в слепой политике, которую она проводила в восстановлении мятежных штатов. Она сделала рабов свободными и свободных рабов в одно и то же время, предоставив право голоса и отказавшись от гарантий его реализации; она предала свое доверие, позволив убить тысячи невинных людей, не объявив Юг восставшим, и помиловав убийц, которых запоздалое правосудие отправило в темницу для преступников. Даже сейчас она бессильна обеспечить честное голосование цветных граждан. По этим причинам я не считаю обязательным для цветного населения

поддерживать Республиканскую партию, когда можно создать другие, более выгодные объединения. А что же демократическая партия Бурбонов? В ней не было, нет и никогда не будет ничего хорошего для цветного человека. Бурбонская демократия - это проклятие для нашей земли. Любая партия - это проклятие, которая ставит себя в оппозицию к человеческой свободе, к всеобщему братству людей. Ни один цветной человек никогда не сможет правдиво заявить, что он бурбонский демократ. Это принципиальная невозможность. Но он может быть независимым, прогрессивным демократом.

Настал час, когда вдумчивые цветные должны перестать полагаться на соломинку; когда они должны перестать быть добровольными орудиями вероломной и продажной партии; когда они должны перестать поддерживать людей и меры, которые не приносят пользы ни им, ни расе; когда они должны перестать быть обманутыми одной фракцией и застреленными другой. Настало время, когда их положение в партиях должно быть более четко определено, и когда, используя избирательные бюллетени, они должны заставить больше уважать права жизни и собственности.

Для этого они должны приспособиться к изменившимся условиям, которые их окружают. Они должны найти для себя место, на которое можно встать. В политике страны голоса цветных должны стать такой же неопределенной величиной, как голоса немцев и ирландцев. Цвет их кожи должен перестать быть показателем их политического вероисповедания. Они должны меньше думать о "партии" и больше о себе; меньше внимания уделять имени и больше - принципам.

У чернокожих и белых жителей Юга общая судьба. Обстоятельства свели их вместе и так переплели их интересы, что ничто, кроме чуда, не сможет разорвать связывающую их связь. Поэтому к их обоюдному несчастью должно преобладать что-либо, кроме симпатии и доброй воли. Царствование террора означает застой всех сил народа и разложение источников закона и справедливости.

Цветные люди Юга должны поддерживать более теплые отношения с белыми людьми Юга. Мудрая политика должна ускорить тот день, когда политика перестанет быть ширмочкой, порождающей вечные войны. Гражданин штата гораздо более суверенен, чем гражданин Соединенных Штатов. Государство - это реальная, осязаемая действительность; вещь, обладающая жизнью и силой; в то время как Соединенные Штаты - это чисто абстракция, которую никто не смог успешно определить, хотя многие, мудрые в своих взглядах и самомнении, философствовали над ней к своему собственному удовлетворению. Метафизическая полемика людей, сведущих в науке республиканского правления, охватывающая тома за томом "дебатов", законодательство невежд, называемых государственными деятелями, и "строгое" и "либеральное" толкование их работы судебными *магами*, вместе с долгим и разрушительным восстанием, жестокому арбитражу которого, как надеялись, в конце концов, был передан вопрос, все и каждый не смогли дать определение этой фантастической вещи, так называемого федерального правительства, и его справедливых прав и полномочий. Как Александр Гамильтон и Томас Джефферсон оставили его, так он и остается сегодня - костью раздора, красным флагом в руках политических матадоров одной партии, чтобы разъярить представителей других партий.

Нет: цветному избирателю пора оставить своих бессильных "защитников" и позаботиться о себе самому. Пусть каждый читает, слушает, думает, формирует свои собственные представления о делах в своей местности; пусть его меньше интересуют постоянные войны национальной политики, чем интересы его собственного города, округа и штата; пусть он станет другом мамоны несправедливости своего собственного района, насколько это возможно,

чтобы принять разумное участие среди своих соседей, белых и черных, и голосовать за тех людей и за ту партию, которые сделают лучшее для него и его расы и лучше всего сохранят интересы его окрестностей. Пусть не будет цели *закрепить* голоса цветных; массовость черных означает массовость белых, напротив. Отдельные цветные - и их немало - совершают чудеса в деле самовоспитания; но общего возвышения цветных Юга не будет, пока они не будут использовать свое право голоса в независимых местных делах с некоторой дискриминацией, более разумной, чем упрямая привязанность к названию партии. Когда цветные избиратели будут различаться между собой и их можно будет найти по *обе стороны* местных политических состязаний, они начнут осознавать свою политическую значимость; их голоса будут искать, отдавать *и подсчитывать*.

И это ключ ко всей ситуации: позвольте им стать частью народа. Это потребует времени, терпения, ума, мужества; но это можно сделать, и пока это не будет сделано, их путь будет лежать во тьме и, возможно, в крови.

ГЛАВА X

Решение политической проблемы

[Вернуться к оглавлению](#)

Я не верю в партии. В монархических и имперских правительствах ими всегда манипулируют королевские олухи, которыми, в свою очередь, манипулируют их пустоголовые фавориты и женщины усыпляющей добродетели; а в республиках ими всегда манипулируют демагоги, плуты и коррупционеры, которые фигурируют в газетах как "боссы", "каблуки" и "слизняки", а в истории - как государственные деятели, сенаторы и представители. Эти господа, которые *правят* нашим правительством и *губят* наш народ, составляют то, что мистер Мэтью Арнольд недавно назвал "остатком", которому следует позволить управлять делами в угоду себе, поскольку народ, огромная масса, не в состоянии позаботиться о себе и о сложном механизме правительства. Конечно, мистер Арнольд, который в своих представлениях о правительстве неизбежно придерживается британских взглядов, предполагал, что "остаток", который он представлял себе, должен состоять из людей с самым возвышенным характером и интеллектом, то есть из тех, кто не допускает их в политические канавы. В нашей стране от людей с возвышенным характером ожидают, что они будут заниматься своими собственными заботами, а не заботами народа, и дадут шанс "мальчикам"; в то время как люди с возвышенным интеллектом, в силу большой занятости и уединения, необходимых для их работы, слишком привязаны к своим книгам и спокойному образу жизни, чтобы бросаться на собрания прихода и бороться за политические преференции с "Майками" и "Джейками", которые делают свой хлеб с маслом из трофеев и казнокрадства. Клей или Уэбстер, Сьюард или Самнер иногда попадают в политику, но это происходит случайно. В нашей политике недостаточно денег, чтобы заставить честных людей сделать ее своей целью, а коррупция, часто необходимая для сохранения политического положения, настолько отвратительна, что не позволяет честным людям делать из нее бизнес.

Любовь к власти легко перерастает из патриотизма в измену или тиранию, а то и в то и другое. Как легче упасть от добродетели к пороку, чем подняться от порока к добродетели, так легче упасть от патриотизма, чем подняться к нему.

До войны мужчины Юга поначалу занимались политикой как элегантным времяпрепровождением. У них было много свободного времени и много денег. Они не брались за литературу и науку, потому что эти занятия требуют серьезной работы и более или менее сильного уклона для глубокого раскрытия их глубокого проникновения в суть. Возможно также, что их предполагаемая патрицианская чувствительность боялась вступать в конкуренцию с плебеями, которые должны были усердно учиться и писать объемные труды за несколько пенни, чтобы сохранить душу и тело. А ваши южные гранды до войны не были вынуждены вкалывать, чтобы прокормиться; им приходилось мало думать о завтрашнем дне. Их огромные земельные владения и черные рабы были вещью, которая не колеблется; под эффективным надзором гадкого рабовладельца черный Самсон восходил до восхода солнца, а земля, цветник природы и неотъемлемое наследие человека, в свой сезон давала золотую кукурузу и снежный хлопок. Южный интеллект источал свои запахи на проспектах, где блеск, а не глубокомыслие, был паспортом популярности. Таким образом, южное гостеприимство (отдача другим того, что было намеренно украдено) стало почти такой же пословицей в *вежливых* кругах Америки и Европы, как давно устоявшиеся обходительность и снисходительность французов. И по сей день гостеприимство Юга, лишенное пышности и величественности, часто становится темой газетных передовиц и журнальных подворотен. Но осталась только тень; суть ушла - "В прошлогоднем гнезде нет птиц".

Если бы литературная репутация Соединенных Штатов до конца Восстания оценивалась по вкладу южан в художественную литературу, прозу и поэзию, науку, искусство и изобретения, вежливые страны мира сочли бы нас нацией полуварваров. Но, к счастью, суровый гений Новой Англии компенсировал тогда и компенсирует сейчас бедность литературных усилий Юга. Правда, несколько человек после войны выставили Юг в лучшем свете; но даже их работы, как показатель южного гения, считаются очень ранними и неуверенными.

Югу еще предстоит продемонстрировать, что он способен на высокие литературные усилия. В процессе этой демонстрации я полностью убежден, что англо-африканец - с его блестящим остроумием и юмором, богатым воображением и врожденной тягой к литературным занятиям - внесет значительный вклад в то, чтобы Юг занял завидное и почетное положение.

То, чего не хватало Югу в литературной деятельности до войны, она восполнила великолепной плеядой метеоритных государственных деятелей, которые бросились в политику с инстинктом утки на воду и были забыты, в большинстве случаев, прежде чем закончилась их эфемерная карьера. Несколько имен пережили землетрясение, и их помнят скорее за их ум, чем за их глубину. Еще несколько десятилетий, и о них будут помнить только любопытные студенты, пробирающиеся сквозь лабиринты документов Конгресса и затхлые архивы штатов в поисках сведений о временах, которые давно канули в лету, превратившись в туманную дымку истории и романтики. До войны южный человек, ведущий свободный образ жизни, занимался политикой скорее как развлечением, чем как серьезным делом. Но поскольку это времяпрепровождение было приятным, а также придавало ему дополнительный вес и значимость, все, кто мог, стремились создать впечатление, что они являются важными людьми в нации. Они были основой нацией политиков, всегда блестящих, поверхностных, воинственных и догматичных, готовых решить спор ружьем или саблей, как и разумом и логикой.

Таков был нрав людей, которые бросились в войну с уверенностью школьника и вышли из нее хромым, как человек, которого во время гимнастических упражнений разбил паралич. Война преподавала Югу очень полезный урок, но недостаточно убедила его в том, что он в первую очередь является высокомерным, заносчивым народом, который не обладал и не

обладает всеми добродетелями, умом и мужеством страны; что запас этих первостепенных элементов у него ужасно мал, если учесть, что долгие годы он позиционировал себя как патрицианское сословие Америки.

Но когда война закончилась и южная аристократия вновь обратила свои помыслы к социальному высокомерию и политическому господству, она обнаружила, что занятие Отелло полностью исчезло. По стране прокатилась революция, более иконоборческая и беспощадная, чем та, что последовала за Французской революцией почти за сто лет до этого. Нижние рельсы были жестоко положены на верхние; промышленные изменения претерпели столь полную метаморфозу, что их невозможно было обнаружить; а основа и метод политического представительства и управления были настолько изменены, что привели в замешательство как старые, так и новые силы.

Помимо невежества чернокожих граждан и ненасытной жадности и беспринципности их лидеров - банды стервятников, более прожорливых и развращенных, чем все, кто когда-либо навязывал и злоупотреблял доверием доверчивого народа, - белые люди Юга были воспитаны так, чтобы считать себя, естественно, факторами власти, а цветное население, естественно, подчиненным классом, не являющимся фактором вообще. Именно эти две вещи привели к той демонстрации варварства со стороны Юга и бессилия со стороны правительства, что заставляет нас обратиться к Румании и византийскому двору за подходящей параллелью.

Но, как я уже говорил, любовь к власти легко перерастает в измену. Если мы не можем назвать насилие, убийства, опозорившие Юг, *изменой*, то каким более подходящим именем, скажите на милость, мы должны это назвать? Если аннулирование буквы и духа поправок к Федеральной конституции со стороны завоеванного Юга не было новой *изменой*, то что это было? И что это такое?

Белые люди Юга, "рожденные в поместье", продемонстрировав свое превосходство в убийствах, узурпации и грабежах (и я утверждаю, что в исполнении этих мерзостей они пошли дальше, чем в *вакханалии* негров с коврами и мешками); заставив большинство свестись к нулю и придя к власти под дулом пистолета и кинжала (в стиле обычных бандитов); приняв законы, одиозно дискриминирующие один класс, но дающие максимальную неприкосновенность другому; сделав все это, смоделировав правительство, которым они управляют, на основе доктрины сторонников рабства, что это "правительство белого человека" - имея время протрезветь, белые люди Юга должны быть открыты для разума, если не для убеждения.

Чернокожие жители Юга прекрасно знают, что их лишили избирательных прав незаконными и насильственными методами; они знают, что законы специально составлены так, чтобы обманывать и угнетать их. Это опасное знание, опасное как для черного, так и для белого человека. Решение будет принято одним из двух способов - мудрым и рассудительным государственным управлением или кровавым и разрушительным восстанием. Когда людей обижают, они обращаются либо к здравому смыслу, либо к насилию. Ни один человек, любящий свою страну, не одобрит насилие в решении вопроса о правах, кроме как в крайнем случае. Разум - самый надежный трибунал, в котором можно осудить несправедливость и неправоту; но не всегда удается достичь этого трибунала.

Черные и белые граждане Юга должны изменить границы, которые разделяют их с момента окончания войны. По сути, они - один народ, и должны быть взаимными помощниками, а не

взаимными помехами друг другу. Говоря "один народ", я не хочу, чтобы подразумевали, что белый и черный человек едины в этнологическом, но в родовом смысле, имея общее происхождение. Живя в одних и тех же общинах, занимаясь одинаковыми занятиями и подчиняясь одним и тем же фундаментальным законам, как бы они ни различались по построению и применению в разных штатах, белый человек заинтересован в том, чтобы чернокожим предоставлялись все возможные возможности для улучшения их умственного, материального и гражданского состояния. Общество разлагается не с вершины, а с основания. Не чистый дождь, падающий с небес, а застойные воды водоема порождают болезни и смерть. Порча избирательного бюллетеня белыми людьми Юга более пагубна, чем злоупотребление им чернокожими; извращение закона при задержании и наказании преступников, когда он применяется почти исключительно против цветных, не только вызывает презрение к закону со стороны цветных, но и поощряет преступность среди белых людей. Таким образом, развращается все общество. Закон о мафии - это наиболее яркое выражение ненормального общественного мнения; он показывает, что общество прогнило до основания. Когда люди обнаруживают, что законы специально создаются для того, чтобы угнетать и обманывать их, они становятся отчаянными и безрассудными; а закон о мафии, узурпируя законные функции судебной власти, делает из честных людей преступников. Как выразился Александр Поуп:

*Порок - это чудовище столь страшного облика,
что для того, чтобы его ненавидеть, нужно только видеть;
Но, видя его слишком часто, мы знакомы с его лицом,
Мы сначала терпим, потом жалуем, потом обнимаем.*

Юг ничего не выигрывает и все теряет, пытаясь подавить энергию и амбиции цветного населения. Для безопасности и максимальной эффективности общества необходимо, чтобы все его члены имели одинаковые возможности для морального, интеллектуального и материального развития. "Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой". "Возлюби ближнего своего, как самого себя". От закона Божьего никуда не деться. Вы либо поступаете справедливо, либо страдаете от злых последствий неправомерных действий. Беспорядки, превратившие Юг в кипящий котел на протяжении пятнадцати лет, породили самое распространенное презрение к законной власти не только со стороны незаконных белых, но и законопослушных черных, которые терпеливо сносили всевозможные несправедливости, *потому что были поколением рабов, внезапно ставших свободными*. Они позволили расстрелять себя, потому что были воспитаны обнажать спину по приказу белого олигарха. Но нельзя ожидать, что такая пассионарная трусость будет продолжаться всегда. Люди, находящиеся в состоянии свободы, инстинктивно сомневаются в праве других налагать на них неравное бремя или отказывать им в равной и точной защите законов. Когда угнетенные люди начинают роптать, проявлять беспокойство и недовольство, противнику лучше сменить тактику или запереться, как это сделал трусливый тиран в России.

На сцену действий на Юге вышло новое поколение людей. Они почти ничего не знают о правилах и ужасах рабовладельческого режима. Они знают, что они свободные люди; они знают, что их жестоко и несправедливо обманывают; и они *сомневаются в праве* своих равных выступать против них и обманывать их. Многие из этих людей воспользовались преимуществами общего школьного образования, а немногие - академического и университетского, и многие "положили деньги в кошелек". Вся раса настолько изменилась, что они почти не похожи на тех, кем они были, когда обстоятельства войны сделали их

манумиссию настоящей необходимостью. Однако в отношении белых людей к этому народу мало что изменилось. Они по-прежнему упорно отрицают свое право участвовать в отправлении правосудия или в равной степени пользоваться его благами.

Политика должна быть изменена. Этого требует прогресс чернокожего человека; к этому обязывают интересы белого человека. Юг не может надеяться на участие в трудолюбивой эмиграции, постоянно прибывающей в наши порты, пока он разбросан по всему миру, пока законы мафии и расовые волнения постоянно прерывают промышленность людей и подвергают жизнь и собственность опасности неминуемых беспорядков; и он не может надеяться на поощрение вложения крупного капитала в развитие своей промышленности или расширение своей национальной системы. Капитал робок. Он будет искать инвестиции только там, где он уверен, что его оставят в покое. Опять же, пока сохраняется нынешнее положение, ни один государственный деятель Юга, каким бы способным он ни был, не может надеяться на доверие страны или достижение высокого официального положения. Вдумчивые, трезвомыслящие люди не доверят власть людям, которые санкционируют самосуд и добиваются высоких почестей, потворствуя или участвуя в покушениях и убийствах. У них слишком много самоуважения, чтобы сделать это.

Всего несколько недель назад один узколобый сенатор из штата Алабама, выступая по вопросу о "Национальной помощи образованию", заявил, что он скорее проголосует за ассигнования для установления прямых связей южных штатов с Конго, чем за деньги на образование негров. Нет более отвратительного неблагодарного человека, чем тот, кто поднимает руку или голос, чтобы обидеть того, кого он предал. Этот сенатор из Алабамы не представляет большинство жителей своего штата. Уберите ружье и закон толпы, и он будет вынужден уползти обратно в неизвестность, из которой его вытащили его сообщники по мошенничеству.

Цветной человек находится на Юге, чтобы остаться там. Он не покинет его добровольно, и его нельзя изгнать. Он не имел права голоса, когда его везли на Юг, но он будет очень громко заявлять о себе при любой попытке выгнать его оттуда. Чтобы вызвать смех и насмешки, достаточно предложить изгнание 5 000 000-6 000 000 человек в чужую страну. Белым людям Юга лучше принять решение, что чернокожие останутся на Юге до тех пор, пока кукуруза будет колоситься, а хлопок цвести до белизны. Разговоры о том, что чернокожих привозят в эту страну, чтобы они готовились к евангелизации Африки, - это религиозная чепуха, сведенная к подхалимской банальности. Господь, который бесконечно справедлив, не приложил руку к их насильственному приезду сюда; это была, скорее всего, работа дьявола. Африка будет евангелизирована *изнутри*, а не *извне*. Колонизаторское общество потратило огромные деньги и тонны человеческой крови в эгоистичной попытке основать англо-африканскую колонию на западном побережье Африки. Деньги были выброшены на ветер, а человеческие жизни принесены в жертву напрасно. Чернокожие жители этой страны - американцы, а не африканцы, и ни о какой их массовой экспатриации не может быть и речи.

Белые люди Юга не должны обманывать себя: черные останутся с ними. Нравится им это или нет, но это факт, который не изгладить.

Если это правда, то какова должна быть политика белых по отношению к черным? Этот вопрос не нуждается в ответе с моей стороны. Если бы не беспрецедентная тупость редакторов, проповедников и политиков этой части, я бы закрыл эту главу на этом.

Белые мужчины и женщины Юга должны спуститься с восхитительной горы иллюзорного превосходства, на которую они взобрались, и, признав, что "из одной крови Бог сотворил

всех детей человеческих", взяться за миссионерскую работу, которую Бог положил им под нос.

Вместо того чтобы гневаться на чернокожего человека, пусть они примут его в христианском духе и помогут ему исправить те моральные нарывы и ту умственную неполноценность, которую они так ужасно в него вселили; они должны сначала вытащить слона из своих собственных глаз, прежде чем копать в соринке в глазах своего ближнего. Они должны поощрять его в его усилиях по нравственному и религиозному совершенствованию, не стоя в стороне и не хлопая в ладоши, а приходя в его церкви и на его кафедру, показывая ему "свет и путь" не только наставлениями, но и примером. Не можете сделать этого, говорите вы? Тогда возьмите свою религию и бросьте ее собакам, потому что она - живая ложь; она исходит не от Бога, а от Вельзевула, князя тьмы. Религия, разделяющая христиан, - это чистое язычество; священник, который не проповедует Евангелие грешникам, будь то черные или белые, - это лицемер, который "крадет ливрею небес, чтобы служить дьяволу". Они должны выделять либеральные средства на школы, предназначенные для цветного населения, и посещать эти школы не только для того, чтобы отметить достигнутый прогресс и поощрить учителя и ученика, но и чтобы показать молодым умам, расцветающим в зрелости и полезности, что они являются друзьями и глубоко заинтересованы в достигнутом прогрессе. В обществе они должны стремиться прежде всего внушить цветным людям доверие справедливыми законами и дружескими предложениями, а также поощрять способных, честных и амбициозных людей, ставя их в почетное и доверительное положение. Они должны показать цветным людям, что принимают Конституцию с поправками и искренне заинтересованы в том, чтобы они процветали в этом мире и стали полезными и уважаемыми гражданами. Нельзя сделать из человека друга и партизана, застрелив его; нельзя сделать из него трезвого, трудолюбивого, честного человека, ограбив и возмущив его. Такая тактика не будет работать на благо народа. "Мягкий ответ отвращает гнев". Даже собака ласкается к руке, которая гладит ее по голове.

Юг должен тратить меньше денег на пенитенциарные учреждения и больше - на школы; он должен использовать меньше пороха и картечи и больше закона и справедливости; он должен уделять меньше внимания политике и больше - развитию своих великолепных ресурсов; он должен избавиться от увлечения "расовой линией" и уделять больше внимания простому человеку; он должен пробудиться к тому, что...

Достойные качества делают человека, а недостаток их - парнем,

и что в ее интересах поставить всех людей в равные условия перед законом; наказывать белого негодяя тем же, чем неумолимо наказывают черного негодяя, потому что негодяй есть негодяй, как ни крути; это социальный вредитель, которого следует поместить туда, где он не сможет никому навредить. Честно приняв новые условия и обязанности, возложенные на них Богом, и проявив взаимную терпимость, терпимость и помощь, Юг найдет ту панацею, которую он тщетно искал до сих пор.

ГЛАВА XI

Земля и труд

[Вернуться к оглавлению](#)

В отчаянном конфликте между трудом и капиталом, разгорающемся сейчас во всех уголках цивилизованного мира, - между собакой и ее хвостом, - больше прозы, чем поэзии, ибо, если свести вопрос к исчерпывающему изложению фактов, легко увидеть, что капитал - это порождение труда, а не труд - порождение капитала. Капитал ничего не может произвести. Предоставленный самому себе, он так же бесполезен, как бесчисленные миллионы золота, серебра, меди, свинца и железа, которые лежат в неисследованном лоне природы. В сыром, неразработанном виде эти легендарные богатства ничего не значат. Как сегодня, так и тысячу лет назад. Годы могут увеличить его объем, а значит, и ценность; но пока человек своим мускульным и мозговым трудом не создал его, оно не имеет никакой ценности. Чтобы иметь ценность, он должен стать предметом бартера, обращения, короче говоря, обмена. Поскольку его стоимость зависит от его полезности, то, когда он больше не может быть использован, он снова становится бесполезной массой скоропортящегося богатства. Это продукт труда, чистый и простой. Говоря об "Управлении банками" (сноска на с. 223), в своей работе *"Труд и капитал"* Эдвард Келлог говорит: "Все, кто разбогател на спекуляциях с банками, - это люди, которые не имеют права на деньги."

Все, кто разбогател на спекуляциях банковскими, государственными и другими акциями, наживают свое богатство за счет производящих классов; ибо изменение рыночной стоимости этих акций не приводит к увеличению производства. Ясно, что при повышении процентной ставки увеличивается прибыль ростовщиков, а на полученные деньги покупается большее количество имущества и труда. Увеличение прибыли кредитора должно быть оплачено заемщиками, продукцией их собственного или чужого труда.

Так говорит Адам Смит, рассуждая о "происхождении и использовании денег" (*"Богатство народов"*, с. 33):

Чтобы избежать неудобств, связанных с подобными ситуациями, каждый благоразумный человек в любой период существования общества, после первого установления разделения труда, естественно, должен был стремиться управлять своими делами таким образом, чтобы всегда иметь при себе, помимо особых продуктов собственной промышленности, определенное количество того или иного товара, от которого, как он полагал, мало кто откажется в обмен на продукты своей промышленности.

Труд - единственная первостепенная сила, которая разрабатывает ресурсы мира. Он производит все богатства; он платит, в конечном счете, все налоги - национальные, государственные и муниципальные; он производит богатства, которые поддерживают все учебные заведения, а также служат для расточительной роскоши бездельников и остряков, которые ничего не добавляют к богатству общества, а, наоборот, постоянно отнимают его, и которых доктор Говард Кросби не без основания назвал "опасными". Говард Кросби назвал "опасными классами"; он создает богатство, которое дает нескольким людям миллионы долларов в качестве их доли, либо в виде арендной платы, либо в виде ростовщических процентов на капитал, вложенный в производство богатства; и он создает огромный излишек, который лежит в казне федеральной и государственной казны нашей страны.

Производящая организация, без которой не могло бы быть богатства; без которой домовладелец не мог бы требовать ренты, а капитал не мог бы получать проценты, - только производящая организация получает неадекватную долю того богатства, которое она производит. Человек, занимающийся любым бизнесом, требующим труда и капитала, не только получает несправедливую долю за наем рабочих, но и берет больше, чем ему положено по справедливости, в качестве процентов на свой капитал и в качестве вознаграждения за свое время и труд, зачастую не требующий никаких усилий и затрат, делегируя другим людям, таким как бригадиры или надсмотрщики, абсолютный контроль над своими инвестициями. Однако человек, вкладывающий капитал, в большинстве случаев не только получает доход, достаточный для того, чтобы жить более чем комфортно, но и иметь здоровый счет в банке; в то время как рабочий, который один заставляет капитал приносить проценты, предоставляя ему работу по освоению ресурсов природы, получает лишь скудное пропитание, часто недостаточное для удовлетворения абсолютных потребностей его повседневной жизни. Его жена и дети вынуждены довольствоваться простой жизнью - скудной, холодной - часто без каких-либо удобств или самой обычной роскоши, которые делают существование чем-то большим, чем проклятие, которым оно является для большей части человечества. Это особенно верно в отношении состояния масс Старого Света и быстро становится правдой в нашей собственной молодой и энергичной стране.

Во всех уголках земного шара раздаются крики об угнетенном и обманутом труде. Огромная нагрузка на производителей, необходимая для поддержания в праздности и роскоши великих капиталистов мира, накопивших свои незаконно нажитые богатства путем обмана, лжесвидетельства и так называемого "завоевания", доводит производителя до самой низкой точки, на которой он может жить и продолжать производить. Миллионеры мира, так называемые "аристократии", и налоги, взимаемые суверенными государствами для погашения обязательств, которые чаще заключаются для порабощения, чем для улучшения условий жизни человечества, - это постоянная утечка, которая в конечном итоге в каждом случае происходит из трудящихся классов.

Что же такое миллионеры, как не опаснейшие враги общества, постоянно пожирающие его внутренности, подобно културам, охотившимся на прикованного Прометея? Возьмите нашу собственную породу этих паразитов; обратите внимание, как они урезают свое жалованье, которое вынуждены выдавать человеческим инструментам, которые они должны использовать, чтобы еще больше увеличить свои безбожные доходы! Обратите внимание, как они пользуются общественным благосостоянием; как они с жадностью Шейлока вымогают все до копейки у тех, кто вынужден пользоваться приспособлениями, которые богатство позволяет им создавать для удобства и комфорта общества; как они развращают законодательные органы и диктуют беспринципным приспешникам закона. Мудры были афиняне, которые ввели в закон принцип, согласно которому, когда гражданин становится слишком влиятельным или богатым, чтобы контролировать его в должных пределах, безопасность общества требует, чтобы он был сослан туда, где его власть или богатство не могли бы быть использованы во вред его согражданам. Если бы такое правило применялось и сегодня, общество в любой стране могло бы с выгодой для себя изгнать тех, кто ездит на людях, как Морской Старик ездил на незадачливом моряке Синдбаде. Но наша цивилизация построена на более высоком представлении о праве и неприкосновенности личности; теперь нет предела праву одного человека лишить другого плодов его труда или его естественных и дарованных ему прав. Не только отдельные люди могут грабить и обкрадывать своих собратьев абсолютно безнаказанно, но и наши законы вдохнули жизнь в ту бездушную штуку, которая стала печально известной под названием "корпорация". Вокруг

этой штуки, этого двигателя вымогательства и угнетения, наши законы возвели барьеры, которые не могут преодолеть ни обманутый рабочий, ни вдова, ни сирота, ни даже суверенная общественность. Именно здесь монополия впервые показывает свою баклановую голову.

Если миллионеры - враги общества, а я предполагаю, что они таковыми являются - не потому, что у них есть собственность, а потому, что, как правило, они приобрели ее несправедливым путем и тиранически ею пользуются, - то какое оправдание мы имеем для аристократии, праздного, привилегированного класса, который не трудится и не прядет? Что такое признанная аристократия, как та, что существует в Англии? Из какого неиссякаемого источника она черпает свое благородство и богатство? Не из норманнского ли завоевания и грабежа? Кто платит тяжелые налоги, взимаемые с народа, чтобы содержать привилегированные классы Англии? Королевские доходы и княжеские владения, разве они не поддерживаются за счет пота более бедных слоев населения, на которых в конце концов ложатся все тяготы общества? И почему должны существовать королевские доходы и княжеские резервы? Разве они что-то добавляют к богатству нации или счастью народа? Давайте посмотрим.

Брасси (сэр Томас) в своей книге *"Работа и заработная плата"*, стр. 71, пишет:

Ирландские комиссары по делам бедных заявили, что средняя производительность земли в Ирландии не намного превышает половину средней производительности в Англии, в то время как число рабочих, занятых в сельском хозяйстве, пропорционально количеству обрабатываемой земли более чем вдвое больше, а именно: как пять к двум. Таким образом, десять рабочих в Ирландии собирали столько же продукции, сколько четыре рабочих в Англии, и эта продукция, как правило, была более низкого качества.

Почему же десять человек в Ирландии производят не больше, чем четыре человека в Англии?

Генри Джордж пишет (*"Социальные проблемы"*, с. 150):

Год назад я путешествовал по той части Ирландии, откуда прибывают эти эмигранты, получающие помощь от правительства. Что удивляет американца вначале, даже в Коннауте, так это кажущаяся малонаселенность, и он задается вопросом, может ли это действительно та перенаселенная Ирландия, о которой он так много слышал. *Здесь много хорошей земли*, но на ней только жирный скот и овцы, такие чистые и белые, что поначалу думаешь, что их надо мыть и причесывать каждое утро. Когда-то эта земля обрабатывалась и была густонаселенной, но теперь вы найдете лишь следы разрушенных деревушек, да то тут, то там жалкие хижины скотоводов, живущих так, что ни одна Терра-дель-Фуэган не позавидует. Ведь "хозяева" этих земель, живущие в Лондоне и Париже, многие из которых никогда не видели своих владений, считают, что скот выгоднее людей, и поэтому людей согнали. *Только когда вы добираетесь до болот и скал* в горах и на морском берегу, вы обнаруживаете густое население. Здесь они теснятся на земле, на которой природа никогда не предназначала людей для жизни. Она слишком бедна для пастбищ, поэтому людям, изгнанным с лучших земель, разрешают жить на ней - при условии, что они платят арендную плату. Если бы это не было слишком жалко, то участки, которые они называют полями, заставили бы вас рассмеяться. Изначально

поверхность земли, должно быть, была столь же пригодна для обработки, как и поверхность Бродвея. Но ценой огромного труда мелкие камни были содраны и свалены в кучу, хотя большие валуны остались, так что невозможно использовать плуг; а поверхность болота была отрезана и удобрена водорослями, привезенными с берега на спинах мужчин и женщин, пока ее не удалось заставить расти.

Сэр Томас Брасси пишет с позиции капиталиста, а мистер Джордж - с позиции философа, который не только видит грубые социальные ошибки, но и смело применяет средства их устранения. Но давайте посмотрим, не ведет ли тот же гнойник, который раздражает тело ирландского общества, паразитическое существование и в нашей стране, где общество еще только зарождается, где люди, как предполагается, пользуются всеми преимуществами конкурентной системы и где все в значительной степени свободны брать и использовать возможности, предоставляемые пионерам, или тому, кто первым завладеет тремя природными элементами, абсолютно необходимыми для существования человека, а именно: воздухом, водой и землей.

Вм. Гудвин Муди пишет (*"Земля и труд в Соединенных Штатах"*, с. 77):

Вместо того чтобы, как наши отцы, хвастаться тем, что каждый человек, обрабатывающий землю, был хозяином занимаемого им поместья и не имел хозяина, последняя перепись населения показала, что в 1880 году в нашей стране насчитывалось 1 024 701 ферма арендаторов.

Сравнение этих данных с данными о землевладении в Великобритании и Ирландии поможет лучше понять, о чем идет речь. По последним статистическим данным, общее число ферм в Англии и Уэльсе составляет 414 804; в Ирландии - 574 222; в Шотландии - 80 101; итого - 1 069 127. Из этого следует, что во всей Великобритании и Ирландии, если считать все хозяйства арендаторами, а они таковыми не являются, на 200 000 ферм меньше, чем в Соединенных Штатах.

Опять же:

Среди владельцев ферм-арендаторов в нашей стране - английские, французские и немецкие капиталисты-нерезиденты, которые купили огромные участки железнодорожных земель, захватили альтернативные правительственные участки, лежащие в пределах их железнодорожных покупок, и на этих участках начали свои бонанзовые операции или посадили своих арендаторов по американской системе.

Если вспомнить, что вся сеть железных дорог в Соединенных Штатах практически находится под абсолютным контролем пяти-шести человек, которые, получив от народа свои ценные франшизы и более чем щедрые земельные гранты, проявляют крайнее пренебрежение к комфорту, удобству или правам дарителей; если вспомнить, что одна семья в городе Нью-Йорке контролирует достаточно земли с достаточным количеством арендаторов, чтобы образовать заросшую деревню; и что то, на что они не претендуют как на свое собственное, принадлежит четвертой части остального населения; Если вспомнить, что почти каждый предмет, ставший предметом домашней необходимости, был конфискован и может быть получен только через какую-нибудь корпорацию, на производство которого правительство фактически предоставило монополию, как Карл предоставил герцогу Букингемскому монополию на продажу золотых кружев; если вспомнить, что даже в этой новой стране три четверти населения арендуют свои дома и не могут их купить^[14]; Если помнить об этих вещах, как и должно быть, то можно легко увидеть, что положение наших рабочих быстро становится не лучше, чем у жителей Европы, где тысяча лет ложных социальных

приспособлений, узурпации и тирании привели класс пролетариата на грань голода и отчаяния.

Правда, рабочие-иммигранты из Европы на севере и цветные на юге стремятся в города, где их труд меньше всего нужен и условия жизни для них должны быть самыми тяжелыми; правда, в Америке, если у человека *есть в себе силы*, ему открыт путь на самую верхнюю ступень социальной лестницы; Правда и то, что рабочие мануфактур и сельскохозяйственные рабочие здесь живут на гораздо более высоком уровне, чем в Европе; но элементы деградации, равно как и возвышения, присутствуют в нашей стране, и "спуск" в адские области очень легок. Давайте же вовремя предостережемся.

ГЛАВА XII

Цивилизация деградирует массы

[Вернуться к оглавлению](#)

Во всех частях света есть люди, чьи имена стали синонимами образованности и гениальности, которые с крыш домов провозглашают, что цивилизация находится в постоянном состоянии эволюции к более высокому, чистому, благородному, счастливому состоянию людей, огромной массы человечества, которые, собственно, и составляют общество, и которых в насмешку называют "*грязью общества*". Так оно и есть, общество опирается на них; общество должно строить на них; без них общество не может существовать, потому что они в самом широком смысле являются самим обществом, - не только "остовом", но и *надстройкой*. Они составляют не только великий производящий класс, но и великий потребляющий класс. Они - кость и сухожилие общества.

Поэтому крайне важно знать состояние народа; важно не только точно знать, каково это состояние, но и иметь первостепенное значение для благополучия общества, чтобы в этом состоянии не было ничего, что могло бы вызвать опасения акул, живущих на тушах народа, или людей, которые позволяют акулам так жить. Нет ничего более верного, чем то, что люди, которые подчиняются грабежу, используя сложные и многообразные процессы, придуманные корыстью отдельных людей и правительств, когда они полностью осознают причиненное им зло, обрушатся на своих угнетателей в ярости отчаяния, рожденной безысходностью.

Современные тирании гораздо более коварны, чем военные деспотии прошлого. Эти современные двигатели, сокрушающие общество, уничтожают энергию и жизненную силу людей медленным процессом голодания, санкционированным законом, и в большинстве случаев терпеливо переносятся жертвами. Только когда человеческая природа не может больше терпеть, сначала раздаются протесты, затем вооруженное сопротивление, а потом анархия. Так было с французами в восемнадцатом веке. Так происходит с русским, немецким, английским, ирландским и современными народами. Каблук тирана утыкан слишком большим количеством стальных гвоздей, чтобы его можно было вынести без мучительной боли и без искреннего протеста.

Если в отчаянном противостоянии со змеей, обвившей тело народа, последние прибегают к динамиту и пытаются с помощью дикой войны исправить свои ошибки, их следует осудить и контролировать, ибо они смешивают невинных с виновными и скорее разрушают, чем исправляют. Однако есть и другая сторона, которую следует рассмотреть, ибо когда несправедливость рядится в одежды добродетели и закона и призывает на помощь армии и все разрушительные механизмы современной войны, чтобы обеспечить свое право поработать и морить голодом человечество, какая ответная война может быть слишком дикой, слишком разрушительной в своих действиях, чтобы заставить обратить внимание на несправедливость? Трудность заключается в том, что месть должна быть дифференцированной, но это утонченность, которую слепая ярость вряд ли сможет преодолеть.

Я верю в закон и порядок; но я верю, как в предварительное условие, что закон и порядок должны быть основаны на праве и справедливости, чистой и простой. По своей сути закон - это письменное выражение справедливости; если же вместо нее появляется письменная *несправедливость*, люди, строго говоря, не обязаны ему повиноваться. В сводах законов любой страны мира нет ни одного закона, несправедливо воздействующего на народ, которому было бы позволено продержаться хотя бы час. Именно благодаря действию закона человечество превращается в порошок; именно благодаря проституции прав масс людьми, которые выдают себя за их представителей и не являются таковыми, страдания, голод и смерть занимают самое большое место в новостных каналах всех стран.

В Нью-Йорке - там, где интеллект, предприимчивость, богатство и христианизированное человечество Нового Света должны получить свое наивысшее воплощение, - мужчины, женщины и дети умирают тысячами, умирая от голода и замерзая вдали от мира! Тысячи людей ежегодно умирают в Нью-Йорке от последствий облучения и недостаточного питания. Мир, в который они пришли без приглашения и плодами которого, по словам справедливого Бога, они должны наслаждаться в награду за пот своих бровей, отказал им даже в скудном пропитании; и это в то время, когда миллионы продуктов гниют в хранилищах без покупателей! Торговые гарпии предпочитают, чтобы их богатство превратилось в грязь и сорняк, из которых оно появилось, а не чтобы бедные и нуждающиеся питались им и жили.

Я ходил по многоквартирным домам Нью-Йорка и видел достаточно нужды, преступлений и погубленных добродетелей, чтобы осудить цивилизацию, которая их породила и взрастила в своем лоне.

Я посмотрел на огромную армию полицейских, которую содержит Нью-Йорк для защиты жизни и так называемых "законных прав", и пришел к выводу, что в социальной системе, которая может сохраняться в целости только за счет расходования такого количества производительной силы, что-то не так. Ведь эта огромная армия, которая стоит на углах улиц и скрывается в переулках, "выслеживая" подозрительных лиц, "присматривая" за незнакомцами, которые выглядят "умными", эта огромная армия ничего не вносит в производство богатства. По сути, она является паразитом. И все же без этой армии бездельников жизнь была бы в постоянной опасности, а имущество становилось бы жертвой не только порочных и отчаянных, но и голодных мужчин и женщин, у которых нет ни жилья, чтобы укрыться от небесных бурь, ни пищи, чтобы поддержать природные желания найти вечный приют на Поле Горшечника. И даже после всех мер предосторожности, какие только может придумать эгоизм, суды и полиция бессильны остановить руку изгоев, которых общество объявило вне закона, - мужчин и женщин, обреченных умирать от голода и быть похороненными за счет общества. Улицы всех городов Союза полны людей, доведенных до

отчаяния социальными преобразованиями, которые пророки превозносят до небес, а философы считают "идеальными" в той мере, в какой они возможны.

Половина производительной силы Соединенных Штатов сегодня находится в абсолютной зависимости от холодной благотворительности мира; четверть не зарабатывает достаточно, чтобы прожить дольше дня, а четвертая часть умудряется жить комфортно только за счет самой экономной экономики.

Становится спорным вопрос, не вытеснили ли трудосберегающие машины мускульную силу в производстве всех товаров в такой удивительной степени, что заставляют вдумчивых людей трепетать за будущее тех, кто может надеяться жить только на продукты своего труда. Машина в значительной степени заменила человека в производстве предметов потребления, одежды и украшений; но пока еще не изобретена машина, которая могла бы заменить человеческие потребности. Мировые рынки фактически перенасыщены товарами, произведенными машинным трудом, но нет покупателей, имеющих средства для покупки, для потребления дополнительного производства, вызванного машинами и последующим удешевлением процессов производства предметов потребления, украшений и т. д. Когда у людей есть работа, у них есть деньги; а когда у людей есть деньги, они их тратят. Поэтому, когда у тружеников страны есть постоянная работа, торговля оживляется; когда застой в бизнесе заставляет их бездельничать, в стране царят порок и преступность.

Что толку в неустанном труде машины и горах материала, которые она выставляет на рынок, если нет покупателей? Сегодня один человек за станком выполняет на фабрике столько же работы, сколько пятьдесят лет назад требовалось для пятидесяти человек; но на возросший объем продукции теперь может найтись только один покупатель там, где когда-то было пятьдесят, отсюда и неустойчивое существование одного и отчаянная борьба за существование сорока девяти.^[15] Как железо и сталь не могут конкурировать с мускулами и мозгом в объеме производства, так железо и сталь не могут конкурировать с мускулами и мозгом в потреблении. А без потребления к чему приводит производство? Что нам толку от того, что наши магазины и амбары переполнены, если люди не в состоянии покупать? Все сводится к жестокой насмешке, когда магазины и амбары переполнены, а люди тщетно ищут одежду и еду и падают замертво в пределах досягаемости этих главных элементов тепла и пропитания.

Что нам с того, что торговый баланс изменится в нашу пользу на один, или два, или триста миллионов долларов, если этот результат будет достигнут за счет деградации и смерти нашего собственного народа? Больше; не только за счет благополучия нашего собственного народа, но и народа тех стран, на рынках которых мы имеем возможность уступать им в цене, благодаря более систематическому обнищанию наших собственных производственных классов.

Конкуренция, как утверждается, - это жизнь торговли; если это так, то еще вернее, что она - смерть труда, более бедных классов. Ведь Великобритания утвердилась на мировых рынках за счет своих трудящихся классов. В то время как капиталисты этой страны держат свои головы среди самых гордых людей мира, ее трудящиеся классы абсолютно стерты в порошок. Благодаря бесчеловечной конкуренции, к которой прибегли ее производители, и внедрению усовершенствованных трудосберегающих машин, ее торговый баланс исчисляется миллионами фунтов стерлингов, а политэкономы кладут руку на сердце и заявляют, что Великобритания - самая счастливая и процветающая страна на земном шаре. Но это заявление в высшей степени иллюзорно. Ни одна страна не может быть счастливой и процветающей, чьи "грязнули" живут в убожестве, нужде, страданиях, пороке и смерти. Если

Великобритания счастлива и процветает, то как объяснить постоянные забастовки рабочих организаций с требованием повышения зарплаты или в знак протеста против дальнейшего снижения зарплаты, ниже которой человек не может жить и производить? Стремление к торговому балансу - это проклятие народов мира. Его можно получить, только переигрывая других людей на их собственных рынках; а это можно сделать только путем максимального производства при минимальных затратах - заставляя человека или машину затрачивать как можно больше труда при минимально возможных затратах.

В этой теории заложена смерть: смерть для нашего собственного народа и смерть для народа, с которым мы конкурируем. Когда народ перестает производить те товары, которые абсолютно необходимы для поддержания жизни, дни такого народа можно легко подсчитать.

Люди ежедневно говорят о "перепроизводстве", "перенасыщенных рынках" и т. п.; но это не соответствует действительности. Не может быть перепроизводства чего бы то ни было, пока есть голодные рты, которые нужно кормить. Неважно, слишком ли бедны обладатели этих голодных ртов, чтобы купить хлеб; если они голодны, перепроизводства не будет. С торговым балансом в 150 000 000 долларов; с плеторическими зернохранилищами и элеваторами по всей стране; с миллионами свиней, овец и крупного рогатого скота на тысяче холмов; с миллионами излишков доходов в хранилищах национальной казны, отвлеченных от регулярных каналов торговли невежественным набором законодателей, у которых не хватает смелости уменьшить ненужные и обременительные налоги, не нарушая при этом промышленности страны - при всей грандиозной демонстрации счастья и процветания, трудящиеся классы страны умирают от голода или влачат еще более ужасное существование.

Фабрики страны работают вполсилы, а мужчины, женщины и дети, которые на них работают, становятся щуплыми, худыми и изможденными от недостатка питания, старыми и дряхлыми, пока еще находятся в зародыше молодости; жилые дома переполнены до удушья, порождая мор и смерть; а заработная плата, выплачиваемая рабочим, едва удовлетворяет запросы домовладельца - чудовища посреди цивилизации, само существование которого является вопиющим протестом против наших притязаний на цивилизацию.

Тем не менее, "конкуренция" - это крик времени. Миллионеры соревнуются друг с другом в управлении огромными железными дорогами и водными путями, сводя труд на грань прожиточного минимума и взимая монетные суммы в качестве платы за перевозку с тружеников земли и потребителей, живущих своим трудом на других промышленных предприятиях; производители присоединяются к конкуренции, продавая товары с минимальной возможной прибылью для себя и минимальной возможной прибылью для тех, кто на них работает; и, когда не удастся найти рынок сбыта внутри страны, смело выходят на внешние рынки и успешно конкурируют с производителями, использующими труд, который наши писатели с удовольствием называют "нищенским". Каждая отрасль промышленности *конкурирует*, и конкуренция разрушает каждую отрасль. Постоянное стремление получить максимум продукции при минимуме затрат вредит как работодателю, так и работнику; сокращение денежного обращения, вызванное конкуренцией, снижает в каждой отрасли промышленности заработную плату тех, кто является большим потребителем, а также производителем; оно порождает те "тяжелые времена", которые так тяжело переживают бедняки во всех сферах жизни. Даже трудящийся человек вступил в гонку и теперь конкурирует на рынке труда со своими товарищами за возможность заработать на корку хлеба, чтобы прокормить жену и ребенка. Когда дело доходит до такой стадии, когда человек, работающий за полтора доллара в день, перебивается тем, кто готов работать за

доллар с четвертью, тогда положение класса производителей и потребителей огромного богатства становится поистине отчаянным. И так оно и есть.

Фредерик Дуглас, великий негр-обыватель, выступая в Вашингтоне 16 апреля 1883 года на "Двадцать первой годовщине эмансипации в округе Колумбия", сказал:

Вокруг нас происходят события, которые заставляют уважать угнетенные классы. В той или иной форме, теми или иными средствами идеи общего человечества против привилегированных классов, общих прав против особых привилегий сейчас сотрясают мир. Раздаются взрывы, сравнимые с землетрясением. Они заставляют дрожать деспотов, трепетать классовое правление, трястись троны и бледнеть от угнетающего богатства. Америке предстоит вовремя проявить мудрость.

И чернокожий философ, который мужественно и красноречиво противостоял самосуду Севера и организованному разбою и грабежу Юга в мрачные дни прошлого, дни, когда испытывались души людей, стоя в солнечном свете помолодевшей мужественности, все еще был оракулом угнетенных в процитированных выше чувствах.

По всей стране слышен голос масс. Организации, отстаивающие их интересы, множатся, как песок на морском берегу. Яростный, хриплый ропот голодающих и умирающих от голода безошибочно предупреждает о том, что Америка вступила в тот жестокий конфликт денежной и мускульной силы, который сотрясает до основания охмелевшие содружества старого мира. В *газете Джона Свинтона* от недавнего времени я нашел следующее редакционное осуждение нынешнего положения "Труда и Капитала": "

Крики народа против гнета капитала и монополии слышны по всей стране, но капиталисты и монополисты не обращают на них внимания и идут по своему пути еще более неумолимо, чем раньше. Конгресс прекрасно осведомлен о положении дел, но вы не можете провести через него ни одного законопроекта, направленного на облегчение положения народа. Угольные лорды Пенсильвании знают, в каком бедственном положении находятся десятки тысяч чернорабочих их шахт; но они не щадят их и снова урезают им дневное жалованье, когда те пищат. Джей Гулд знает о том, какое повсеместное разорение он произвел, сколотив свои сто миллионов; но он мчится вперед быстрее, чем когда-либо, в своей рутине грабежа. Фабриканты Фолл-Ривер видят, как тысячи бедных прядильщиц борются за хлеб насущный в вихре машин, но они приказывают снижать зарплату за зарплатой, хотя вены корпораций набухли до отказа. Чикагская "большая четверка", скупающая зерно и провизию, и капиталисты, занимающиеся тем же самым здесь и в других местах, прекрасно знают, как страдают фермеры и как разоряются столы бедняков в результате их деятельности; но они продолжают свою работу более широко и безрассудно, чем когда-либо. Железнодорожные и телеграфные корпорации знают, что, выставя "все, что может вынести транспорт", они забирают у страны больше, чем народ может вынести; и все же их единственный ответ - это лошадиный лик.....

Наши законодатели знают, что народ страдает, принимая законы в интересах привилегий и грабежа; но они добавляют закон к закону в тех же интересах. Они знают, насколько выгодными для производителей были бы те немногие меры, о которых просят от их имени; но они упорно отказываются их принимать. Великие работодатели труда, бакланы конкуренции, знают, за счет какой чудовищной несправедливости они обогащаются; но заговорите с ними о честной игре, и они вышвырнут вас из своего присутствия. Богатые корпорации, владеющие линиями уличных автобусов в Нью-Йорке, видят, что их водители и кондукторы работают по

шестнадцать-восемнадцать часов каждый день недели, включая воскресенье; но когда в законодательное собрание штата вносится законопроект об ограничении ежедневных рабочих часов до двенадцати, они приказывают своим наемным агентам из лобби провалить его. Эти азартные игроки с Уолл-стрит знают, что их прибыль достигается в основном за счет мошенничества; и все же они вечно, быстро и яростно, играют с заряженными костями.

Домовладельцы этих доходных домов знают по статистике смертности, насколько широка полоса, которую смерть прорезает среди их жертв; но они добавляют доллар к доллару, когда гроб за гробом выносят на улицу. * * *

Владельцы промышленных машин знают, как страдают от них люди, которые поддерживают их в рабочем состоянии; но им все равно, лишь бы они наполняли их казну. Эти владельцы дворцов смотрят на тех, кто их строит, но все время думают, как поднять арендную плату за свои лачуги. Эти великие ростовщики, владеющие закладными на бесчисленные фермы, знают о бедственном положении заложенных крестьян, но не перестают выдумывать более высокие проценты и более жесткие условия. Позолоченные жрецы мамоны и лицемерия не могут оторваться от криков человечества; но когда вы когда-нибудь слышали, чтобы они осуждали виновных и ответственных преступников на своих скамьях с бархатными подушками? Все жестче и жестче становятся требования капитала. Все тяжелее и тяжелее становится участь миллионов. Все громче и громче крики страдальцев. Все глуше и глуше становятся уши миллионеров. *И все же, если бы те, кто плачет, использовали свою силу в действии, мирном действии, они могли бы исправить свои ошибки или, по крайней мере, самые тяжкие из них, прежде чем мир завершит солнечный круг этого года.*

Вм. Гудвин Муди (*"Земля и труд в Соединенных Штатах"*, с. 338), возвращаясь к трудностям, стоящим на пути рабочих организаций, которые до сих пор не приносили ничего, кроме бедствий для трудящихся классов, говорит:

Не пора ли взять на вооружение новое оружие и внедрить новые методы? * Разве рабочие страны не научатся чему-нибудь на горьком опыте, через который они прошли, и не откажутся от методов, которые так неизменно приводили к окончательному провалу всех их усилий. Но великое зло, которым мы окружены и которое разрушает основы общества, может быть устранено только рабочими людьми. Они составляют подавляющее большинство его членов, и в нашей стране они всесильны. И все же только абсолютно объединенными действиями рабочие могут добиться чего-либо хорошего. Разъединившись, они могут добиться любого зла. Враг, с которым им приходится бороться, хоть и немногочисленный, но сильный по положению и обладающий огромным капиталом. Тем не менее, перед объединенными рабочими страны, стремящимися к действительно национальным целям и благородным целям, методами, которые справедливы и находятся в гармонии с институтами, под которыми мы живем, тирании капитала будет положен конец. Рабочие также привлекают к своей поддержке значительную часть лучших мыслей и интеллекта страны, которые будут уверены, что идут в ногу с трудом общества в его атаке на врагов человечества и прогресса.

Нет более верного факта, чем то, что накопленные богатства страны и источники власти быстро концентрируются в руках нескольких людей, которые используют эти богатства и власть для унижения и обольщения наемных рабочих. Уже сейчас практически невозможно добиться принятия в законодательных органах штата или федерального правительства

каких-либо законов, направленных на улучшение положения трудящихся. Капитал тиранической хваткой вцепился в горло богини Свободы. Власть железнодорожных и телеграфных корпораций и связанного с ними капитала, вложенного в монополии, которые угнетают многих, одновременно служа богатству, комфорту и роскоши немногих, стала всемогущей в законодательных собраниях, судах и даже в исполнительных палатах великих государств, так что бедные, угнетенные и обманутые тщетно взывают к справедливости.

Таково плачевное состояние трудящихся классов на западе, севере и востоке. Они привязаны к машине капитала, и день за днем их превращают в порошок. Тщетно они организуются, тщетно протестуют, тщетно взывают. Цивилизация делает свое дело. "Кто имеет, тому дано будет больше; кто ничего не имеет, у того отнимется и это".

Давайте обратимся к Югу и посмотрим, имеет ли черная кожа какое-либо отношение к тирании капитала; давайте посмотрим, не является ли дело трудящегося человека одинаковым во всех частях, во всех штатах, во всех правительствах, в Союзе, как и во всем мире. Если это удастся доказать; если я смогу неопровержимо доказать, что *положение черного и белого рабочего одинаково и что, следовательно, их дело общее*; что они должны объединиться под одним знаменем и работать на одной платформе принципов для возвышения труда, более равного распределения продуктов труда и капитала, я не зря написал эту книгу, и терпеливый читатель не будет читать после меня без пользы для себя и для общего дела общего человечества.

ССЫЛКИ:

[14] W.G. Moody: *Земля и труд в Соединенных Штатах*.

[15] В своей работе "*Земля и труд в Соединенных Штатах*" Вм. Гудвин Муди убедительно доказывает это.

ГЛАВА XIII

Условия труда на Юге

[Вернуться к оглавлению](#)

Меня не волнуют страшные политические беспорядки, постигшие южные штаты после окончания Войны за восстание; не волнуют меня и расовые войны в этой части света, о которых так много справедливо сказано и о которых так мало известно, несмотря на огромную массу свидетельств, которые не только начали рассказывать об этом. Я знаю, что время и образование внесут должные коррективы в политику Юга, и что лучшие люди всех классов, интеллигенты и владельцы собственности в конце концов возьмут в свои руки бразды политической или гражданской власти и, насколько это возможно, уравновесят несбалансированные условия.

Люди с природными данными, высокой культурой и амбициозным духом обычно во всех обществах поднимаются на вершину, становясь естественными правителями народа. Их невозможно удержать, их невозможно подавить. Они поднимаются на вершину так же естественно, как искры взлетают в небо. Демагогам и шарлатанам удастся лишь навязать

власть невежественным и доверчивым, людям, сознающим свою неспособность управлять, которые с радостью перекадывают ответственность на первого попавшегося крикливого парня, заявляющего о своих способностях и добродетели. Разумные люди не позволяют невеждам и авантюристам управлять ими; они предпочитают править сами; и они соглашаются на то, чтобы ими управляли только до тех пор, пока это необходимо, чтобы досконально разобраться в положении дел. Поэтому не стоит удивляться тому, что белые люди Юга несут смерть и ужас на своем пути к трону власти, подрывая правительства в рамках политики Реконструкции, основанной на неорганизованном невежестве чернокожих и организованном грабеже белых авантюристов, которые стали печально известны под выразительным термином "ковровые мешочники";", хотя настоящие северные иммигранты, "дураки", которые добросовестно приехали, чтобы бросить свой жребий с южанами, полагая, что им будут рады, не должны разделять злословие этого эпитета. Но если бы белые люди Юга продолжали бесконечно долго оставаться его правителями, полностью исключая участие чернокожих граждан этих штатов, то мое удивление перешло бы в глубокое изумление и ужас перед тем, к чему приведет такая тирания в качестве логического результата. Однако я слишком хорошо знаю нравы жителей Юга, чтобы строить какие-либо умозаключения на основании предложения, столь полного ужаса и отчаяния. Кроме того, такое предложение противоречило бы всем принятым прецедентам, когда два народа живут в одном обществе, руководствуются одними и теми же законами и находятся в одинаковых социальных и материальных условиях. Я утверждаю, что у меня нет никаких опасений по поводу будущего политического статуса белых и черных Юга. Умные, амбициозные и богатые люди обеих рас в конечном итоге будут править своими менее удачливыми согражданами, не обращая внимания на расовую принадлежность или прежнее состояние. И правнук сенатора Уэйда Хэмптона еще может проголосовать за правнука конгрессмена Роберта Смоллса на пост губернатора рыцарского содружества Южной Каролины. Сенатор Уэйд Хэмптон может скрипеть зубами при виде этой стороны дела, но она относится к области вероятности. Внук Джона К. Кэлхуна, великого оратора и государственного деятеля Южной Каролины, еще не голосовал за цветного губернатора, но он голосовал за цветного шерифа и судью по завещаниям, о чем свидетельствуют следующие показания, данные им в комитете Блэра по вопросам образования и труда (том II, с. 173) в городе Нью-Йорке 13 сентября 1883 года:

"В. (председатель) Что вы думаете о его [чернокожего человека] интеллектуальных и моральных качествах и его способности к развитию? О. (мистер Кэлхун, Джон К.) ... Судья по завещаниям моего округа - негр, один из моих арендаторов, и я сейчас нахожусь здесь, в Нью-Йорке, занимаясь важными делами моего округа, как назначенец этого человека. На нем лежит ответственность за все поместья в графстве; он - судья по завещаниям.

"В. Он способный человек? О. Очень способный человек, и отличный, хороший человек, и очень справедливый".

И снова (*Ibid* p. 137) мистер Кэлхун дает показания:

Шериф моего округа родом из Огайо, *он негр*, и это человек, которого *мы все поддерживаем на его посту*, потому что он способен управлять своей должностью".

Если внук Джона К. Кэлхуна может делать такие признания, достойные доверия как его головы, так и его сердца, то разве не может правнук Уэйда Хэмптона восстать, чтобы прогнать бурбонизм своего прадеда в могилу недовольства? У меня нет ни малейшего сомнения в такой вероятности. Повторюсь, я не испытываю серьезных опасений по поводу

будущего политического статуса чернокожего жителя Юга. У него есть талант, у него есть амбиции, он обладает редким фондом красноречия, остроумия и юмора, и они принесут его в исполнительные палаты штатов, в законодательные залы и на судебную скамью. Его нельзя отстранить, его нельзя подавить: он сам проьет себе дорогу. Бог заложил в его натуру те элементы, которые составляют основной капитал американского политика - готовое красноречие, богатый юмор, быстрое восприятие, - и вы можете быть уверены, что он будет использовать все это с максимальной пользой.

Сегодня я знаю муниципалитеты на Юге, где способные цветные регулярно избираются на ответственные посты лучшими белыми людьми своих городов. А почему бы и нет? Разве цветные не голосуют за белых мужчин? И, скажите на милость, разве белый человек менее великодушен, чем черный? Погибните от этой мысли! Нет; политика Юга с готовностью приспособится к интересам народа, будьте в этом уверены. И будущие правители Юга не будут все белыми, как и не будут все черными: они будут представлять собой счастливую смесь двух народов.

Так и с так называемой "войной рас": она пройдет и не оставит после себя ни малейшего следа. Она основана на условиях и цветовых предрассудках - двух вещах, которые не могут существовать вечно. Когда низменное состояние чернокожего человека исчезнет; когда он станет способным президентом банков, железных дорог и пароходов; когда он станет крупным землевладельцем, управляющим фермами-бонанза, которые обогащают его и разоряют черный и белый труд; когда он будет не только заключенным в суде, но и судьей на скамье подсудимых; когда он будет заседать в законодательных органах как защитник народа или (больше прибыли, если меньше чести) как защитник огромных корпораций и монополий; Когда он успешно метаморфирует состояние, которое прикрепляется к нему как знак рабства и деградации, и сделает себе репутацию финансиста, государственного деятеля, адвоката, землевладельца и денежной акулы в целом, его цвет будет поглощен его репутацией, его банковским счетом и его важными денежными интересами.

Разве это причудливая картина? Неужели в этой картине того, что будет, должно быть и должно стать логическим следствием Божественного утверждения о том, что из одной крови он создал всех людей, чтобы они жили на земле, и Декларации независимости о том, что "мы считаем эти истины самоочевидными: все люди созданы равными; что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них есть жизнь, свобода и стремление к счастью", нет никакой существенной правды?

Давайте посмотрим.

Несколько месяцев назад я сидел в банковском офисе мистера Уильяма Э. Мэтьюса и бывшего конгрессмена Джозефа Х. Рейни (из Южной Каролины) в Вашингтоне. Пока я сидел там, поток покровителей приходил и уходил. Белые составляли подавляющее большинство. Все они хотели договориться о займе или погасить только что погашенный вексель. Среди мужчин были подрядчики, торговцы, служащие отделов и т. д. Все они с величайшим почтением относились к цветным джентльменам, у которых были деньги, чтобы дать их в долг под хороший залог и под хороший процент.

Несколько месяцев назад я обедал с бывшим сенатором Б. К. Брюсом (из Миссисипи), ныне реестродержателем Казначейства Соединенных Штатов. У бывшего сенатора красивый дом

и восхитительная семья. Пробежав глазами по его подносу с карточками, я увидел имена некоторых выдающихся мужчин и женщин страны, которые обращались к Регистру и миссис Брюс. Проходя вместе с сенатором через отдел Регистра, я не удивился знакам уважения, которые выказывали мистеру Брюсу белые леди и джентльмены в его отделе. Почему? Потому что мистер Брюс - джентльмен по инстинкту, дипломат по натуре и ученый, который "сжег полночное масло". Такому человеку не нужно просить мужчин и женщин уважать его; они делают это инстинктивно.

Я прошел по улице Ф и позвонил в офис профессора Ричарда Т. Гринера, зрелого ученого и джентльмена. Профессор не только ведет оплачиваемую юридическую практику, но и является президентом новой страховой компании. У него есть все, что только можно, а его покровители - как черные, так и белые.

Все это и многое другое я наблюдал в течение часа досуга в столице нации. А чернокожий человек еще не осознал в полной мере ни своих обязанностей, ни своих возможностей.

В Балтиморе, Филадельфии, Нью-Йорке и Бостоне есть цветные люди с большим состоянием, которые ведут обширные деловые операции и пользуются доверием и уважением своих сограждан, не взирая на кастовую принадлежность.

Говоря о прогрессе цветной расы, во время выступления по "Закону о гражданских правах" в Вашингтоне 20 октября 1883 года, почтенный Джон Мерсер Лэнгстон, министр и генеральный консул Соединенных Штатов в Хайти, один из самых выдающихся, ученых и дипломатических людей, которых породила цветная раса в Америке, нарисовал ручкой следующую картину:

Хотите ли вы стать свидетелем нравственных чудес? Начните с Чикаго, поезжайте в Сент-Луис, в Луисвилл, в Нэшвилл, в Чаттанугу, в Новый Орлеан, и в каждом штате и городе вы встретите огромные аудитории, огромные толпы мужчин и женщин со своими детьми, мальчиками и девочками, которые, деградировав и пребывая в невежестве из-за своего прежнего рабства, сегодня далеко продвинулись в общем социальном совершенствовании.

Было бы замечательно, если бы вы пришли в дом одной из наших семей и обнаружили, что даже наши дочери неспособны с легкостью и пониманием обсуждать с вами любую тему, представляющую общий интерес. Простите, если я упомяну о том, что около двух недель назад я посетил Сент-Луис по двум причинам: во-первых, чтобы повидаться с сыном и дочерью, а во-вторых, главным образом, чтобы присутствовать на семьдесят второй годовщине со дня рождения, возможно, самого богатого цветного человека в штате Миссури. Я отправился к нему домой и был удивлен, когда вошел в его двери и оглядел гостиную и салоны, обставленные в самом современном стиле, в самой богатой манере; но еще больше я удивился, когда увидел сто гостей, пришедших в дом этого почтенного человека, чтобы отпраздновать семьдесят вторую годовщину его рождения, и все они были прекрасно одеты; а когда он косвенно рассказал мне, сколько денег он заработал после войны и сколько он стоил в ночь этого торжества, я удивился еще больше, чем прежде. Я удивляюсь тому, какого невероятного прогресса добились цветные жители этой страны после освобождения. Я путешествовал по Вест-Индии; я видел эмансипированных английских, испанских и французских негров; но я нигде не видел эмансипированного негра, который добился бы прогресса, хоть сколько-нибудь сравнимого с цветным населением Соединенных Штатов Америки.

Я хочу, чтобы это было ясно понято, что я вовсе не беспокоюсь об умственном и материальном развитии цветного населения Соединенных Штатов. Они от природы проницательны, расчетливы и приятны, в особой степени владеют искусством угождать; и эти качества через несколько лет обеспечат им достойные позиции в деловых интересах страны. Но у них должно быть время, чтобы собраться с мыслями, отточить свой интеллект, воспитать в себе нравственное чувство и чувство социальной ответственности, чтобы полностью осознать все, что подразумевает переход от рабства к абсолютной свободе. Люди не могут пробудиться от столетней дремоты и сразу понять, как изменились условия, которые на них обрушились. Пробуждение бывает потрясающим, ужасающим, ошеломляющим.

Когда человек долгие годы провел в темном подземелье, он без труда различает вокруг себя предметы, которые, когда он только вошел в свою темницу, были нечеткими или невидимыми для него. Когда же он внезапно попадает на сильный солнечный свет, лучи ослепляют его, и он слеп, как летучая мышь. Но медленно и болезненно он привыкает к переходу от абсолютной темноты к абсолютному свету, и тогда природа предстает перед его взором в своем естественном и привлекательном виде. Так и с рабом. Он медленно и неуверенно постигает условия свободы. Но дайте ему время, протяните ему руку помощи, и он полностью овладеет ситуацией.

В одной из самых замечательных брошюр того времени, написанной доктором философии К.К. Маршаллом из Висконсина, штат Миссиссиппи, под названием *"Цветная раса взвешивается на весах"*, которая является ответом на злобную речь доктора философии Дж.Л. Такера из Джексона, штат Миссиссиппи, я нашел много истин, которые американский народ должен знать. И доктор Маршалл, и доктор Такер - белые священнослужители Юга, и оба должны быть хорошо знакомы с особенностями, способностями и прогрессом цветного народа. Но доктор Такер, похоже, так же невежественен в отношении цветной расы, как если бы он провел свои дни на Сандвичевых островах, а не на солнечной земле Юга.

Доктор Маршалл говорит (с. 55):

Мне кажется, я знаю почти все, что можно сказать о неграх. В той или иной форме эти претензии тысячу раз повторялись; но разве он не был и не является сейчас тем, кем его сделали белый человек и общество? От природы он миролюбив, послушен и подражателен. Если с ним обращаться доброжелательно и справедливо, с должным учетом *особых элементов, составляющих его жизнь*, он отплатит, по крайней мере, добром, наравне с белым братом в *аналогичной обстановке*. Все знают надежных, заслуживающих доверия негров, а Джон Рэндольф сказал, что из двух самых вежливых людей, которых он когда-либо видел, один был негром. *Мягкость* - прекрасное средство управления неграми: Я знаю, что она оказывает сильное влияние на белых людей. Псалмопевец, обращаясь к своему Создателю, говорит: "Великодушие Твое сделало меня великим". Это могучий рычаг; он двигает мир; он двигал его до Архимеда; он двигает его и сейчас; но раздражительность, поиск недостатков, ругань, проклятия, преждевременное порицание, надменные и самоуверенные манеры, угрюмость, плохое настроение, будь то в поле, на кухне, в детской или в салоне, закономерно приведут к бережливости, бунту, уходу и презрению к белым людям! Многие из молодого поколения еще не нашли своего места в новом порядке вещей; их глупые родители работают почти до смерти, чтобы удержать своих сыновей от плуга и сделать из своих дочерей дам, как у белых; но время, мягкость, хлеб и аккуратные дома, вместе с религией и культурой, принесут большие перемены. И я отдаю должное их прежним хозяевам, их собственным инстинктам и способностям, что *сегодня они представляют собой лучшее*

крестьянство, находящееся в одинаковых отношениях с правящими классами на всей земле. Их пороки не больше, уважение к закону примерно такое же, а забота о детях мало чем уступает. Кроме того, они лучше говорят на языке своей страны, менее уступчивы и трусливы, более свободны от попрошайничества; более мужественны, более вежливы, менее священнослужители, менее угодники; имеют более высокую оценку человеческих прав и обязанностей; понимают земледелие, приготовление пищи, работу по дому и ручной труд, которым их обучили, лучше, я настаиваю, чем любая аналогично обусловленная раса или народ. Они меньше сквернословят - гораздо меньше, чем белые люди; менее озлоблены, злопамятны и кровожадны; менее несдержанны и гораздо, гораздо менее мстительны; и менее эгоистичны, чем те, кого они презрительно называют "бедным белым мусором". Но он грешник! Я верю, что в старом заурядном стишке есть доля правды: "В грехопадении Адама согрешили все"; но я не верю, что зуб змеи поразил негра более смертоносным и развращающим вирусом, обрекая его как грешника на более низкую ступень зла, чем других. Он совершает не все, но многие грехи, преступления и проступки, а также потворствует многим порокам отполированного человечества - культурного кавказского человечества. У них был лишь умеренный опыт единоличного управления собственными делами.

И снова (стр. 66):

Негр - не нищий, не бедняк, не бродяга; если с ним честно обращаться, он может сам проложить себе дорогу. Там, где они бездельничают и распутничают, строго соблюдайте закон против них, и они будут одобрять и помогать в работе. Мы можем возвысить их или низвергнуть. С одной стороны, я считаю, что мы обязаны им благодарностью и беспристрастной справедливостью за их верное поведение во время войны; и если вы склонны критиковать и упрекать их за то, что они не во всем соответствуют вашим сентиментальным представлениям, просто поставьте себя на их место. Тогда вы, если ваши весы верны, а гири справедливы, решите вопрос без особого труда. Я, пожалуй, не смогу лучше послужить моим читателям, чем процитировав слова преподобного доктора Каллауэя, профессора колледжа Эмори в Оксфорде, штат Гавайи, и нового президента Института Пейна в Огасте, штат Гавайи, уроженца этого штата и уроженки поместья. В своем позднем обращении он говорит: "Мы уже говорили о негре в связи с ведением войны, но остается сказать, что его отношение к нам как друга в этот период, а к нашим женам и детям - как опекуна, свидетельство его верности на устах каждого оставшегося в живых солдата. Легко предположить, что в случае с расой, менее преданной дому и покровителю, свидетельство в этом деле могло бы стать рассказом о беззаконии и свободе. Поэтому то, что он воздержался от этого, является его заслугой. Но в течение четырех лет мрака и деморализации, когда, помимо людей военного возраста, на фронт призывали всех мальчишек, чьи мышцы были способны выдержать мушкет, и всех стариков, у которых хватало сил, чтобы засекаать время, негр, властный, как патриарх, и благоговейный, как священник, свято бдил в наших домах. Кроме того, с прозорливостью, не выработанной для себя или своей семьи, но вызванной должностью, и жалкой нуждой наших близких, он обеспечивал их нужды. Они были голодны, и он накормил их". То, что он сделал, - к его чести. То, от чего мы воздерживаемся, находясь у власти как высшая раса, должно быть нашей заслугой; то, что мы делаем в ответ, должно служить доказательством нашей признательности". Поведение негра во время войны доказывает его доброту, умеренность, надежность; его поведение после войны обнаруживает в нем

внимательность, целеустремленность, способность, целый ряд растущих хороших качеств. Можно предположить, что во время войны его низшая храбрость уступила место его высшей работоспособности, его страхи послужили советом его вежливости и заботе. Так, если хотите, можно сказать, хотя логика здесь столь же хромает, сколь неблагоприятно обвинение".

Это свидетельство о характере, нраве и приспособляемости цветных людей тем более ценно, что доктор Маршалл не только рассматривает этот вопрос с христианской точки зрения, но и потому, что его близкое знакомство с этим предметом придает его мнению вес и авторитет.

В том же духе высказывается доктор Атиккус Г. Хейгуд, президент колледжа Эмори в Джорджии, человек высочайшей культуры, христианского интеллекта и прогрессивных идей, в своей замечательной работе *"Наш брат в черном, его свобода и его будущее"* (стр. 194):

Если белые и черные люди хотят знать, как относиться друг к другу во всех жизненных отношениях, пусть изучают Библию. Возьмем, к примеру, деловые отношения в жизни, старый вопрос о капитале и труде, о службе и зарплате. Для решения всех вопросов, вытекающих из этих отношений, законы и принципы, изложенные в Библии, стоят всех "политических экономий" мира. Они применимы ко всем расам и условиям жизни людей, во всех странах и во все времена. Они так же необходимы и полезны на фабриках Новой Англии, как и на плантациях Юга. Свободные негры - не единственные подсобные рабочие в мире, негры-слуги - не единственные наемные работники. Существуют тысячи фабричных рабочих, поденщиков, домашних слуг, механиков, швей, клерков, подмастерьев и тому подобных людей, чей крик о справедливости против угнетения возносится к небесам днем и ночью. "За это" во всех странах "гнев Божий пришел на детей непослушания". Давайте вспомним некоторые из этих полузабытых законов; они должны принести пользу всем нам. Я знаю, что они нужны на Юге; я убежден, что они нужны везде, где есть хозяева и слуги.

Много слышав о положении цветного населения в Луизиане, я решил, что было бы небезынтересно получить достоверный отчет об этом положении от человека, полностью способного предоставить желаемую информацию. Поэтому я направил письмо почтенному Теофилу Т. Аллейну, цветному члену законодательного собрания Луизианы от прихода Свит-Ибервиль и крупному плантатору сахара. Из письма мистера Аллейна я взял следующее изложение, которое будет интересно по многим причинам:

"Во-первых, - говорит мистер Аллейн, - я говорю как житель Юга, который платит налоги на имущество стоимостью тридцать пять тысяч долларов, не задолжав при этом никому ни доллара. Я утверждаю, что хорошо осведомлен о положении цветного населения Юга, людей, которые несут на себе все тяготы и бремя дня".

"В хлопковых районах Юга негры находятся в порабощении, им не разрешается пользоваться избирательным правом, гарантированным им положениями федеральной конституции. В районах выращивания сахара в Луизиане цветные и белые живут в дружеских и сердечных отношениях. В этих районах проживают тысячи цветных, которые до войны были рабами, а сейчас платят налоги на имущество, оцененное на их имя, стоимостью от пятисот до пятидесяти тысяч долларов. Они производят в основном рис и сахар. Само собой

разумеется, что труд цветных производит две трети всего хлопка, выращиваемого на Юге, четыре пятых сахара и девять десятых всего риса.

"В хлопковых районах Луизианы цветные работают в основном на паях, и кое-где некоторые из них скопили немного денег; но, как правило, они делают состояния для помещиков и умирают в нищете не по своей вине. Арендная плата здесь, как и везде, тянет рабочего вниз и не отпускает его. То, что остается ему после того, как хозяин забирает свою *долю*, достается евреям-лавочникам и прочим посредникам на перекрестках, которых не устроит прибыль меньше ста - ста пятидесяти процентов.

"Но сахарные районы Луизианы - это как оазисы в пустыне. Вакуумные кастрюли, паровые машины, прекрасная техника и улыбающиеся лица встречаются повсюду. Цветные рабочие охотно находят работу в сахарных районах с октября по февраль; во время обработки земли во многих местах цветные рабочие получают *до одного доллара и двадцати центов в день*, а в сезон помолы, который является временем сбора урожая, рабочие получают от одного доллара и двадцати пяти центов до одного доллара и пятидесяти центов в день в поле и семьдесят пять центов за половину ночи. В это время мы работаем на сахарном заводе днем и ночью. Не могу не отметить, что цветные мужчины в большинстве случаев работают инженерами на наших сахарных заводах и получают от двух до двух с половиной долларов в день:

"Вы будете удивлены, когда я скажу вам, что большая часть кирпичных и штукатурных работ, а также кузнечных и плотницких работ выполняется в сахарных районах цветными мужчинами, которые в среднем получают три доллара в день за свою работу".

В Луизиане пятьдесят восемь приходов, двадцать четыре из них - сахарные районы". Чтобы проиллюстрировать степень терпимости, царящую в хлопководческих и сахарных районах, приведем следующий пример: В Палате представителей Луизианы тринадцать цветных членов - все из сахарных районов; в Сенате четыре цветных члена - все из сахарных районов. Такое положение вещей легко объясняется тем, что цветное население сахарных районов в целом является более налогоплательщиками, чем в хлопковых районах, и, имея общие интересы, и белые, и черные более терпимы и лучше информированы. Бульдозеру и белому лайнеру найдется немного места для своей гнусной работы там, где все находят много работы, за которую хорошо платят, где материальное благополучие стоит на первом месте, а политические распри - на втором. Из-за взаимных интересов, стоящих на кону, цветные люди в сахарных районах часто находятся под защитой своих злейших политических противников.

"Состояние штата Луизиана оценивается в 200 000 000 долларов, из которых цветное население платит налоги на сумму более 30 000 000 долларов. Две трети этой суммы принадлежит цветным жителям сахарных районов".

Я мог бы привести множество цитат, но они лишь подтверждают мою точку зрения, что цветному человеку просто необходимо время, чтобы полностью осознать свою свободу и свои возможности, насладиться широкими иммунитетами первого и максимально использовать преимущества второго. По всей стране цветной человек приходит к пониманию того, что если он хочет когда-нибудь получить статус в этой стране, соизмеримый со статусом его белых сограждан, он должен ухватиться за элементы успеха, которые они используют с таким эффектом, и смело войти в списки, как конкурент, который должен проложить себе путь. Доктор Маршалл верно сказал: "Негр - не нищий, не бедняк и не бродяга". По сути, он - человек с огромным богатством: Бог дал ему в тропических условиях мощное телосложение с достаточной мускулатурой и конституцией, чтобы извлекать из хранилищ природы ее

зарытые богатства. Ему нужен только интеллект, чтобы использовать созданное им богатство. Когда у него появится разум, он уже не будет трудиться, чтобы обогатить людей, более расчетливых и беспринципных, чем он сам; он будет трудиться, чтобы обогатить себя и своих детей. Действительно, благодаря своим мощным мускулам и выносливому физическому телосложению, направляемому интеллектом, черный человек Юга, который один продемонстрировал свою способность успешно трудиться на рисовых болотах, хлопковых и кукурузных полях Юга, в конечном счете перевернет столы беспринципных гарпий, которые грабили его на протяжении более двухсот лет; и, будучи рабом этих людей, он, в свою очередь, поработит их. Из раба он превратится в господина; потрудившись для обогащения других, он заставит других трудиться для его обогащения. Законы природы неумолимы, и это один из них. Белые люди Юга могут побледнеть от ярости при виде этой стороны дела, но она написана на стене. Я уже видел на Юге черных и белых фермеров, работающих бок о бок на черного хозяина; я уже видел на Юге черных и белых каменщиков (и плотников тоже), работающих над зданием бок о бок под началом цветного подрядчика. И мы еще не прошли и двух десятилетий после капитуляции Роберта Э. Ли и освобождения чернокожих рабов.

У меня нет желания разгневать белого жителя Юга, выставив перед ним красный флаг; мы просто хотим приучить его смотреть на картину, к которой его внуки и внучки не будут относиться с чем-то более душераздирающим, чем благодушное равнодушие, из-за частоты ее возникновения. Мир движется вперед, и белый человек Юга не мог бы стоять на месте, даже если бы захотел. Как и чернокожий, он должен работать или погибнуть; как и чернокожий, он должен выдержать жесточайшую конкуренцию, подняться или упасть, в зависимости от обстоятельств. И так и должно быть.

ГЛАВА XIV

Классы на Юге

[Вернуться к оглавлению](#)

После войны жители Юга, с точки зрения северян, очень бедны. Среди них очень мало миллионеров. Человек, имеющий на банковском счете пятьдесят тысяч долларов, считается очень богатым. Мне вспоминается один случай, который показывает, что южане падают ниц и поклоняются золотому тельцу так же, как и их заблуждающиеся братья на севере и западе.

Несколько лет назад я жил в Джексонвилле, мегаполисе Флориды. Флорида - прекрасный зимний курорт. Богатые люди страны уезжают туда на несколько месяцев или недель зимой. Это модно. Многие богатые северяне приобрели в Джексонвилле ценные земельные владения, среди них - нью-йоркские Асторы, которые умеют закрепить свои интересы на земле. Жители Джексонвилля очень гордятся тем, что их резидентом и владельцем недвижимости был мистер Вм. Б. Астор. И мистер Астор, похоже, безмерно наслаждался поклонением, которое оказывали его деньгам. Он построил здесь одно или два прекрасных здания, которые, должно быть, принесли ему неплохую прибыль за его инвестиции. У мистера Астора был очень проницательный "человек Пятница", и этот человек Пятница вбил себе в голову, что хотел бы стать мэром Джексонвилля, и он искал и получил поддержку своего очень влиятельного покровителя. Просочилась информация, что мистер Астор благоволит своему Пятнице на пост мэра. "Деловые круги" города взяли этот вопрос "на

заметку". После долгих "консультаций" и предварительных стычек было решено, что было бы неразумно враждовать с человеком Пятницы мистера Астора; поэтому он был выдвинут в качестве "кандидата граждан". Он был избран внушительным большинством голосов. Я полагаю, что сегодня это спорный вопрос, был или не был человек мистера Астора Пятница гражданином этого места в то время, когда он был избран мэром. Как бы то ни было, это несомненно показало, что люди знали, как преклонить колени перед золотым тельцом.

Состояние рабства или крепостного права порождает два страшных зла, вокруг которых группируется множество других, менее важных: создание огромных помещичьих хозяйств, а также пауперизация и обесценивание труда. Плиний заявил, что своим падением Италия обязана созданию обширных *латифундий* (объединенных поместий). То же самое можно сказать и о гибели Юга и его домашних институтов, поскольку они породили мощный и высокомерный класс, который не довольствовался тем, что властвовал над своими обширными поместьями и нищим трудом, но должен был нести свои высокопарные идеи в советы нации, щеголяя своим нежным происхождением и волнистыми акрами перед лицом таких рогатых государственных деятелей, как Авраам Линкольн, Генри Уилсон и другие.

Деятельность огромных помещичьих хозяйств Юга породила все те промышленные диспропорции, от которых страдает Юг после войны. Белого человека приучили смотреть на труд как на естественный удел чернокожего раба; и ничто не могло побудить белого человека приложить руку к плугу, кроме унылого вида голодной смерти у его двери. Он даже предпочитал позорную голодную смерть честному труду; и в своей отчаянной борьбе за то, чтобы избежать ужаса первого и позора второго, он опускал себя на шкале морального бесчестия ниже, чем презираемый им черный раб. Он сделает из себя чудовище жестокости или подневольного рабства, чтобы избежать голодной смерти или честного труда. Именно из этого класса паразитов плантаторы набирали своих "черномазых водителей" или надсмотрщиков, и более сговорчивого, подневольного, жестокого, бессердечного набора людей никогда не существовало. Их обычно называли "*бедным белым мусором*" или "крэкерами". Они вызвали искреннее и праведное отвращение у рабов. Какими были бедные белые Юга пятьдесят лет назад, такими они являются и сегодня - беспечными, невежественными, ленивыми, но при этом высокомерными людьми, которые ничего не добавляют к производительному богатству общества, потому что им лень работать, и ничего не берут из этого богатства, потому что они слишком бедны, чтобы покупать. Они довели человеческие потребности до уровня, ниже которого человек не может опуститься, чтобы не умереть с голоду. Они живут на самых бедных землях Юга, в "сосновых лесах", выращивают немного картофеля и кукурузы, а также несколько свиней, которые никогда не вырастают до свиней, настолько бесплодна земля, на которой их выращивают "на корню, или умри". Этих характерных свиней те, кто видел их худое, тощее и голодное развитие, насмешливо называют "шотами". Они являются ужасными аналогами своих нищих хозяев. Наблюдая за состоянием животных, можно судить о качестве почвы и состоянии людей. Как ни странно, но верный пес - единственное животное, которое, похоже, процветает на землях "соснового леса". Суслик из сосновых лесов, которого можно назвать "высокогорной черепахой", очень нужен для пропитания нищих обитателей этих районов Юга. Во внешнем виде суслика нет ничего заманчивого. Но его плоть, правильно приготовленная, очень вкусна.

Бедное белое население Юга, живущее в сосновых лесах, погрязло в самом низком невежестве и практикует пороки, слишком отвратительные, чтобы ими дышать. У них нет школ, и их умственное состояние вряд ли оправдывает благотворительный вывод о том, что они много выиграют, если им их откроют. Тем не менее, я бы хотел, чтобы эксперимент был опробован. Их ужасающая нищета, ужасающая неграмотность, плачевное моральное

уныние заслуживают жалости человечества и помощи филантропических людей и заботливого правительства. Несмотря на то, что они опустились на самую низкую моральную ступень, *они - люди*, и нельзя упустить ничего, чтобы улучшить их положение и сделать их более полезными членами общества, в котором они сейчас являются более чем инкубом.

Не будет лишним сказать, что Куклукс-клан, Лига Белых Лайнеров, Рыцари Белой Камелии и другие незаконные банды, которые за последние пятнадцать лет превратили рыцарство Юга в ругательство и упрек среди народов Земли, были в значительной степени набраны из этого праздного, порочного, невежественного класса южан. Их не нужно было готовить к кровавой работе, которую совершали эти незаконные организации, более жестокие, чем итальянские разбойники. Они инстинктивно ненавидят чернокожих, потому что состояние чернокожего, его более высокая способность к труду и восприимчивость к полезным знаниям ставят его на несколько ступенек выше, чем их самих, в социальной шкале. Так что эти деградировавшие белые люди, самый субстрат населения Юга, были готовыми орудиями в руках организованных рыцарских разбойников (как и в руках олигарха-рабовладельца), чей более высокий интеллект заставлял их краснеть от беззакония, которое они внушали, и которые поэтому с радостью передавали в другие руки исполнение тех кровавых и смертных дел, которые заставляют людей содрогаться даже сейчас при мысли о них. Среди чернокожего населения Юга издавна бытовала поговорка: "Лучше быть ниггером, чем пофигистом!" И они были мудры в своих предпочтениях.

Можно с уверенностью сказать, что крестьянство ни одной страны, претендующей на звание цивилизованной, не нуждается в трудах школьного учителя и проповедника больше, чем так называемые "бедные белые отбросы" Юга. Именно по этой причине, если не по какой-либо другой, я являюсь сторонником обязательной системы образования, Национального совета по образованию и очень больших национальных ассигнований на общую школу и промышленное образование.

Я называю этот класс первым, потому что он самый низкий.

Рядом с этим классом находится великая рабочая сила Юга, класс, на чьи широкие плечи падала тяжесть южного труда и бесчеловечности в течение двухсот лет - *чернокожие*. Было время, вчера, как мне кажется, когда этот великий класс был в *одном* состоянии, от восхода до заката солнца вынужденный обогащать людей, которые были созданы из того же дерна, и в создании чьего таинственного механизма, умственного и физического, великий Бог не потратил ни времени, ни изобретательности. Вплоть до окончания Восстания, этого гигантского конфликта, потрясшего до основания столпы республиканского правительства, огромное чернокожее население было поистине "кряжами" южного общества, на которых покоились все промышленные тяготы этой части; поистине "дровосеками и водоносами"; "Люди, которые по неисповедимой воле Божьей были оторваны от своих диких домов на той земле, которая теперь стала для них мечтой, "более бесплотной, чем потускневший балаган", чтобы "жить в чужой земле, среди чужих", пройти, подобно сынам Израиля, сезон жестокого испытания, а затем начать жизнь всерьез; Приложить свои плечи к рулю и помочь превратить этот огромный континент, этот приют угнетенных мира, в величайшую обитель счастья и горя, богатства и нищеты, когда-либо созданную гением и управляемую эгоизмом и скупостью человека. И сегодня, как и в мрачные дни прошлого, этот народ - кость и осто́в Юга, великие производители и частичные потребители его богатств; презираемые, но незаменимые "грязнули" его промышленных интересов.

Сенатор Соединенных Штатов от Юга, чьи руки обагрены кровью его сограждан и который занимает свой высокий пост путем обмана и узурпации, не так давно заявил, что его штат вполне может обойтись без чернокожего населения. Численность этого населения превышает численность белого три к одному; и, учитывая труд, которым обогащался этот штат, кровь и пот двухсот лет, которые впитывала его почва, нынешнее производство и потребление богатств этим черным населением, мы поражаемся невежеству этого великого человека, облеченного "маленькой короткой властью". От чернокожего населения нельзя и не нужно избавляться, потому что оно так глубоко укоренилось в почве, что является ее частью - самой ценной частью. И придет время, когда оно получит право собственности на землю по праву покупки, ибо рабочий достоин своего найма, и сейчас волен вкладывать этот найм, как ему заблагорассудится. Уже сейчас некоторые из самых лучших земель этого штата принадлежат людям, которых этот великий магнат в советах нации хотел бы вытеснить в их божественных правах.

К моменту окончания войны, как я уже говорил, огромное черное население Юга представляло собой исключительно трудовой класс. Оно не владело ни землями, ни домами, ни банками, ни магазинами, ни живым скотом, ни другими богатствами. Это был не только ярко выраженный рабочий класс, но и ярко выраженный класс нищих. У него не было ни денег, ни ума, ни морали, с которыми можно было бы начать тяжелую жизненную борьбу. Он находился на самом дне социальной лестницы. Он не обладал ничем, кроме здоровья и мускулов.

Я часто с глубоким изумлением созерцал огромную массу подчиненной человеческой силы, силы, которая была воспитана плетью и ищейкой в презрении к труду, которая была брошена на саму себя формулировкой Прокламации об освобождении и капитуляцией Роберта Э. Ли. Ничто в истории человечества не может сравниться с этим великим событием, точно повторить его во всех деталях. Двухсотлетнее рабство подавило интеллект и нравственность этого народа и заставило его смотреть на труд как на самое страшное из всех проклятий, которые справедливый Бог может наложить на человечество; и вот они оказались на свободе, без единого доллара в руках и, подобно великому Христу и птицам небесным, не имея места, где бы приклонить голову.

И все же сегодня этот народ, который всего несколько лет назад был банкротом в морали, интеллекте и богатстве, рвется вперед в битве за прогресс, как *ветераны*; построил великолепные церкви, насчитывающие более двух миллионов душ; имеет проповедников, ученых и красноречивых; имеет профессоров в колледжах сотнями и школьных учителей тысячами; накопил большие земельные владения в деревне, городе и поселке; основали банкирские дома и железные дороги; управляют крупными угольными, бакалейными и портновскими предприятиями; с успехом и умением ведут крупные и влиятельные газетные дела; короче говоря, вступили, и очень быстро, в острую конкуренцию с белыми людьми (которые обладают престижем тысячелетней цивилизации и возможностями) во всех промышленных интересах, которые делают народ великим, уважаемым и боящимся. Метаморфоза была быстрой, удивительной, поразительной. Их домашняя жизнь была в значительной степени преобразована в качество чистоты и утонченности, которое должно характеризовать дом; теперь они успешные фермеры, торговцы, министры, юристы, редакторы, педагоги, врачи, законодатели - словом, они вошли во все сферы промышленности и мысли. Их усилия пока еще грубы, их хватка неопределенна, но они находятся на поле конкуренции, останутся там и достойно проявят себя.

Конечно, я говорю в общих чертах о прогрессе, достигнутом цветным населением. Индивидуальные усилия и успех являются показателями жизнеспособности и гениальности

народа. Когда из неразличимой массы поднимаются отдельные люди и заявляют о себе, мы можем быть уверены, что масса богата и способна к неограниченному производству. Огромная масса каждого правительства, каждого народа, пополняя и создавая величие, остается в истории неупомянутой. Но их слава, их гениальность, успех и счастье, расходуется и сохраняются в тех немногих великих духах, которых породило их счастливое положение. Правительства древности были великими и славными, потому что их пролетарии были умны, бережливы и храбры, но пролетарии исчезают в неясности и остаются великими только в немногих великих именах, дошедших до нас. Говорят, что нация тратит сто лет своей жизненной силы на создание гениального человека, такого как Сократ, или Бэкон, или Туссен-л'Увертюра, или Фултон. И это может быть правдой. Сейчас не может быть никаких сомнений в том, что представители африканской расы в Соединенных Штатах обладают всеми элементами жизненной силы и гениальности, которыми обладают их сограждане других рас, и любой расчет возможностей расы в этой стране, предполагающий, что они останутся на неопределенное время лишь "грязью" в обществе, окажется более хрупким, чем веревки из песка.

В настоящее время цветное население Юга в значительной степени является промышленным классом, то есть производящим классом. Они в основном занимаются сельским хозяйством на Юге; следовательно, будучи привязанными к земле связями и интересами на протяжении всей жизни, и будучи в основном рабочим классом, они, естественно, будут вкладывать свои излишки в покупку земли. В этом кроется большая надежда на будущее. Ведь тот, кто владеет землей, в значительной степени владеет и диктует тем, кто вынужден жить на ней и получать от нее средства к существованию. Цветное население Юга признает этот факт. И если и есть среди них какая-то идиосинкразия, более заметная, чем другие, так это их мания покупать землю. Все они живут и трудятся в радостном предвкушении того, что когда-нибудь у них будет свой дом, своя ферма. По мере роста интеллекта расы эта мания к землевладению становится все более выраженной. Поначалу их безденежье заставляет их покупать бедные холмистые земли, но в конце концов они ухватятся за богатые аллювиальные земли.

Следующим после большого класса чернокожих классом являются *мелкие белые фермеры*. Этот класс состоит из некоторых "лучших семей" Юга, которые были брошены на ресурсы мозга и мускулов в результате войны, и некоторых худших семей, взятых из более экономного бедного белого класса. Южные политэкономы усердно стараются создать впечатление, что огромный рост производства богатства на Юге после войны в значительной степени объясняется феноменально возросшим процентом мелких белых фермеров, но это предположение слишком прозрачно, чтобы навязать его кому-либо, кроме самых невежественных в отношении промышленных условий Юга и удивительной приспособляемости к новым условиям, продемонстрированной цветными людьми. Я допускаю, что эти мелкие белые фермеры, число которых до войны было слишком незначительным, чтобы принимать их во внимание, внесли значительный вклад в развитие страны и производство богатства; но то, что огромные успехи свободного труда по сравнению с рабским должны быть возложены главным образом на их интеллект и промышленность, слишком абсурдно, чтобы серьезно обсуждать это. Чарльстонская газета *"Ньюс энд Курьер"* (Charleston (S.C.) News and Courier), настроенная против негров, недавно на полном серьезе выдвинула такое обвинение. Борьба за господство будет вестись в основном между мелкими белыми и черными фермерами, потому что каждый новый год будет увеличивать число каждого класса мелких фермеров. Условие свободы и открытой

конкуренции делает борьбу равной во многих отношениях. Кто же окажется более успешным мелким фермером - чернокожий или белый?

Четвертый класс составляют *потомственные землевладельцы* Юга; джентльмены с выющимися локонами, нежной кровью и вспыльчивым характером, которые, опираясь на кодекс чести (в прошлые времена), улаживают мелкие разногласия с равными и расстреливают низших без умысла или сожаления, и топят свои горести, как и веселье, в ржаном или бурбонском виски; джентльмены, которые утверждают, что состоят в родстве с титулованными акулами Европы, и кичатся своим рыцарством в противовес крестьянской или йоменской крови всех остальных американцев; джентльмены, которые получили свои широкие акры (как бы они ни относились к своей особой крови), ограбив чернокожих мужчин, женщин и детей от продуктов их труда при системе рабства, и которые поддерживают себя в своем ущемленном состоянии, заключая жесткие сделки с белым и черным трудом либо как плантаторы, либо как владельцы магазинов, а часто и как те, и другие, причем двойная профессия позволяет им заключать необоснованные контракты и взимать поборы с тех, кого они живут, чтобы стать жертвой. Это джентльмены, которые постоянно заявляют, что "это правительство белого человека" и что "негр должен быть вынужден оставаться на своем месте". Это те джентльмены, которые вцепились в горло южному труду; которые удерживают огромные участки земли, являющиеся продуктом грабежа, для повышения стоимости; которые управляют магазинами и до смерти мучают мелкого фермера ростовщическими поборами за товары первой необходимости; это те джентльмены, которые выступают против новых условий, возникших в результате войны, которую сделали возможной их стремительность Хотспура и жадность Шейлока. Короче говоря, эти джентльмены составляют денежный класс. Именно они ускоряют конфликт труда и капитала на Юге. И когда чернорабочий и белый рабочий опомнятся, объединятся в борьбе с общим врагом и разобьют боевой шатер, тогда и начнется перетягивание каната.

Но крупные землевладельцы и торговцы Юга не будут в будущем принадлежать исключительно к описанному мною классу лиц. Напротив, этот класс потомственных землевладельцев будет заметно сокращаться, а их место займут успешные рекруты из числа мелких белых и черных фермеров. Более того, признаюсь, я склоняюсь к убеждению, что чернокожие Юга в конечном итоге станут крупным землевладельческим классом и, следовательно, будущими тиранами труда в этой части. Все признаки указывают на такую возможность. По оценкам, уже сейчас цветные владеют в штатах, где выращивают хлопок, 2 680 800 акрами земли, что является результатом семнадцати лет бережливости, экономии и разумного управления; только в штате Джорджия они владеют, по достоверным подсчетам, 680 000 акрами земли и платят налоги с имущества на сумму 9 000 000 долларов. Доктор Александр Краммелл, самый ученый африканец, в очень интересном памфлете, составленном на основе злонамеренных искажений доктора Такера, на который я уже ссылался, делает следующие выводы и утверждения, а именно:

Позвольте мне предложить другую оценку этой земельной собственности негра, приобретенной *после* освобождения. Если взять в целом старые рабовладельческие штаты, то в каждом из них произошло большое приобретение земли. В штате Джорджия, как мы только что видели, оно составило 680 000 акров. Пусть эта цифра не превышает 400 000 для каждого штата - ведь покупка фермерских земель повсеместно была страстью вольноотпущенников - эти 400 000 акров, умноженные на 14, *то есть* на число главных южных штатов, показывают совокупность 5 600 000 акров земли, приобретенных черной расой менее чем за двадцать лет.

Но доктор Такер отмечает еще один факт, имеющий большое значение в этой связи: Это рост производства, который был достигнут освобожденным человеком после эмансипации. Я привожу лишь *один* показатель, и то по той причине, что он является почти исключительно результатом труда свободных негров.

Я возьму пять лет, непосредственно предшествовавших гражданской войне, и сравню их с пятью годами, предшествовавшими переписи населения в прошлом году; и контраст в количестве произведенных кип хлопка покажет индустрию и бережливость черной расы как следствие дарованной свободы:

<i>Годы</i>	<i>Кипы</i>
1857	2,939,519
1858	3,113,962
1859	3,851,481
1860	4,669,770
1861	3,656,006

Итого	18,230,738

<i>Годы</i>	<i>Кипы</i>
1878	4,811,265
1879	5,073,531
1880	5,757,397
1881	6,589,329
1882	5,435,845

Пять лет <i>свободы</i>	27,667,367
Пять лет работы в <i>рабстве</i>	18,230,738

Баланс в пользу свободы	9,436,629

Эта цифра производства является положительным опровержением утверждения доктора Такера о том, что "средний уровень материального благосостояния лишь немного выше, чем до войны". Вот факт: за пять лет свободный человек произвел на треть больше, чем за то же время, когда он был рабом!

Другой взгляд на этот вопрос еще более поразителен. Превышение урожая хлопка за семь лет [*то есть* с 1875 по 1882 год] над семью годами [*то есть* с 1854 по 1861 год] составляет 17 091 000 тюков, то есть среднегодовой прирост составляет 1 000 000 тюков. Если доктор Такер посмотрит на значительный рост урожая хлопка, табака и сахара на юге, как показано в сельскохозяйственных отчетах с 1865 по 1882 год, и подумает, что негры были производителями этих культур, он поймет их возмущение по поводу его возмутительных обвинений в "лени и бродяжничестве" и, возможно, прислушается к их требованию взять назад несправедливые и вредные обвинения, которые он без ведома и дискриминации выдвигает против целой расы людей.

Этот импульс к бережливости со стороны вольноотпущенников не был запоздалой и неохотной склонностью. Это было *непосредственное* порождение свободы.

Невозможно даже приблизительно оценить земельные приобретения цветного населения, но то, что они были крупными покупателями небольших участков, с готовностью признают все откровенные люди, знакомые с интенсивным пастушеским характером людей, их постоянной бережливостью и глубокой решимостью владеть своими домами. Если мы вместе с доктором Краммеллом предположим, что за последние семнадцать лет, самые тяжелые и неблагоприятные годы, через которые им когда-либо еще придется пройти, они получили во владение 5 600 000 акров земли, то выигрыш в следующие семнадцать лет должен быть гораздо больше. Во всяком случае, мы можем предположить, что в ближайшие пятьдесят лет их владения составят не менее 35 000 000 акров, а вероятность того, что они будут значительно больше, велика".

В журнале "*Popular Science Monthly*" за октябрь 1881 года мистер Дж. Стал Паттерсон в статье "Движение цветного населения" говорит: "Похоже, что в промышленных аспектах белые и цветные люди могут быть, при определенных обстоятельствах, дополнением друг друга". И снова: "Есть два разных класса цветных экономистов. Одни довольствуются зависимостью от других в вопросах трудоустройства, другие стремятся к независимым домам и борются за их обеспечение, пусть и скромное. Некоторые даже приобретают богатство".

В том же ежемесячнике за февраль 1883 года профессор Э. У. Гиллиам публикует длинную статью об "африканцах в Соединенных Штатах", в которой он делает все возможное, чтобы углубить пропасть между черными и белыми. У него очень мало хорошего о чернокожем человеке. Однако он был вынужден сделать следующие признания, а именно:

"Чернокожие - это совершенствующаяся раса, и пульсация их стремлений усиливается. * * * Продвижение в умственном развитии и в экономической науке должно быть медленным, но оно есть".

Профессор делает интересный расчет, согласно которому численность негров в южных штатах увеличится с 6 000 000 в 1880 году до 192 000 000 в 1980 году; в то время как белых на Юге, составлявших в 1880 году 12 000 000, в 1980 году будет всего 96 000 000. Профессор делает вывод, что эта огромная армия будет "обречена оставаться там, где она была, и быть тесакими для дерева и ящиками для воды", потому что они составляют "отдельную чуждую расу". Я думаю, если профессор подождет до 1980 года, он обнаружит, что эта "чуждая раса", которую расточительные белые люди сделали и делают так много для слияния со своей собственной расой, будет расти не только, как он подсчитал, в численности, но и в богатстве.

Будущие помещики и капиталисты Юга больше не принадлежат к белой расе: чернокожий стал фактором, и с ним нужно считаться.

ГЛАВА XV

Земельная проблема

[Вернуться к оглавлению](#)

Собственность на землю на Юге - это та же пагубная вещь, которой она стала во всех цивилизованных странах мира. Вместо того чтобы быть, как и было задумано, благословением для людей, она является вопиющим проклятием, которое превалирует над всеми другими бедами, поражающими человечество. И причину этого искать далеко не надо. Земля по своей природе является общей собственностью людей. Подобно воздуху и воде, она является одним из природных элементов, которые принадлежат человеку на правах общего права и без которых жизнь не может быть поддержана. Человек должен иметь воздух, иначе он задохнется; он должен иметь воду, иначе он погибнет от жажды; он должен иметь доступ к почве, потому что на ней растут те вещи, которые природа предназначила для пропитания физического человека и без которых он не может жить. Лишите меня чистого воздуха, и я умру; лишите меня чистой воды, и я умру; лишите меня возможности зарабатывать свой хлеб в поте лица своего, сеять в пору сева и жать в пору жатвы, и я умру. От этой стороны дела никуда не деться: нет такой логики, которая могла бы свести эти трюизмы к софистике. Они основаны на всемогущих законах Бога и так же универсальны, как земля. Они с равной степенью истинности применимы к жизни в Соединенных Штатах, как и в Дагоме; они действуют на дикаря так же, как и на человека в цивилизованном государстве. Индивидуальная собственность на землю - это нарушение общего права человека и узурпация, которая порождает почти все, если не все, зло, к которому приводит наша цивилизация; неравенство, которое порождает нищенство, порок, преступность и широко распространенную деморализацию среди всех так называемых "низших классов";, которые порождают, бок о бок, миллионера и бродягу, дом из коричневого камня и хижину сквоттера, обширные акры фермы-бонанзы и мелкое поместье, помещичьего лорда и дрожащего крепостного, крестьянина и раба.

Я утверждаю, как и другие авторы по земельному вопросу, что земля - это общая собственность, собственность всего народа, и что она не может быть отчуждена от народа без самых страшных последствий. Ни один человек не свободен, если он лишен права на такое количество земли своей страны, которое необходимо для поддержания его права на жизнь, ибо без неотъемлемого права на неограниченный доступ к земле он не может поддерживать жизнь, за исключением примитивного общества, где земли много, население малочисленно, а промышленность не диверсифицирована. По мере того как население становится плотнее, а земля скудеет от монополизации более дальновидными или более удачливыми, а промышленность становится более диверсифицированной, человечество начинает ощущать давление населения, описанное Мальтусом, и нехватку средств к существованию; вызванную не этим давлением населения, как утверждает Мальтус, а ограничением производства средств к существованию, вызванным монополией и концентрацией почвы, которая препятствует производящему агентству производить больше средств к существованию, необходимых для увеличения числа ртов, которые нужно кормить. Не может быть такого понятия, как перепроизводство, когда сотни и тысячи людей гибнут из-за еды; не может быть давления на население, когда сотни и тысячи акров пахотной земли заперты в купчей, или энтитете, или первородстве, на которые позволено вторгаться только зверям. Идея абсурдна. И все же люди, считающиеся авторитетами в экономических вопросах, навязывают человечеству эту софистику о перепроизводстве и давлении населения, и им аплодируют за их невежество, или же за их корысть, которая заставляет их извращать истину.

Монополия на землю - это проклятие расы в каждом современном правительстве. Будучи единственным великим источником, из которого должно исходить и исходит все богатство, ее концентрация в руках нескольких человек не только приводит к обнищанию народа, но и серьезно затрудняет работу правительства (одно и другое по сути идентичны), сворачивая

производительную энергию людей и отвлекая в казну отдельных лиц ренту, которая должна поступать в общую казну в виде налогов, снимая тем самым с плеч народа огромное бремя содержания правительства, которое ложится на него.

Монополия на землю была главным элементом, который ускорил упадок римского величия и силы, потому что когда у людей больше не было домов, за которые они могли бы сражаться, они перестали быть патриотами, перестали быть добродетельными и стали наемниками, или рабами, или тиранами; оставив тем, кто монополизировал землю, защиту своей собственности: А те, будучи немногочисленными, скупыми в соответствии с природой своего сословия и безвольными от роскошной жизни и привычки к праздности, становились легкими жертвами жадности и железных нервов гота и вандала. Великая французская революция никогда бы не произошла, если бы не монополия на землю, которая после долгих веков сосредоточилась в руках нескольких человек, которые благодаря этому стали привилегированным сословием и в изысканном языке были обозначены как "дворянство". Дворянство, как это естественно, будучи создано государством, не только стирало в порошок пролетариат, но и диктовало государству. Когда стало невозможно купить землю, потому что те, чье благородство покоилось на ней, не хотели ее отчуждать, и когда пролетариат был низведен до состояния вассалитета, более мерзкого и отвратительного, чем само рабство, пролетариат поднялся во весь рост и одним огромным ударом сокрушил это гидраголовое чудовище. Марат, Дантон и Робеспьер сосредоточили в себе яд, ненависть и отчаяние народа - более страшный триумvirат, чем тот знаменитый, который окрасил Тибр кровью патрициев Рима. Нигилизм России - это результат монополии на землю и последующего порабощения народа аристократией, начиная с самодержца на троне. Англия достигла переходного периода. Давление ее населения стало настолько сильным, что великие производящие классы больше не могут выдерживать напряжение и жить. Земля отбирается у народа для обогащения безмозглых фавориток и куртизанок королей и передается в наследство их потомкам из поколения в поколение. Землей Великобритании владеют дворяне и торговые бакланы, которые взимают ренту, которую невозможно выплатить с продукции земли, настолько она ростовщическая, или превращают богатые акры в увеселительные заведения и пастбища. Как Нерон возился, пока Рим был одним огромным пламенем пожара и ужаса, так и дворяне Великобритании танцуют и веселятся, пока народ голодает или ищет в других странах ту возможность жить, в которой им отказывает их страна. В течение последних пяти лет правительство Великобритании ведет отчаянную борьбу с народом одного из входящих в ее состав островов, причем агитация принимает, подобно хамелеону, различные цвета или названия в зависимости от потребностей противоборствующих сторон. Но в основе этих волнений лежит один большой вопрос: монополия на землю "дворянства" и преуспевающих торговых бакланов и, как следствие, давление населения на принудительное ограничение производства. Лучшие земли были отчуждены у народа, а низшие, на которых ему разрешено жить, не приносят требуемой непомерной ренты и необходимого пропитания для тех, кто их обрабатывает. Таким образом, Ирландия находится в таком взрывоопасном состоянии, что его уместно описать только термином "динамичный". В интересах нескольких помещиков вся ирландская нация деморализована и обнищала, так что правительство Великобритании считает необходимым "*помогать*" трудоспособным мужчинам добраться до Америки или любой другой части света, куда они пожелают отправиться, чтобы заработать на жизнь.

Если монополия на землю приводит к таким результатам, как эти, то не следует ли осудить ее как подрыв правильного общественного устройства и вечного существования правительства? Этот вопрос допускает только один ответ. Если монополия на землю вынуждает правительство "*помогать*" своим трудоспособным мужчинам, своим рабочим,

своим производителям богатства, своим солдатам уезжать в другие страны, то не следует ли осудить ее как паразитическую, разрушающую саму основу и сухожилия правительства? Ответ очевиден. Если монополия на землю приводит к таким результатам, как эти, то не будет ли мудрым государственным решением и разумной правительственной политикой конфисковать в пользу народа миллионы акров, которые скупость, хитрость, фаворитизм и грабеж превратили в парки, пастбища и заповедники, сделав несколько тысяч человек, составляющих земельных монополистов, бездельников и гарпий, честно работать, чтобы заработать на жизнь, и в то же время предоставить такую же возможность великим трудовым классам, которые искренне хотят зарабатывать на жизнь, но которым в этой возможности жестоко и злонамеренно отказывают?

Я выступаю против аристократии и так называемых привилегированных классов, потому что они противостоят массам. Они создают неравенство, из которого вырастают все беды общества, потому что нет предела их скупости, скупости и жестокости. Поэтому *они* процветают, а *все остальное* человечество может сдохнуть; поэтому они упиваются роскошью и развратом, а все остальное человечество может упиваться нищетой, пороком и преступностью; поэтому они пользуются всеми благами организованного общества, а все остальное человечество может нести его проклятия. Человек по своей сути эгоистичное животное. Самосохранение - первый закон, который он учится соблюдать и применять на практике. Чтобы оказаться на вершине социальной лестницы и остаться там, он пожертвует семьей, человечностью и патриотизмом. Естественно, Молох - это бог, которому он служит. Чтобы насладиться кратковременной властью, он поработит все человечество и заявит, как Соломон, исчерпав каталог тирании и распутства, что "все суета сует"! Таким образом, доверять человечеству опасно. Вручить ему в руки такое всемогущее оружие, как земля, значит поставить его на вершину, с огромной высоты которой он может, хочет и уже сокрушает своих несчастных собратьев.

Как маленький ручеек, набирающий объем и силу своим странствием от маленького озера к заливу, в который он впадает могучей рекой, подобно "Отцу вод", так и первые посягательства земельной акулы малы и едва ощутимы; но дайте ему время, позвольте ему вырасти из норманнского солдата удачи в современное английское дворянство, и вы получите монстра, чьи пропорции и хищность поражают воображение, чтобы полностью их осознать. То, что восемьсот лет назад обычный солдат удачи получал в награду за свою доблесть и что подлежало конфискации в пользу его князя, если он не оказывал ему услуг лично и с помощью отрядов, превратилось в огромную монополию, которая присваивает в виде арендной платы больше, чем арендатор может заплатить, с добавлением необходимых средств к существованию, требуемых для его содержания. Кроме того, существуют прямые налоги правительства и косвенные налоги на все орудия труда и другие предметы производства, вызванные разделением труда, которыми он должен пользоваться; все эти налоги земельные монополисты сумели переложить на арендатора и наемного работника. Время усугубляет зло. Так что сегодня в Великобритании человек не может купить землю, за исключением редких случаев, и тогда покупатель должен заплатить целое состояние за эту привилегию. Бедный фермер, наемный работник, простой человек, не имеет и не может иметь никакого права на землю, но должен прийти в мир рабом и сойти в могилу после жизни, полной труда и самоотречения, рабом, с мучительным сознанием того, что, как он, так должно быть и несчастное потомство его чресл!

Если такова тенденция организованного общества - если тенденция состоит в том, чтобы поработать человечество, делать ставку на человеческое горе и преступления, - значит, организованное общество - это организованный грабеж, и дикарское состояние

предпочтительнее. От этого вывода невозможно отказаться. Что толку в триумфах искусства, науки и торговли, если большинство человечества будет стерто в порошок, чтобы сделать эти триумфы возможными!

Не закон Божий, а закон человеческий порождает это чудовищное зло, постоянно угрожающее миру и безопасности общества.

Но британский землевладелец, поработив жителей своего острова, заковал в кандалы жителей Ирландии, Шотландии и Уэльса, обрекая их и их потомство быть вечными пришельцами в своих родных краях; он, прикрываясь аргументом завоевания, аргументом подлого убийцы и грабителя, довел народ Индии до состояния, худшего, чем смерть; железной хваткой вцепился в несметные миллионы африканцев; морские острова корчатся в его руках; Вест-Индские острова - его покорная добыча; часть огромного американского континента находится под его властью и стонет под его поборами.

Но это еще не все. В нашей собственной стране появилась британская сухопутная акула. Его мерзкая хватка, которую наши предки разжали в силу своего колониального величия, снова вцепилась в наше горло. Следующая таблица покажет, до какой степени паразит проник в наши жизненно важные части. Пусть добрые люди этой страны, которые должны знать, что монополия на землю - это предсмертная нота свободных институтов; что крупные поместья - паразиты республик и смерть мелких землевладельцев, прочитают следующую таблицу с той пристальностью, которую должна внушать ее серьезность. Сан-Франциско *Дейли Экзаминер*, ведущая газета Тихоокеанского побережья, пишет:

Помимо миллионов акров, принадлежащих железнодорожным и другим корпорациям, количество земли, приобретаемой иностранными капиталистами и помещиками, просто поражает воображение. Ирландия сегодня стонет под игом угнетения, и пройдет не так много лет, прежде чем американский арендатор, стоя на коленях, также посмотрит в хмурое лицо своего хозяина и признает свою покорность". Ниже перечислены некоторые из иностранных землевладельцев Америки и размеры их владений, выраженные в акрах.

Английский синдикат, № 3, в Техасе	3,000,000
Голландская земельная компания, Нью-Мексико	4,500,000
Сэр Эдвард Рид и синдикат во Флориде	2,000,000
Английский синдикат, Миссисипи	1,800,000
Маркиз Твидейл	1,750,000
Филипс, Маршал и Ко, Лондон	1,300,000
Немецкий синдикат	1,100,000
Англо-американский синдикат, президент мистер Роджерс, Лондон	750,000
Байрон Х. Эванс, Лондон, в Миссисипи	700,000
Герцог Сазерленд	425,000
Британская земельная компания, Канзас	320,000
Уильям Уолли, член парламента, Питерборо, Англия	310,000
Миссурийская земельная компания, Эдинбург, Шотландия	300,000

Роберт Теннант, Лондон	230,000
Земельная компания Данди, Шотландия	247,000
Лорд Данмор	120,000
Бенджамин Ньюгас, Ливерпуль	100,000
Лорд Хоутон, Флорида	60,000
Лорд Данрейвен, в Колорадо	60,000
Английская земельная компания, во Флориде	50,000
Английская земельная компания в Арканзасе	50,000
Альберт Пил, член парламента, Лестершир, Англия	10,000
Сэр Дж. Л. Кей, Йоркшир, Англия	5,000
Александр Грант, Лондон, Канзас	35,000
Английский синдикат (представленный компанией Closs Bros.) Висконсин	110,000
М. Эллерхаузер, из Галифакса, Новая Шотландия, в Западной Вирджинии	600,000
Шотландский синдикат во Флориде	500,000
А. Бойсен, датский консул, в Милуоки	50,000
Миссурийская земельная компания из Эдинбурга, Шотландия	165,000
Всего	20,747,000

Комментируя эти поразительные цифры, газета *"Нью-Йорк (Дейли) Уорлд"*, одна из самых информированных газет того времени, пишет

Захватчик земли - это не гриб, выросший в девятнадцатом веке. Впервые он появился среди англоязычных народов более восьми веков назад. Везде, где его нога находила место, за ним следовали нищета и ее следствие - преступность. На Британских островах он известен как акрократ. Поскольку он распространил свою деятельность из родной страны на нашу собственную свободную землю, его захват земель должен быть рассмотрен под микроскопом истории аналитически, беспристрастно и правдиво.

Неестественный иностранец грозит нам иными опасностями, нежели те, которые мог бы создать наш коренной американский землевладелец. Британский акрократ, владеющий недвижимостью в этой стране, верит в раковую опухоль английской монархии с ее отвратительной летописью, насчитывающей почти тысячу лет. Он принимает традицию наследственной палаты лордов, состоящей из изнеженных и наигранных потомков самых тиранических и распутных негодяев, которых когда-либо порождала Европа, и он останется английской голубой кровью во всех мыслях и действиях, что не может не привести к появлению в свободной Америке и на его собственных акрах здесь такого же нищего класса крестьян, какой сейчас прокликает Великобританию и Ирландию.

Английская "верхушка" представлена в недавних покупках американских земель одним герцогом, одним маркизом, двумя графами, бароном, двумя баронетами и двумя членами парламента. Британскому герцогу принадлежит 425 000 акров; маркизу - 1 750 000 акров; двум графам - 160 000 акров; барону - 60 000 акров; скобе баронетов - 2 000 500 акров; а паре парламентских политиков - 860 000 акров. В остальной части земли, приобретенной нашими новыми импортными лордами

земли, правящие акреократы Англии, в основном представлены в своих 20 941 666 акрах.

В американском обществе царит невежество в отношении того, каким образом британские землевладельцы получили свою собственность. Достаточно того, что у "моего люда" есть ручка к его имени, и дрянная демократия Мюррей-Хилла будет его потчевать и потчевать, и, возможно, за его титул женит его на какой-нибудь милой, чистой и доброй американке, чья последующая жизнь будет чистилищем для нее и взаимным страданием для обоих.

Но земля, которой владеет иностранец в Соединенных Штатах, - это всего лишь рогатка. Он одиозен не потому, что он иностранец, а только потому, что он является представителем, с одной стороны, одиозной земельной системы Старого Света, а с другой - тех монархических идей, которые сделали огромное количество европейского народа безвольными рабами, поставив его на грань отчаяния и голодной смерти. Архимед, иллюстрируя огромную силу точки опоры, объяснил, что если бы ему было где стоять, он мог бы сдвинуть с места весь мир. Британская сухопутная акула, закрепившись на земле, обладает тем местом, о котором тщетно вздыхал грек, и никто не скажет, что он не двигает мир; и он будет продолжать двигать его до тех пор, пока мир не начнет двигать его.

Иностранная сухопутная акула все еще находится в младенческом возрасте. У нас есть местная сухопутная акула, чья пасть настолько вместительна, что хищный аппетит никак не поспевает за ее молниеносным пищеварением. Конгрессмен Уильям Стил Холман из Индианы, один из самых чистых государственных деятелей нашего времени и один из наиболее осведомленных людей в стране по вопросу об уступке прав собственности и передаче этих прав корпорациям и синдикатам, недавно заявил на заседании Палаты представителей в ходе обсуждения законопроекта об ассигнованиях на почтовые отделения:

Справедливо ли и правильно ли требовать от железных дорог, получивших земельные гранты, перевозить вашу почту по 50 процентам от тарифов, которые вы платите корпорациям, чьи железные дороги были построены частным капиталом? Я считаю, что да. Я считаю, что это либерально и более чем либерально, если учесть стоимость общественного богатства при строительстве этих железных дорог. Я представляю таблицы железных дорог, построенных по системе земельных грантов, составленные на основе официальных отчетов, и они показывают совокупную площадь в 218 386 199 акров, из которых 192 081 155 акров были предоставлены в период с 30 июня 1862 года по 4 марта 1875 года, совокупная длина железных дорог, для которых были предоставлены гранты, составляет 20 803 мили, 13 071 миля независимо от 7 732 миль Тихоокеанских дорог; А отчеты Почтового департамента показывают, что в прошлом году правительство заплатило за 11 588 56 миль железных дорог, предоставленных по земельным грантам, независимо от системы Юнион Пасифик и большого количества утраченных грантов, 1 144 323 долл.91 на почтовую службу. Поразительным фактом является то, что в процессе постепенного развития этих грантов, как бы велики они ни были, они все равно раздуваются в своих пропорциях. В прошлом я уже указывал на поразительные расхождения в официальных отчетах об этих грантах, и сейчас, как и тогда, могу лишь сказать, что в таких огромных грантах несколько миллионов акров в ту или иную сторону не имеют никакого значения.

И снова:

Есть и другие гранты, которые я не включил ни в одну из вышеприведенных таблиц, где при строительстве железной дороги не было вырыто ни лопаты земли, однако эти земли изъяты из заселения и на них претендует корпорация, хотя гранты уже давно утратили силу. О лишении этих грантов, разумеется, будет объявлено. Из всех этих грантов более 109 000 000 акров, включая более 16 000 000, которые Палата представителей уже объявила конфискованными, вне всяких разумных сомнений, являются конфискованными, и объявления Конгрессом об этом конфискации требуют самые высокие соображения общественной политики, честности и справедливости по отношению к народу. Даже в той мере, в какой эти железные дороги, перечисленные в первой таблице, были завершены, вы заплатили им, как я показал, в прошлом году 1 144 323,91 долларов за перевозку ваших почтовых отправлений. Этот законопроект позволит этим дорогам, в той мере, в какой они имеют право на предоставленные земли, включая Тихоокеанскую систему, ежегодно экономить в казне, я думаю, около миллиона долларов, а возможно, и больше.

Исходя из вышеизложенного заявления о земельных грантах корпорациям, мистер Холман рисует следующую картину того, что может сделать народ, когда он будет полностью информирован и осознает, до какой степени его разорили неверные слуги в конгрессе:

Богатство, которое строит дворцы, подрывает основы свободного правительства и вырывает из сердца труда крик отчаяния! В условиях, когда государственные земли истощены, когда остатки индейских племен лишены своих резерваций, когда земли захвачены капиталистами и безжалостными спекулянтами (за исключением тех случаев, когда вы заранее заложили их железнодорожным корпорациям), когда земли повсюду подорожали до недостижимости для трудящихся, когда надежда на лучшую судьбу и независимые дома угасает в сердцах трудящихся, когда люди полностью осознают, как плохо вы поступили с ними своим законодательством, можно ли надеяться на мирный порядок в обществе, как в старые времена? Меня не удивляет, что джентльмены считают этот ранний час подходящим для того, чтобы настаивать на политике большого флота; он придет, если и придет, то в естественном порядке, раньше, чем большая армия. Капитал робок и полон предложений; флот - самое отдаленное, но я не удивлен, что то тут, то там появляются намеки на то, что ваша армия слишком мала. Это тоже может быть одним из горьких плодов ваших имперских грантов. Боюсь, что очень скоро станет ясно, что, когда вы разрушите сами основы безопасности и надежды, на которых так долго покоился труд, прежнего покоя и мирного порядка больше не будет. Джентльмены не должны забывать, что несправедливость, которую причинили трудящимся и их детям, передав их естественное наследство проклятой монополии, в свое время будет рассмотрена самым разумным сообществом трудящихся, когда-либо обсуждавшим общественные проблемы, - людьми, полностью осознающими свои права и способными их отстаивать.

Но иностранная земельная акула и корпоративная земельная акула теряют свою значимость на фоне индивидуальной земельной акулы. Каждая деревушка, каждый городок, город и штат в Союзе находятся в руках индивидуального землевладельца. Начав двести пятьдесят лет назад, как первопроходец, со своей киркой на плече, он неуклонно рос в размерах и значении, так что сегодня в его руках судьбы Республики и жизни его сограждан. Его громада стала мастодонтской, а его влияние удесятило энергию народа. Более абсолютный, чем железный принц Германии, он не платит налогов; он ограничивает

производство не потребностями населения, а спросом рынка, причем в таких размерах, которые он может выжать из кричащих нужд народа с помощью "корнеров"; он регулирует колеса правительства, государственного и федерального, и диктует народу, делая его голодным и голым.

Мы стоим только на пороге государственного существования; нация, по сравнению с охрипшими от времени содружествами Европы, родилась только вчера; но, приняв в самом начале систему, которая ускорила падение Рима после того, как он распространил свою власть на весь известный мир, мы уже слабы и истощены. Монополия отучила людей, и они бредут к могиле, умирая от голода в результате грабительской системы, почти слишком прозрачной, чтобы требовать подробного разъяснения со стороны добросовестного писателя по экономическим вопросам. Подавленные стоны трудящихся масс доносятся до нас со всех концов земли и вырываются наружу с такой яростью, что вся полицейская власть оказывается почти не в состоянии их сдержать. Газеты ежедневно сообщают об отчаянном положении, в которое страну привели алчность и невежество законодателей и паразитические махинации банды, укоренившейся в почве страны.

Огонь революции вливается в *Magna Charta* наших свобод, и никакая человеческая сила не в силах предотвратить ужасное извержение, которое в конце концов обрушится на нас, как Везувий обрушился на Геркуланум и Помпеи. Слишком поздно для Америки, чтобы вовремя проявить мудрость. "Жребий брошен".

ГЛАВА XVI

Заключение

[Вернуться к оглавлению](#)

Я знаю, что у писателей, пишущих на экономические темы, не в моде говорить правду, но правду нужно говорить, хотя она и убивает. Когда вопль беды охватывает мир, человек, связанный "прикосновением природы", которое "делает весь мир родным", с общей судьбой расы, ненавидящий несправедливость, где бы она ни подняла голову, сочувствующий страждущим, слабым и беззащитным во всех уголках земного шара, морально обязан говорить правду так, как он ее понимает.

В наше время, когда законотворческая и правоприменительная власть объединена против народа; когда крупные периодические издания - ежемесячные, еженедельные и ежедневные - озвучивают мандаты или предвосхищают желания могущественных людей, которые порождают нашу социальную деморализацию, становится необходимым для тех немногих, кто не согласен с выдвигаемыми аргументами или интересами, которые стремятся поддержать, "кричать громко и не жалеть". Человек, который, владея правдой, льстит лжи, чтобы "бережливость следовала за наглостью", слишком гнусен, чтобы заслужить презрение честных людей.

Правительство Соединенных Штатов конфисковало в качестве "военного контрабандного товара" рабов Юга, но оставило в распоряжении нераскаявшихся мятежников гораздо более ценный вид собственности. Раб, скоропортящееся богатство, был конфискован в пользу правительства и затем манумирован; но земельная собственность, богатство, которое не погибает и не улетает и которое сделало возможным институт рабства, было оставлено в

наследство грабителю, который без колебаний поднял свою иконоборческую руку против свобод своей страны. Барон феодальной Европы был бы парализован изумлением перед снисходительностью захватчика, который должен был отнять у него раба, подверженного мутации, и оставить ему земельные владения, неизменные, как Вселенная природы. Более выгодной уступки он бы не попросил. Но Соединенные Штаты взяли раба и оставили то, что породило *рабство движимого имущества* и что сейчас быстро порождает *промышленное рабство*; рабство, более мучительное в своих требованиях, более безответственное в своих махинациях, чем то другое рабство, которое я когда-то пережил. Рабовладелец должен был, чтобы сохранить ценность своей собственности, кормить, одевать и содержать ее, а также оказывать ей надлежащую медицинскую помощь, когда болезнь или несчастный случай угрожали ее жизни. Но промышленное рабство не требует такой заботы. Новый рабовладелец заботится лишь о том, чтобы получить максимум труда за минимум затрат. Он не считает человека сколько-нибудь значимым, когда тот больше не может производить. Заработав его до смерти или разрушив его конституцию и лишив его труда, он выставляет его на улицу, чтобы он жил на милостыню человечества или умер от невнимания и голода. Он знает, что ему не выгодно тратить время и деньги на неполноценного промышленного раба. Множество рабочих, из которых он может набрать необходимую ему рабочую силу, настолько огромно, что забота о том, чтобы хоть один из них оказался на обочине, была бы безвозмездной тратой человечности и милосердия, которых мир слишком эгоистичен и материалистичен, чтобы ожидать от него. Здесь он создает богатство и смерть одновременно. Он не мог бы этого сделать, если бы наша социальная система не предоставляла ему монополию на землю, из которой должно добываться пропитание, потому что промышленный раб, получив равную возможность производить для себя, не будет производить для другого. С другой стороны, крупные промышленные предприятия с множеством рабочих, от которых, по словам Адама Смита, богатеют работодатели, в той мере, в какой это относится к почве, были бы невозможны, поскольку огромный объем возросшего производства, вызванный промышленностью множества равноправных мелких фермеров, настолько снизил бы себестоимость продуктов питания, что уничтожил бы стимул к спекуляции ими, и в то же время полностью исключил бы необходимость или возможность голода, подобного тем, которые время от времени обрушивались на ирландский народ. При естественном ходе вещей не может быть голода, если у всех есть возможность обрабатывать столько земли, сколько они могут, везде, где они находят землю, которая еще не обрабатывается кем-то другим. Не нужно напрягать воображение, чтобы понять, какую поразительную тенденцию имело бы объявление о том, что вся свободная земля свободна для заселения при условии ее обработки, к депопуляции перенаселенных городов, таких как Нью-Йорк, Балтимор и Саванна, где так называемое давление населения на средства к существованию привело к рукопашной борьбе наемных рабочих за существование во всех отраслях промышленности.

Это не причудливая картина. Это простой, логичный вывод о том, к чему приведет возвращение людям равных шансов в жизненной гонке, которых каждый человек вправе ожидать, требовать и требовать в качестве условия своего членства в организованном обществе.

Тот, кто запустил идею "сорока акров и мула" среди чернокожего населения Юга, был мудрым дураком; мудрым в том смысле, что он провозгласил принцип, который должен был продиктовать любой аргумент здравой политики, *при условии, что сорок акров ни в коем случае не могут быть отчуждены* и что они могут рассматриваться как *собственность только до тех пор, пока они обрабатываются*; а дураком потому, что он намеревался просто навязать доверчивость и невежество своих жертв. Но справедливость дарения

"сорока акров" не может быть оспорена. Во-первых, раб заслужил это жалкое пособие от правительства двумя сотнями лет безответного труда; а во-вторых, как свободный человек, он по своей природе имел право на такое количество земли своей страны, которого было бы достаточно для поддержания навязанной ему свободы. Сказать ему, что он свободный человек, и в то же время закрыть ему свободный доступ к земле, на которой он вырос, без единого пенни в кармане и с армией детей за плечами - некоторые из детей его предполагаемой жены были незаконнорожденными отпрысками бывшего бесчеловечного хозяина, - значит добавить оскорбление к оскорблению, смешать сироп с иссопом, превратить в проклятия притворное дарование благословений.

Когда я думаю об абсолютно нищенском состоянии цветного населения Юга к моменту окончания Восстания; когда я вспоминаю о моральном и интеллектуальном отчуждении, которое производило в них рабство; когда я вспоминаю, что они были не только банкротами, но и абсолютно и безоговорочно отрезаны от земли, не имея на нее никаких прав и титулов, я удивляюсь - не тому, что они уже получили приличный кусок земельных интересов; не то, что они с жадностью ухватились за преимущества нравственного и интеллектуального развития, предоставленные им благотворительной филантропией добрых мужчин и женщин; не то, что они купили дома и снабдили их предметами удобства и комфорта, часто роскоши, - но я удивлен, что эта раса не превратилась в грабителей и разбойников и, в свою очередь, не стала терроризировать и грабить общество, как общество так долго терроризировало и грабило их. Вещь странная, удивительная, феноменальная в высшей степени. Вместо того чтобы стать преступниками, как, казалось бы, следовало из критического состояния, чернокожие Юга *принялись за работу*, чтобы улучшить свое собственное положение и состояние страны, искалеченной разрушениями междоусобных восстаний; *В то время как белые люди Юга, капиталисты, земельные акулы, бедные белые отбросы и неприкаянные, с тысячелетней христианской цивилизацией и культурой за плечами, с "рыцарской гордостью, пышностью власти", эти белые подонки, которые навязали миру идею, что они являются образцами добродетели и небесными наместниками гражданской власти, Организовавшись в банду преступников, чья цепочка сообщников пролегла через весь Юг, они намеренно стали убивать невинных мужчин и женщин по политическим мотивам и систематически лишать их честного труда, потому что они были слишком ленивы, чтобы трудиться самим.*

Но это крайне ненормальное, неестественное положение вещей быстро проходит. Белый человек, утвердив свое превосходство в вопросах убийства и грабежа, уселся на бочку с динамитом, как это было во времена рабства, и будет ждать взрыва с той же фатумностью и самоудовлетворением, которые были свойственны ему в другие дни. Но поскольку конвульсии изнутри более сильны и разрушительны, чем конвульсии извне, поскольку они более глубоки и, следовательно, более труднодостижимы, следующий взрыв будет более катастрофическим, более масштабным по своим разрушениям, чем тот, который привел к метаморфозам социальных условий на Юге и от ужасной реакции которого мы только сейчас оправляемся.

Как я уже говорил в другом месте, будущая борьба на Юге будет вестись не между белыми и черными, а между капиталом и трудом, помещиком и арендатором. Уже сейчас когорты готовятся к бою; уже сейчас силы выходят на поле боя под звуки лозунга.

На южной земле развернется та же битва, которая готовится в других штатах, где условия более древние, но не более глубокие, не более пагубные, не более пагубно влияющие на промышленность страны и рост народа.

В мои задачи не входит подробный анализ основ, на которых зиждется наша земельная система, а также изложение своих взглядов на то, как можно исправить ситуацию. Возможно, я займусь этим вопросом в будущем. Для моей цели достаточно указать на то, что социальные проблемы Юга, по мере того как они все больше и больше отшелушиваются в результате войны, окажутся такими же, как и в любой другой части нашей страны; и указать на то, что вопросы "расы", "состояния" "политики" и т. д. будут должным образом урегулированы с ростом благосостояния, образования и забвения несчастного прошлого.

Близится час, когда трудящиеся классы нашей страны, на севере, востоке, западе и юге, поймут, что у них *общее дело, общая человечность и общий враг*; и поэтому, если они хотят одержать победу над неправдой и возложить лавровый венок на торжествующую справедливость, без различия расы или прежнего состояния *они должны объединиться!* И они объединятся, ибо "товарищеское чувство делает нас удивительно добрыми". Когда вопрос будет решен правильно, богатые, будь то черные или белые, окажутся на одной стороне; и бедные, будь то черные или белые, окажутся на одной стороне.

Необходимость не знает законов и не делает различий ни в пользу человека, ни в пользу расы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Вернуться к оглавлению](#)

Я прилагаю к этому тому часть показаний мистера Джона Колдуэлла Кэлхуна, поскольку он с одинаковой справедливостью отнесся к расовой и трудовой проблеме в той части страны, где он является крупным землевладельцем и работодателем рабочей силы.

Показания мистера Кэлхуна были даны перед Комитетом по образованию и труду Сената Блэра и содержатся в отчете Комитета "*Отношения между трудом и капиталом*". (том II, стр. 157).

Нью-Йорк, *четверг, 13 сентября 1883 г.*

труд на юго-западе

Джон Колдуэлл Калхун приведен к присяге и допрошен

Председателем:

Вопрос. Где вы проживаете?

-Ответ. В округе Чикот, штат Арканзас.

Q. Сообщите, пожалуйста, комитету, где вы родились, к какой семье принадлежите и каковы были ваши возможности познакомиться с прошлым и нынешним состоянием сельскохозяйственного труда в южных штатах.

-А. Я родился в округе Маренго, штат Алабама. Мой отец до войны был там плантатором.

Q. Он был сыном Джона К. Кэлхуна, государственного деятеля?

-А. Он был сыном мистера Джона К. Кэлхуна из Южной Каролины.

Q. Значит, вы его внук?

-А. Да, сэр, я его внук. Моим отцом был полковник Эндрю П. Кэлхун. Я вырос в Южной Каролине. В 1854 году мой отец переехал со своих плантаций в Алабаме на Форт-Хилл, Южная Каролина, недалеко от Пендлтона, где я и вырос. Я был связан с сельскохозяйственными интересами Юга с самых ранних воспоминаний, и сам был практическим плантатором хлопка со времен войны, уделяя личное внимание своим интересам с 1869 года.

Q. Когда вы переехали из Южной Каролины?

-А. Я переехал из Южной Каролины в округ Чикот, штат Арканзас, в 1869 году.

Q. До 1869 года вы проживали в Южной Каролине?

-А. Да, сэр.

Q. И, конечно, хорошо знали положение дел на Атлантическом побережье. С этого времени вы находитесь в долине Миссисипи?

-А. Да, сэр; мой опыт работы с хлопковыми плантаторами и рабочими Юга подтверждается, могу сказать, почти полностью долиной Миссисипи, поскольку я покинул Южную Каролину так скоро после войны, что дела там едва успели наладиться, чтобы я мог составить точную оценку труда или состояния дел в Южной Каролине или на Атлантическом побережье.

Председатель. Не будучи лично знаком с мистером Кэлхуном и зная о его редких возможностях дать ценную информацию комитету, а также о его присутствии в городе, я направил ему письмо, обратив внимание на предмет, по которому мы хотели бы получить информацию, и который, как я имел основания думать, он может дать нам лучше, чем кто-либо другой, указав некоторые вопросы, на которые я хотел бы, чтобы он был готов ответить, и получив вежливый ответ, выражающий готовность оказать комитету услугу, я вызвал его в комитет и сейчас зачитаю вопросы: - 1.

1-е. Каково состояние рабочих в вашей секции?

2d. По какой системе работают рабочие в вашей секции?

3d. Сколько платят, когда нанимают за зарплату?

4-е. Как распределяется между трудом и капиталом их совместное производство, когда вы работаете на паях?

5-е. При аренде какое разделение происходит?

6-е. Сколько часов работают рабочие?

7-е. По какой системе вы работаете?

8-е. Какие отношения существуют между плантаторами и их работниками?

9-е. Какова опасность забастовок?

10-е. Как можно наилучшим образом удовлетворить интересы рабочих вашего участка?

Если вы подготовили ответы на эти вопросы и можете дать их последовательно, я хотел бы, чтобы вы это сделали. Свидетель. Я подготовил ответы, чтобы сэкономить время комитета и изложить свои мысли.

Q. 1. Каково состояние рабочих в вашей секции?

-А. Рабочие в долине Миссисипи занимаются сельским хозяйством. Но белых мало; они быстро становятся землевладельцами или арендаторами. Ваш вопрос, таким образом, сводится к следующему: "Каково состояние негров? Я бы сказал, что оно хорошее, по сравнению с тем, что было несколько лет назад, и улучшается. Вы должны помнить, что прошло всего 18 лет с тех пор, как негры вышли из рабства, не имея ни доллара, ни образования, и что на протяжении многих поколений их учили полностью полагаться на других в вопросах руководства и поддержки. Поэтому они сразу же стали легкой добычей беспринципных людей, которые использовали их для своего личного обогащения, подвергались любому дурному влиянию и годами не замечали, как их обманывают. Они были ленивы и расточительны и охотно покупали в кредит все, что им продавал плантатор или купец. У плантатора не было ничего, кроме земли, которая вместе с выращиваемым урожаем обычно закладывалась под аванс. Если он отказывался потакать своим рабочим в экстравагантных привычках в течение года, выдавая им кредиты на товары, не являющиеся абсолютно необходимыми, его действия рассматривались как веские основания для того, чтобы они бросили работу, и находились те, кто всегда был готов использовать это как аргумент, чтобы настроить негров против собственников. Это, конечно, в значительной степени деморализовало страну, и только в последние несколько лет негры осознали свое истинное положение и стали работать, чтобы обеспечить себя и свои семьи. Еще многое можно улучшить, но они будут улучшаться по мере того, как будут набираться опыта и становиться уверенными в себе.

Учитывая их состояние после освобождения и дурное влияние, которому они подвергались, даже то небольшое продвижение, которого они добились, кажется удивительным.

Q. 2. По какой системе работают рабочие в вашей секции?

-А. Есть три метода: мы нанимаем за зарплату, за часть урожая или арендуем.

Q. 3. Что выплачивается при найме за зарплату?

-А. При месячном найме мы платим неквалифицированным полевым рабочим от 10 до 20 долларов в месяц и питание. При найме на день, для неквалифицированных рабочих, от 75 центов до 1 доллара. Бригадирам - 1 доллар в день и питание. Ремесленникам - от 2 до 5 долларов. В дополнение к зарплате и питанию рабочим бесплатно предоставляются дом, топливо и садовый участок площадью от половины до одного акра, а также повозки и упряжки для перевозки топлива и припасов и пастбища, где есть скот и свиньи, которых они поощряют разводить.

Q. 4. Какое разделение происходит между трудом и капиталом в их совместном производстве, когда вы работаете на паях?

-А. Я сомневаюсь, что в какой-либо части света существует большая либеральность по отношению к рабочим, чем та, что проявляется при этой системе. Собственник предоставляет землю и дом, включая жилье, конюшни и пристройки, платит налоги, производит все необходимые улучшения, следит за ремонтом и страхованием, бесплатно предоставляет место для сада, топливо, пастбище для скота, принадлежащего рабочему, разрешает использовать свои упряжки для перевозки топлива и семейных вещей, предоставляет мулов или лошадей, повозки, снасти, орудия труда, корм для упряжек, необходимые машины для обмолота, короче говоря, все расходы по выращиванию урожая и подготовке его к продаже, а затем делит поровну всю валовую выручку с рабочими. В дополнение ко всему этому

владелец часто закладывает свою недвижимость, чтобы получить средства для авансирования поставок рабочим на их часть урожая, который еще предстоит вырастить, тем самым закладывая то, чем он фактически владеет, и получая еще не существующее обеспечение, которое зависит не только от превратностей времени года, но и от верности самих рабочих. При такой системе бережливые и трудолюбивые работники должны были бы вскоре стать землевладельцами. Но из-за лени негры, за исключением тех мест, где ими очень разумно управляют и поощряют, не используют возможности, которые им предоставляются для выращивания предметов первой необходимости. Они бездельничают все время, которое не требуется для производства и сбора кукурузы и хлопка, и нерационально тратят остатки, которые остаются после уплаты выданных им авансов.

Q. 5. При сдаче в аренду какое деление происходит?

-А. Если рабочий владеет собственными упряжками, механизмами и орудиями труда, необходимыми для сбора урожая, он получает две трети или три четверти урожая, в зависимости от качества и местоположения земли.

При арендной системе, когда рабочий ответственен и владеет своей бригадой и т. д., первоклассная земля сдается ему в аренду за 8 или 10 долларов за акр. Вместе с землей он получает определенные привилегии, например, те, что были перечислены выше.

Q. 6. Сколько часов работают рабочие?

-А. На этот вопрос чрезвычайно трудно ответить. При системе оплаты труда - от восхода до заката, с перерывом на обед от полутора до трех часов, в зависимости от времени года.

При доленой или арендной системе много времени теряется; например, они вообще редко работают в субботу, а поскольку земля плодородна, и заработать на жизнь можно на гораздо меньшем участке, чем может обработать рука, они обычно выбирают на треть меньше, чем должны, и можно с уверенностью сказать, что треть времени, которое мог бы использовать и использовал бы трудолюбивый работник, тратится на рыбалку, охоту и безделье.

Q. 7. По какой системе вы работаете?

-А. Мы вынуждены принимать все системы, о которых говорилось выше. Однако мы предпочитаем систему арендаторов. Мы хотим сделать мелких фермеров нашими работниками и подтянуть их, насколько это возможно, до уровня мелких белых фермеров. Но это можно сделать только постепенно, потому что большая часть негров не имеет никакой личной собственности. Мы не можем позволить себе продавать мулов, орудия труда и т. д., когда у рабочего нет ничего. Поэтому в первый год мы заключаем с ним договор о работе по системе половинной доли и требуем, чтобы он засеивал часть обрабатываемой им земли кукурузой, сеном, картофелем и т. д. За эту часть мы взимаем с него разумную арендную плату, которая выплачивается из его части хлопка, выращенного на оставшейся части. Таким образом, все собранные запасы принадлежат ему, и в конце первого года он, если будет трудолюбив, окажется обладателем достаточного количества запасов, чтобы содержать и кормить мула. Затем мы продаем ему мула и инвентарь, сохраняя, разумеется, право залога до уплаты. В конце второго года, если ему не повезет и он не полностью расплатится, мы переносим остаток на следующий год и таким образом постепенно делаем из него арендатора. Мы всячески поощряем его быть экономным, трудолюбивым и благоразумным, окружать свой дом удобствами,

разбить фруктовый сад и огород, выращивать собственное мясо и держать собственных коров, для которых у него есть бесплатный выпас. Наша цель - как можно больше привязать его к дому. По какой бы системе мы ни работали, мы требуем от рабочего, чтобы часть его земли была засеяна продовольственными культурами, а остальная часть - хлопком, чтобы платить за аренду и давать ему свободные деньги. Мы считаем эту систему наилучшей для его развития. Признавая его гражданином, мы считаем, что должны сделать все возможное, чтобы приспособить его к обязанностям гражданина. Мы считаем, что нет лучшего способа сделать это, чем заинтересовать его в производстве земли, окружить его домашним комфортом и возложить на него ответственность за его бизнес. Кто станет лучшим гражданином или рабочим - тот, кто отправляется в дом с недельным пайком, потраченной зарплатой, женой и детьми, отданными в наем, или тот, кто возвращается в дом, окруженный обычными удобствами, а жена и дети помогают ему наслаждаться продуктами их совместного труда? Мы понимаем, что ни одна страна не может быть процветающей, если не процветают фермеры. В соответствии с нашей системой мы стремимся к тому, чтобы наша собственность обрабатывалась надежными арендаторами, которые смогут всегда платить арендную плату и иметь излишки.

Опять же, большая часть урожая хлопка в стране производится мелкими белыми фермерами. Они в значительной степени выращивают собственные запасы, и делают хлопок избыточным урожаем. Число таких фермеров будет расти год от года. Очевидно, что крупные плантаторы не могут позволить себе нанимать рабочую силу и конкурировать с теми, чей хлопок не стоит ничего, кроме затрат собственных сил и энергии. Естественным следствием такого положения вещей является то, что негр, если он хочет процветать, должен постепенно стать мелким фермером, либо арендатором, либо владельцем земли, и смотреть на хлопок как на прибавочный продукт.

Q. 8. Какие отношения существуют между плантаторами и их работодателями?

-А. Дружеские и гармоничные. Плантатор заинтересован в благополучии своих рабочих, а те, в свою очередь, обращаются к нему за советом и помощью.

Q. 9. Какова опасность забастовок?

-А. Очень мало. Как правило, рабочие заинтересованы в производстве земли, и забастовка была бы для них столь же губительна, как и для собственников. Конфликт между трудом и капиталом действительно очень мал. Конфликт в моей секции, если таковой возникнет в будущем, примет форму не труда против капитала, а расы против расы.

Q. 10. Как можно наилучшим образом удовлетворить интересы рабочих вашей секции?

-А. Путем создания штатами промышленных школ, полного исключения из федеральной политики так называемого негритянского вопроса, оставив его решение на время, и сокращения налогообложения, как косвенного, так и побочного. Примечательно, что благоустройство моего района шло *параллельно* с прекращением агитации по расовым вопросам. Рабочие наравне с землевладельцами пользуются преимуществами

улучшения, и есть все основания ожидать роста и постоянного процветания, если все вопросы между землевладельцами и их рабочими на нашем участке будут оставлены на усмотрение естественного регулирования спроса на труд. В течение многих лет негры считали себя подопечными федерального правительства, и хорошо бы им понять, что им нечего ждать от федерального правительства, как и белому человеку, и что, как и у него, их будущее зависит от их собственной энергии, промышленности и экономии. Это не может вызвать никаких трудностей. Постоянный спрос на рабочую силу обеспечивает им самую надежную защиту. Ничто, вероятно, не будет так способствовать их процветанию, как снижение тарифов. Они не производят никаких защищенных товаров.

Обременительное бремя тарифа, естественно, тяжелее всего ложится на тех, кто является крупным потребителем защищенных товаров и производит только основные товары, зерно и хлопок, которые составляют основу нашей экспортной торговли и которые, в силу своей природы в этой стране, не могут получить никакой защиты от тарифа.

Q. В вашем собственном штате, Арканзас, какая часть обрабатываемой земли и какая доля площадей обрабатываемой земли находится в форме крупных плантаций?

-А. Та, что лежит вдоль рек Миссисипи и Арканзас. Мне трудно оценить пропорции. Не знаю, задумывался ли я когда-нибудь об этом, но те части, которые возделываются на больших плантациях, лежат непосредственно на реке Миссисипи перед штатом Арканзас и на реке Арканзас. Остальная часть штата в значительной степени обрабатывается мелкими белыми фермерами.

Q. А продукция мелких и крупных хозяйств одинакова; я спрашиваю, в частности, о хлопке?

-А. Нет, сэр. Во внутренних районах штата хлопок - это исключительно избыточная культура.

Q. Какие основные культуры там выращиваются?

-А. Наши люди выращивают свои собственные продукты, фрукты и овощи. Например, несколько недель назад на встрече с общественностью в Литл-Роке земельный агент железной дороги Айрон-Маунтин заявил, что эта дорога вывезла из штата Арканзас за неделю 800 000 фунтов зеленого горошка и клубники.

Q. На какой рынок?

-А. В Сент-Луис, на разные рынки. Часть штата, лежащая между Литл-Роком и Форт-Смитом, особенно приспособлена для выращивания фруктов, и здесь ведется очень большая торговля фруктами.

Q. Какие виды фруктов?

-А. Я бы сказал, почти все виды, но особенно яблоки; эта часть страны славится своими яблоками.

Q. А персики там тоже выращивают?

-А. Очень хорошие, действительно.

Q. Сливы?

-А. Да, сэр.

Q. Апельсины там выращивают?

-А. Нет, сэр; мы не выращиваем тропические фрукты, такие как апельсины, бананы и лимоны.

Q. Что касается овса, ржи, кукурузы, пшеницы, картофеля и других культур подобного рода?

-А. Если можно увидеть нашу экспозицию, которая сейчас находится на выставке в Луисвилле, то она будет выгодно отличаться от экспозиции любой другой части Соединенных Штатов.

Q. Даже с Северо-Западом?

-А. Даже с Северо-Западом.

Q. Могли бы вы сказать, что половина обрабатываемой поверхности Арканзаса приходится на крупные плантации?

-А. Нет, сэр; по приблизительным подсчетам, не более трети.

Q. Выращивается ли на этих плантациях какая-либо культура для потребления, кроме хлопка?

-А. Только в очень ограниченном количестве. Мы выращиваем ирландский картофель для северных рынков, и это чрезвычайно выгодная и продуктивная культура для нас.

Q. Какова цена на внутреннем рынке?

-А. Мы вообще не продаем этот картофель на внутреннем рынке. Мы доставляем его в Сент-Луис, Чикаго и Цинциннати до того, как земля там оттает. Мы получаем за него от 5 до 10 долларов за баррель.

Q. В бочке примерно 3 бушеля?

-А. За бочку около 3 бушелей. Это, конечно же, фантастическая цена, и она держится только до тех пор, пока товар не поступит из других источников.

Q. Это преимущество, которого нет ни у одного фермера в другом месте Соединенных Штатов, чем в Арканзасе?

-А. В Арканзасе и Луизиане, на реке Миссисипи.

Q. В Луизиане выращивают много картофеля?

-А. Да, сэр; частично. Возделывание аллювиальных земель в Луизиане очень похоже на то, о чем я говорю в Арканзасе.

Q. Выращивается ли картофель хорошего качества на этих богатых землях?

-А. Очень хорошего качества.

Q. Можете ли вы назвать средний урожай картофеля с акра?

-А. Не могу, поскольку сам никогда не выращивал картофель для продажи. Мы почти полностью оставляем это дело нашим мелким фермерам.

Q. По словам сенатора Пью, около 300 бушелей с акра. Вы говорите об ирландском картофеле, а не о сладком?

-А. Об ирландском картофеле. Мы выращиваем там и сладкий картофель. Я выращивал сладкий картофель, который весил пять фунтов.

Q. И хорошего качества?

-А. Хорошего качества.

Q. Значит, размер не ухудшает качество?

-А. Нисколько.

Q. Они, я полагаю, выращиваются для экспорта из штата?

-А. Нет, сэр; они выращиваются почти полностью для домашнего потребления нашими фермерами.

Q. Предпочитают ли ваши домашние жители сладкий картофель ирландскому для собственного потребления?

-А. Не могу сказать, что предпочитают. Думаю, они выращивают и тот, и другой в равных пропорциях.

Q. Какая культура в целом является наиболее выгодной для выращивания картофеля?

-А. Ирландский картофель, потому что мы его экспортируем и продаем. Сладкий картофель созревает только осенью.

Q. На ваших плантациях вы поощряете выращивание различных культур, о которых вы говорили, для потребления рабочими и для использования плантатором, я полагаю, но не для экспорта и продажи?

-А. Не для продажи. Мы просто выращиваем их для домашнего потребления на случай, если урожай хлопка будет уничтожен. Урожай хлопка подвержен очень многим колебаниям, и мы хотим иметь все наши запасы дома, чтобы в случае неурожая хлопка у нас был хоть какой-то заработок.

Q. Являются ли плантаторы и те, кто работает на плантациях, в значительной степени независимыми от окружающих их мелких фермеров, или же они являются потребителями для мелких фермеров во внутренних районах страны?

-А. У нас свои сады, и мы сами выращиваем продукты, но каждый плантатор заинтересован в том, чтобы найти рынок сбыта для всех продуктов своих рабочих. Например, мы поощряем их разводить домашнюю птицу в значительной степени. Если у них есть излишки картофеля, яиц или цыплят, мы покупаем их, создаем для них рынок и отгружаем эти товары, чтобы, если у них есть излишки, они могли их реализовать. На реке Миссисипи у нас есть почти все рынки. Каждый день там проходят лодки, идущие прямо по берегу реки. У нас есть рынки Нового Орлеана, Виксбурга, Мемфиса, Сент-Луиса, Чикаго, и, можно сказать, перед нами открыта вся страна, где мы можем создать рынок. Мы создаем лучший рынок, какой только можем, для продукции наших мелких фермеров.

Q. Знаете ли вы что-нибудь о ценах на Севере на различные культуры, которые вы упомянули, и если да, то как они соотносятся с ценами, которые получают ваши рабочие у себя дома?

-А. Наши рабочие знают цены на Северо-Западе. Мы отправляем им товары. Например, у негра есть несколько бочек картофеля; я отправляю их своим торговцам в Сент-Луис, и они продают их за его счет.

Q. Посредников, действительно, нет; вы ведете этот бизнес за них?

-А. Я делаю это для них напрямую.

Q. Взяв с них только стоимость транспортировки?

-А. Вы спрашиваете меня о взаимоотношениях между владельцем и негром. На реке Миссисипи очень много магазинов, и негры иногда ходят туда и торгуют напрямую. В долине Миссисипи очень много недвижимости, принадлежащей нерезидентам. Есть плантации, сданные в аренду неграм, на которых вообще нет ни одного белого человека.

Владелец приходит и забирает свою ренту в конце года, когда собран урожай; или же его негр-арендатор сдает хлопок фактору в Новом Орлеане.

Q. Где обычно проживает сам владелец?

-А. В разных штатах. У нас есть люди, владеющие недвижимостью, которые живут в Орандже, Нью-Джерси; некоторые живут в Южной Каролине; некоторые живут в Джорджии, в разных штатах, но они владеют недвижимостью у нас, и эта недвижимость сдается в аренду непосредственно неграм. Как правило, за эту недвижимость отвечает ответственный менеджер, но бывают случаи, когда на месте вообще нет белого человека.

Q. Как в таких случаях обстоят дела? Ведут ли негры дела с разумным благоразумием и учитывают ли они интересы владельцев?

-А. Нет, сэр; в таких случаях собственность обычно постепенно приходит в упадок; негр вообще не станет улучшать недвижимость.

Q. В таких случаях негры работают вместе и ведут плантацию как единое целое, или плантация разбивается на мелкие участки и сдается в аренду неграм?

-А. Она разделена на небольшие участки и сдается в аренду в зависимости от размера семьи. Некоторые мужчины работают на двух мулах, некоторые - на четырех. Это лучше регулируется количеством животных, на которых он работает. Например, один мул может с легкостью обработать в этой стране около пятнадцати акров. Человек с двумя мулами будет обрабатывать тридцать акров; человек с четырьмя - шестьдесят и так далее. Я знаю некоторых негров, которые работают на восьми и десяти мулах, за которых они заплатили; но я скажу об этом прямо здесь, и это показывает необходимость образования негра и подготовки его к тому, чтобы он мог сам о себе позаботиться, сам заключать контракты и подписывать их своим именем: Я знаю множество случаев, когда негры, работая под руководством владельца плантации, зарабатывали достаточно денег, чтобы купить себе дом; такой негр вернется на холмы, в ту часть страны, что лежит за аллювиальными землями, и купит себе дом. Через три-четыре года он снова вернется к реке, потеряв все свое имущество, заложив его какому-нибудь лавочнику, став экстравагантным, и этот лавочник за короткое время - три-четыре года, вероятно, - поглотит все, что он заработал под управлением плантатора.

Q. Насколько обширна эта система магазинов и какое большое зло она представляет собой?

-А. Она представляет собой очень большое зло, но по этой причине нельзя винить за нее кладовщика, или его можно винить лишь частично: Капитал в этой стране очень ограничен. Если учесть, что в Новом Орлеане, где собирается весь урожай хлопка, банковский капитал меньше, чем в любом из ваших маленьких городков в Массачусетсе или Нью-Гэмпшире, то сразу становится ясно, что для ведения строго законного бизнеса сельским жителям не хватает капитала, который можно было бы предоставлять под достаточно разумные проценты. Я знаю, сколько стоит капитал в Новом Орлеане, считая комиссионные, 15 или 20 процентов за ссуженные деньги. Лавочник, занимающий деньги для ведения своего бизнеса, должен в определенный момент купить свой товар у какого-то торговца, который должен получить свою прибыль. Он не может обратиться напрямую к производителю, потому что должен быть кто-то, кто поможет ему, если его капитал окажется недостаточным. Поэтому, прежде чем товар попадает к нему, он обходится ему, возможно, на 30, 40 или 50 процентов дороже первой цены. Поэтому ему приходится накручивать огромную прибыль, чтобы вывести себя на чистую воду и оплатить свои расходы, чтобы выполнить свои обязательства перед фактором в Новом

Орлеане. Однако среди определенного класса людей, как и во всех других частях страны, как и здесь, в Нью-Йорке, или в любом другом месте, существует группа людей, которые всегда будут охотиться на невежество. Лучшая защита, которую можно предоставить рабочему в этой стране, - это образование; подготовьте его к условиям жизни, чтобы он мог защитить себя сам.

Q. Хотите ли вы сказать, что эти торговцы ведут дела на заемный капитал?

-А. Почти полностью.

Q. Их капитал нанят в Новом Орлеане?

-А. Или в любом другом месте, куда они могут обратиться за этим; я просто упоминаю Новый Орлеан как один из пунктов. Некоторые наши люди занимают деньги в Мемфисе, а некоторые - в Висксбурге.

Q. Знаете ли вы, занимают ли эти люди в какой-либо степени капитал капиталистов Севера в Нью-Йорке и других частях Севера?

-А. Этот класс людей не делает этого. В последние несколько лет - я могу сказать, почти в течение последних двух лет - северный капитал начал искать инвестиции в нашей части страны, но только под закладные на недвижимость. У класса кладовщиков, о которых я говорю, как правило, вообще нет недвижимости; у них есть только их магазины.

Q. Ваша система, по которой плантатор создает рынок для излишков продукции рабочих на своей плантации, избавляет его от посредника и позволяет рабочему сэкономить, в то время как, если он отправляется в горы, то терпит убытки?

-А. Да, сэр. Я скажу более определенно: Пока он находится под руководством и заботой владельца плантации, он процветает, плантатор, как мы выражаемся в этой стране, "одалживает ему свою помощь"; мы очень выразительно говорим негру: мы одалживаем ему свою помощь, то есть он должен следовать нашим советам, и он научился это делать, и таким образом он накапливает; Но когда негр предоставлен сам себе - конечно, есть отдельные исключения, и многие негры в Арканзасе преуспевают, когда предоставлены сами себе, - но в целом, когда он оставляет руководство и заботу владельца плантации и подвергает себя, как и любой другой, обычной торговле с лавочниками, через несколько лет он теряет все, что накопил.

Q. При таких благоприятных обстоятельствах, которые окружают работника на плантации, можно подумать, что он должен накапливать деньги; но, насколько я понимаю, вы считаете, что, как правило, он довольно скуп и не накапливает. Чем вы объясняете такую нерасторопность негритянского рабочего?

-А. Это просто от недостатка правильной оценки возможностей продвижения по службе. Негры только начинают, как я выразился, осознавать ответственность за жизнь, и как только они начинают осознавать ответственность за жизнь здесь, они начинают процветать. Процветание Юга началось только в последние несколько лет, и оно начало расти как раз тогда, когда расовый вопрос прекратился. Я продемонстрирую вам это на примере небольшого абзаца, который я вырезал вчера вечером из газеты *"Нью-Йорк Геральд"*, взятого из *"Нью-Орлеан Таймс Демократ"*. Если взять оценку недвижимости в Алабаме, то в 1879 году она составляла 117 486 581 доллар; в 1883 году она оценивается в 152 920 115 долларов. За четыре года она выросла со 117 000 000 долларов до 152 000 000 долларов. Теперь возьмем штат Арканзас: в 1879 году наша недвижимость оценивалась в \$86 892 541; в 1883 году она оценивается в \$136 000 000. И далее в той же пропорции. Например, здесь показано, что в восьми южных и юго-западных штатах

стоимость налогооблагаемого имущества за короткий период в четыре года увеличилась почти на полмиллиарда долларов, то есть на 494 836 686 долларов.

Я случайно взял эту книгу в руки вчера вечером. Если бы у меня была возможность, я мог бы получить некоторые статистические данные, чтобы показать вам рост производства в этих разных штатах, и насколько полно он произошел, поскольку рабочий начал полагаться на себя и был брошен на свои ресурсы.

Q. Наблюдали ли вы за происхождением этой статистики?

-А. Они взяты из газеты "Нью-Орлеан *Таймс Демократ*". Я прочту это, чтобы они стали известны. Это из "*Геральд*" за вчерашний день:

ЮЖНЫЙ ПРОГРЕСС

Газета "New Orleans Times-Democrat" собрала из надежных источников и предоставила общественности ценные статистические данные, показывающие промышленный прогресс, достигнутый в южных штатах за последние четыре года. Эта статистика охватывает период с 1879 года - года, к которому относятся данные последней национальной переписи населения. Данные переписи свидетельствуют об удивительном материальном росте на Юге в течение предыдущих десяти лет. Но, согласно отчетам, опубликованным нашим современником из Нового Орлеана, прогресс последних четырех лет более значителен и более замечателен, чем тот, который был достигнут за десятилетие между переписными годами.

Если взять такую важную статью, как оценочная стоимость имущества, то сравнение 1879 и 1883 годов дает следующие замечательные результаты:

Штаты	Оценка 1883 года	Ставка налога	Оценка 1879 года	Ставка налога
Алабама	\$152,920,115	6½	\$117,486,581	7
Арканзас	136,000,000	7	86,892,541	6½
Флорида	56,000,000	5	29,471,648	7
Джорджия	300,000,000	2½	135,659,530	5
Луизиана	200,000,000	6	209,361,402	6
Миссисипи	116,288,810	2½	129,308,345	3½
Теннесси	252,289,873	2	223,211,345	1
Техас	500,000,000	3	304,470,736	5
Итого	1,710,498,798	4½	1,215,662,128	5

Это показывает, что в восьми южных и юго-западных штатах за короткий четырехлетний период стоимость налогооблагаемой собственности увеличилась почти на полмиллиарда долларов - 494 836 686 долларов, при этом ставка налогообложения была фактически снижена. В то же время были выделены значительные ассигнования на школы, благоустройство и другие полезные цели. "Этот удивительный прогресс в оценке, - пишет газета "*Таймс-Демократ*", - не является результатом какой-либо инфляции стоимости, это естественная последовательность огромных урожаев, развития новых отраслей промышленности, создания новых мануфактур, шахт и лесопильных заводов".

Расширение железных дорог было не менее поразительным. В 1879 году в восьми вышеперечисленных штатах было 11 604 мили железных дорог. Сейчас их протяженность составляет 17 891 миль, что свидетельствует об увеличении за четыре года на 6 287 миль. О прогрессе сельского хозяйства свидетельствует тот факт, что стоимость сырой продукции, выращенной в этих штатах, включая все сельскохозяйственные культуры, пиломатериалы, скот и шерсть, выросла с 398 000 000 долларов в 1879 году до 567 000 000 долларов в 1883 году, то есть на 169 000 000 долларов. За этот период добыча полезных ископаемых только в Алабаме увеличилась с 4 000 000 до 19 000 000 долларов, а продукция лесозаготовок в Арканзасе - с 1 790 000 до 8 000 000 долларов.

Торговля Нового Орлеана является барометром промышленности и торговли Юга. Стоимость отечественной продукции в этом городе в 1881-82 гг. составляла 159 000 000 долларов; в 1882-83 гг. она составляла 200 000 000 долларов. Стоимость экспорта отечественной продукции в зарубежные страны в первом году составила 68 000 000 долларов, во втором - 95 000 000 долларов.

Эти цифры рассказывают удивительную историю недавнего прогресса в южных штатах. Всегда богатый природными ресурсами, Юг долгое время оставался бедным из-за недостатка развития. Наконец-то он вступил в новую эру промышленной активности и теперь стремительно продвигается к стадии материального процветания, соизмеримой с его огромными природными богатствами" - *"Нью-Йорк Геральд"*, 12 сентября 1883 года.

Вот один примечательный факт, на который я хочу обратить ваше внимание, чтобы показать вам, какие возможности для труда существуют на Юге и каково состояние некоторых графств на Юге. У меня в руках книга, составленная в интересах Тихоокеанской железной дороги Джорджии, но я случайно нашел ее в своей комнате и подумал, что эти вопросы будут интересны.

Q. Какие данные вы считаете достоверными?

-А. То, что я прочитал, я думаю, взято из отчета о переписи населения; я думаю, что это надежно:

В этой связи давайте посмотрим на округ Монтгомери, штат Алабама, который, хотя и не входит в изучаемый нами пояс, находится в той же прерии, которую пересекает железная дорога Джорджия Пасифик, на краю Миссисипи. Сравните его с округом Батлер, штат Огайо, который "демонстрирует лучшие показатели среди всех округов Запада". В животноводстве Монтгомери имеет 1 748 273 доллара, Батлер - 1 333 592 доллара.

Это самый крупный округ в Огайо по сравнению с округом Монтгомери, Алабама, до войны.

В Монтгомери было 63 134 свиньи; в Батлере - 51 640. Количество забитых животных: Монтгомери - 336 915 долларов; Батлер - 318 274 доллара. По зерну Батлер был значительно впереди, но по корнеплодам лидировал Монтгомери. Монтгомери удвоил Батлера в производстве шерсти и, кроме того, собрал свой урожай хлопка. Общая стоимость урожая округа Монтгомери составила 3 264 170 долларов, а Батлера - всего 1 671 132 доллара.

Вот так округ Монтгомери, штат Алабама, сравнивается с ведущим производственным округом в Огайо.

Q. Знаете ли вы, каковы относительные размеры этих двух округов?

-А. Думаю, он был приведен здесь:

Красивый триумф для округа Алабама! И все же Монтгомери не дотягивает до среднего уровня прерийных округов Алабамы.

Я не знаю относительного размера. Вот факт, на который я хочу обратить особое внимание:

Мы изучили таблицы смертности переписи населения Соединенных Штатов за 1880 год и обнаружили, что в отношении здоровья Джорджия, Алабама и Миссисипи показывают лучшие результаты, чем некоторые из самых старых и густонаселенных северных штатов.

В целом преобладает мнение, что южные штаты очень нездоровы. Это напрямую касается нашего трудового вопроса, и по этой причине я хочу обратить особое внимание на эту таблицу, взятую непосредственно из переписи населения:

ЕЖЕГОДНЫЙ УРОВЕНЬ СМЕРТНОСТИ НА КАЖДУЮ ТЫСЯЧУ НАСЕЛЕНИЯ

Нью-Йорк	17.38
Пенсильвания	14.92
Вирджиния	16.32
Массачусетс	18.59
Кентукки	14.39
Джорджия	13.97
Алабама	14.20
Миссисипи	12.89

В Миссисипи самый низкий средний уровень смертности из всех перечисленных мною штатов.

Q. Я полагаю, следует учитывать то обстоятельство, что средний уровень смертности выше в городах, поскольку население Юга в основном сельское, не так ли?

-А. Население Юга в очень большой степени сельское - тем не менее, в Джорджии есть города, которые, я полагаю, в пропорции к нашему сельскому населению не будут превышать его. Если взять сельское население здесь и в Нью-Джерси, где вы густо населены, то в пропорции городского населения к деревенскому мы не более густо населены, чем вы здесь, я думаю.

Q. Что из населения, как правило, более здоровое на Юге - цветное или белое население?

Мистер Пью:

Q. Разница в показателях смертности между такими штатами, как Массачусетс, например, и Джорджия, должна быть несколько оговорена тем фактом, который, я полагаю, следует признать: в этих новых штатах население моложе и энергичнее, чем в старых штатах. В эти штаты эмигрировало более молодое и энергичное население, которое не так подвержено смертности, как те, кто остался позади и постарел?

-А. До этой переписи эмиграция в эти штаты была очень незначительной.

МР. Пью. Я полагаю, что в какой-то степени это факт.

Председатель. В этой же связи, я полагаю, следует учитывать тот факт, что население этих восточных штатов в значительной степени пополняется за счет иммиграции из Европы, причем более молодого и энергичного европейского населения, и я не знаю, но жители Массачусетса будут настаивать на том, что они так же молоды и так же энергичны, как и все остальные.

Мистер Пью. Я не сомневаюсь. Я видел там очень много очень старых людей.

Свидетель. Я упомянул об этом только потому, что хотел избавиться от впечатления, которое обычно складывается, что южные штаты очень нездоровы.

Мистер Пью. Я не сомневаюсь, что то, что вы утверждаете, верно как общий факт.

Свидетель. Итак, чтобы подтвердить мое утверждение о том, что благосостояние негров начало расти с прекращением расовых проблем на Юге, что стало для меня настолько очевидным, что я могу почти точно определить время, когда это началось, посмотрите на урожай хлопка, который в значительной степени производится мелкими фермерами; посмотрите на увеличение урожая хлопка в разных штатах за последние несколько лет. Например, возьмем Джорджию: в 1870 году она произвела 473 934 тюка хлопка; в 1880 году - 814 441, то есть на 75 процентов больше. Алабама в 1870 году произвела 429 482 тюка, а в 1880 году - 699 654, что на 62 процента больше. Миссисипи в 1870 году произвела 564 938 тюков; в 1880 году - 955 808 тюков, что на 69 процентов больше.

Это очень важный факт, касающийся состояния наших рабочих на Юге, и он показывает один из недостатков, с которыми нам приходилось сталкиваться. Во время войны и по ее результатам почти весь наш живой скот был уничтожен, большая его часть была уничтожена, что оставило нас после войны без средств выращивания собственного мяса и подобных запасов дома, и отняло у Юга большую часть нашего богатства, ведь мы знаем, что крупный рогатый скот, свиньи и т. д. растут в арифметической прогрессии. Если у вас есть свинья, то в этом году она принесет столько-то свиней, а через пару лет эти свиньи принесут столько-то, и так далее. Но мы остались без живого скота. У меня здесь есть таблица, которая показывает, что даже при таких трудностях в южных штатах увеличилось количество живого скота. Это очень значительные цифры. Я совершенно случайно получил их в руки вчера вечером. В 1870 году в Нью-Йорке насчитывалось 5 286 421 голов скота; в 1880 году - 5 422 238, то есть на 2 процента больше. В Пенсильвании в 1870 году было 4 484 748 голов, в 1880 году - 5 255 204, то есть на 17 процентов больше. В Джорджии в 1870 году было 2 275 137 человек, в 1880 году - 3 139 101, увеличение на 38 процентов. В Алабаме в 1870 году было 1 606 299 человек, а в 1880 году - 2 586 221, то есть на 61 процент, а в Миссисипи в 1870 году - 1 724 295, а в 1880 году - 2 398 334, то есть на 38 процентов больше. Это показывает, что при всех недостатках, с которыми Югу пришлось столкнуться из-за уничтожения поголовья скота, естественные преимущества климата и пастбищ, которым я приписываю это, существующие на Юге, позволили им увеличить поголовье скота быстрее, чем в любом другом штате Союза. Это ясно показывает преимущества, которые эта страна предлагает для иммиграции и труда. Это преимущество для труда. Как я уже говорил в своем письменном ответе на ваши вопросы, в моей части страны работает очень мало белых рабочих. Почему? Потому что они быстро становятся землевладельцами, используя открывающиеся перед ними возможности. Почти в каждом случае белый человек не проработает там более двух-трех лет, прежде чем купит и оплатит свою землю".

Председатель:

Q. И он сам становится работодателем?

-А. Он сам становится работодателем.

Q. Обычно он селится на плантациях вдоль рек?

-А. Нет, сэр; он не может купить эту землю, потому что плантатор не станет делить большую плантацию на участки; он не станет продавать часть своей земли, не продав всю.

Q. Насколько большими участками владеют плантаторы? Просто назовите площадь некоторых из них, с которыми вы знакомы.

-А. Я бы сказал, что обрабатывается от 500 до 2500 акров.

Q. Какова стоимость этих плантаций в пересчете на акр?

-А. На этот вопрос нельзя ответить определенно, разве что так: если плантатор владеет землей и не имеет долгов, то земля не продается, потому что он не может вложить свои деньги ни во что столь выгодное; но если собственность плантатора заложена, и залогодержатель хочет обратить взыскание и обратит его, а в стране нет денег, которые плантатор мог бы занять, чтобы освободиться от долга, то он, вероятно, продаст свою землю с небольшим превышением долга, чтобы хоть что-то спасти. Вы видите, что в этой стране не хватает капитала, и если плантатор попадает в такую ситуацию, как многие плантаторы после войны, он должен сделать все, что в его силах. В этой стране есть много плантаторов, которые являются лишь агентами факторов, поскольку проценты и комиссионные, которые они платят по долгу, превышают арендную плату за недвижимость, и они держатся за нее как за дом. Поэтому плантатор в таком состоянии продается по номинальной цене, в то время как плантация, находящаяся в собственности и оплаченная, не продается.

Мистер Пью:

Q. Неужели не существует установленной рыночной цены?

-А. Вообще никакой, из-за необходимости одного продавать и желания другого покупать.

Председатель:

Q. По каким ставкам за акр вы знаете, что в некоторых случаях право собственности меняется?

-А. Я знаю, что там покупали земли, включая лесные и расчищенные участки, по цене от 20 до 25 долларов за акр, что составляет, скажем, 40 или 50 долларов за акр за расчищенную землю, и я знаю, что другие плантаторы отказывались от 80 долларов за акр наличными.

Q. Считаете ли вы, что 80 или 100 долларов за акр были бы разумной ценой за эти плантационные земли?

-А. До войны они продавались по 120 долларов за акр.

Мистер Колл:

Q. Вы говорите сейчас о аллювиальных землях?

-А. Я говорю о аллювиальных землях на реке Миссисипи, расчищенных, готовых к обработке, с существующими на них улучшениями.

Председатель:

Q. Улучшенные плантации?

-А. Да, сэр.

Q. Как вы думаете, по какой цене за акр эти земли будут платить в один и тот же год 6 процентов?

-А. Лучше всего на этот вопрос ответят цифры арендной платы, которые я привел. Арендная плата, без какой-либо ответственности владельца, составляет от 8 до 10 долларов за акр.

Q. В деньгах?

-А. В деньгах. Далее я скажу, что живу в этой стране с 1869 года и еще не знал ни одного года, когда бы не было урожая, достаточного для выплаты ренты, без единого исключения.

Мистер Колл:

Q. Что остается арендатору после того, как он заплатит 10 долларов за акр?

-А. Эта земля дает в среднем 400 фунтов хлопка с акра, что по 10 центов за фунт составляет 40 долларов.

Председатель:

Q. В какой степени северный капитал пользуется возможностью инвестировать в эти плантации?

-А. Я бы сказал, что он ограничен.

Q. На основании какого факта это следует?

-А. Из того факта, что безопасность инвестиций там только-только становится очевидной для капиталистов. До сих пор капиталисты боялись ехать на Юг из-за беспокойного политического положения и этого самого расового вопроса. Человек не хочет нести свои деньги туда и вкладывать их в страну, которая может быть вовлечена в беспорядки и волнения. Сейчас эти вопросы только начинают разрешаться, и капитал начинает находить себе дорогу.

Q. Ожидаете ли вы в ближайшем или отдаленном будущем каких-либо дальнейших трудностей, связанных с расовым вопросом?

-А. Вовсе нет, и если мы будем предоставлены сами себе, то очень скоро все выровняется.

Q. Сейчас вы предоставлены сами себе, не так ли?

-А. Сейчас.

Q. Все, о чем вы просите, - это чтобы вас и дальше оставляли в покое?

-А. Просто быть предоставленными самим себе. Юг, с его природными ресурсами и преимуществами климата и почвы, чувствует, что он вполне способен позаботиться о себе и своих делах, и все, чего он хочет, - это чтобы законодательство страны, как федеральное, так и штата, было таким, которое обеспечит справедливость для всех ее граждан, как цветных, так и белых.

Q. Считает ли Юг, что все, что он должен делать, - это заботиться о себе, или же он чувствует некоторую ответственность за другие части страны?

-А. Сейчас она чувствует ответственность за эту часть страны, и это происходит по той причине, что негритянское население Юга по сравнению с белым населением Юга может быть опасным элементом, но негритянское население по сравнению со всем белым

населением Соединенных Штатов как единым целым - ничтожно мало. Поэтому те силы, которые действуют сегодня на Юге, вызывают у нас сильное чувство союза. Они прямо противоположны тем, что существовали до войны, и в сегодняшнем правительстве нет людей, которые были бы так же заинтересованы в Федеративном союзе, как жители южных штатов, и они это ценят.

Q. Вы считаете, что для вас выгодно, чтобы негритянским населением занимались сорок или пятьдесят миллионов белых, чтобы расы были сбалансированы в этой пропорции, а не в той, которая существует между ними и белым населением только Юга?

-А. Да, сэр.

Q. Значит, центральная идея Юга - это национальная идея?

-А. Центральная идея Юга сейчас в большей степени национальная идея, чем раньше в этом отношении.

Q. Я бы употребил здесь слово "ведущая", а не "центральная" - ведущая идея?

-А. Мы, конечно, утверждаем, что хотим управлять внутренними делами наших штатов так же, как Нью-Йорк, или Нью-Гэмпшир, или Массачусетс хотели бы управлять своими, но что нам необходимо иметь руководство и защиту правительства: мы хотим этого так же сильно, как и любой из этих штатов.

Q. Вы много путешествовали по Северу?

-А. Да.

Q. Какие районы Севера вы посетили за последние несколько лет?

-А. Я посетил Филадельфию, Нью-Йорк, Бостон, Хартфорд и, можно сказать, ряд других мест в штатах, где они являются главными городами.

Q. Раз уж мы заговорили о взаимных чувствах между различными частями страны, поскольку вы упомянули об отношении Юга, я хотел бы узнать у вас, исходя из ваших личных наблюдений и знаний, каково, по вашему мнению, отношение Севера к Югу?

-А. Я считаю, что оно самое доброе. Никогда в жизни ко мне не относились с большим вниманием, чем джентльмены на Востоке, которые во время войны были настроены против Юга.

Q. Я имею в виду не просто личную вежливость, а выражение чувств между секциями, общую тенденцию и дрейф чувств северян по отношению к южным районам страны, к народу Юга?

-А. Я думаю, насколько мне удалось наблюдать, что чувство востока по отношению к югу - это общая тревога за его процветание. Я бы даже сказал, что это тревога за ее процветание.

Q. Вы считаете, что война секций практически закончена?

-А. Я думаю, что она уничтожена, и по этой причине я возвращаюсь к этой точке зрения, что наше процветание на Юге началось.

Q. Вы с некоторой подробностью описали положение дел среди плантаторов и тех, кто работает на плантациях. Я хотел бы задать еще один вопрос: получает ли кто-нибудь из негров, живущих на аллювиальном дне, право собственности на землю?

-А. В очень редких случаях на аллювиальных землях. Когда они зарабатывают достаточно денег, чтобы купить дом, они обычно отправляются в горную страну, где землю можно купить по гораздо более разумной цене.

Q. С какой суммой накоплений негр может подняться и уехать на холмы?

-А. В моей части страны есть негры, у которых накопления без учета всех расходов составляют от тысячи до 3500 долларов в год.

Q. Остаются ли они или идут и покупают себе усадьбы?

-А. Скорее всего, они остаются, пока не накопят несколько тысяч долларов, а затем идут и покупают дом. Мы поощряем это, потому что хотим, чтобы у оставшихся был стимул делать то же самое. В связи с этим я скажу, что будущее негров Юга - это аллювиальные земли.

Q. Эти плантации?

-А. Не только эти плантации. Под аллювиальными землями я понимаю аллювиальные земли на побережье и аллювиальные земли долины Миссисипи, богатые земли, где негр полагается на свою энергию и старание, а не на мозги. Сейчас в старые Штаты идет иммиграция.

Q. В старые южные штаты?

-А. В старые южные штаты. По мере их прибытия негры постепенно уступают место и уезжают в более богатые земли. Например, по одной железной дороге в прошлом году в долину Миссисипи прибыло более 10 000 негров-переселенцев.

Q. Из каких штатов?

-А. Из штатов Атлантического океана и Персидского залива.

Q. Что с ними стало?

-А. Они были рассеяны по аллювиальным землям долины Миссисипи. Когда негры из долины Миссисипи либо иммигрируют из этой долины, либо отправляются в разные стороны и покупают землю, плантаторы долины Миссисипи отправляют их в более старые штаты и заменяют их рабочей силой из этих штатов. Негр в старых штатах, вероятно, чтобы заработать себе на пропитание, должен обрабатывать 15 или 20 акров земли, в то время как негр в долине Миссисипи может заработать себе на 8 или 10 акров земли.

Q. Приведет ли это к тому, что право собственности на аллювиальные земли перейдет к неграм?

-А. Нет, сэр; потому что по мере того, как он зарабатывает деньги, он уходит.

Q. Он китайский иммигрант?

-А. Я имею в виду "уезжает", он не уезжает из штата, а уезжает в горы.

Q. И в более мелкие владения?

-А. В более мелкие владения.

Q. И цель южного плантатора - приспособить эту тенденцию к меньшей аренде?

-А. Да, сэр.

Q. Считаете ли вы, что плантация более продуктивна, когда под общим наблюдением плантатора или владельца она передается неграм для обработки небольшими участками, или же лучше обрабатывать плантацию целиком?

-А. Как я уже говорил в своих письменных ответах, лучше ее раздать. Урожай хлопка в этой стране выращивается в такой степени мелкими белыми фермерами, что крупный плантатор больше не может позволить себе нанимать и конкурировать с тем классом рабочей силы, который только тратит свою собственную энергию; следовательно, тенденция состоит в том, чтобы сделать фермерами негров.

Q. Каковы шансы плантатора получить белую рабочую силу для работы на этих плантациях?

-А. На Юге так мала доля белой рабочей силы, что ему будет трудно ее найти, а прилив иностранной иммиграции только начинает поворачиваться в этом направлении. Существует предубеждение против белых эмигрантов, отправляющихся на Юг, из-за того, что они будут работать среди негров.

Q. Как вы думаете, оно уменьшается?

-А. Уменьшается с каждым годом.

Q. Вы имеете в виду, что иммигранты из Европы работают на плантациях?

-А. Не совсем на больших хлопковых плантациях, но небольшие плантации сейчас превращаются в фермы. Например, на участок страны между Литл-Роком и Форт-Смитом прибыло много европейских эмигрантов.

Q. Работают ли они на этих фермах или небольших плантациях, превращаемых в фермы, в паре с неграми-рабочими?

-А. Нет; обычно они покупают землю и обрабатывают ее сами; они могут нанять негра и работать с ним; они сами являются рабочими.

Q. Есть ли среди белых и цветных рабочих какого-либо класса тенденция к товарищескому труду или вообще к трудовому братству?

-А. Не могу сказать, что есть. Белый человек не возьмет негра в напарники, чтобы работать с ним в поле.

Q. А возникнут ли у белого человека какие-либо трудности при найме другого белого человека и негра для совместной работы в поле?

-А. Нет, сэр; я сам нанимал их работать бок о бок.

Q. Нет никаких предрассудков такого рода?

-А. Никаких.

Q. Никто из белых не спрашивает, может ли он работать один или должен работать в компании с негром? Проявляют ли они какое-либо нежелание работать в компании с негром?

-А. Белые люди, которые работают в нашей стране за зарплату, приезжают из Огайо, Миссури, Индианы и других районов страны, и я вижу, что иногда среди них есть некоторые предрассудки, но все же бывают случаи - как я уже сказал, сейчас я сам нанимаю людей из Индианы, которые работают в одной бригаде с неграми.

Q. Полагаю, сильной тенденции в этом направлении нет?

-А. Сильной тенденции нет. Белых рабочих с Юга не бывает; по крайней мере, число тех, кого мы можем нанять за зарплату, настолько мало, что не позволяет назвать их классом.

Q. В самих южных штатах около двух третей населения - белые, не так ли?

-А. Не помню. Согласно данным переписи, я думаю, что там около семи миллионов негров. Точные данные даст перепись населения.

Q. Я думаю, что не более двух третей населения составляют белые. В самих Штатах Персидского залива, по крайней мере, половина населения должна быть белой. Каким образом занято белое трудоспособное население Юга?

-А. Они почти полностью заняты в качестве мелких фермеров.

Q. Не в такой степени, как механики и ремесленники?

-А. Я полагаю, что их доля в населении достаточно велика; у нас должны быть свои ремесленники и механики; но, как правило, белое население Юга - это мелкие фермеры, либо сами владеющие землей, либо арендаторы.

Q. Что касается их материального благосостояния, бережливости и экономии?

-А. Очень сильно различается. Например, если взять штат Джорджия - а я полагаю, что признано, что Джорджия - один из самых бережливых и процветающих из всех южных штатов, - то я думаю, что мелкие фермеры, как правило, обеспечивают себя сами; они сами выращивают себе пропитание.

Q. Прибегают ли эти мелкие белые фермеры к помощи негров в какой-либо степени?

-А. В определенной степени. Если у человека больше земли, чем его семья может обрабатывать, он нанимает негра. Нет никаких предубеждений против этого ни со стороны фермера, нанимающего его, ни со стороны нанимаемого негра.

Q. Я полагаю, он может нанимать белых и других цветных рабочих?

-А. Да, сэр.

Q. Они работают вместе?

-А. Да, сэр.

Q. Что касается ценности холмистых земель, о которых вы говорили, в штате Арканзас; по сравнению с аллювиальными, какова разница в ценности?

-А. Она очень велика. В Арканзасе есть фермы, которые можно купить, частично расчищенные и с некоторыми улучшениями, по цене от 5 до 20 долларов за акр, что меньше, чем арендная плата за справедливые земли на реке. В мире нет лучшей части страны - я говорю это безоговорочно - для иностранного иммигранта, или иммигранта с Востока, или откуда бы то ни было, чем та, что предлагается сегодня в Арканзасе и Техасе.

Q. А политические беспорядки прекратились?

-А. Мы вообще ничего не опасаемся; нет никаких причин для этого.

Q. Вы говорили о необходимости образования рабочих Юга, особенно негров. Не могли бы вы описать нам фактическое состояние масс цветного населения в вопросе образования, в какой степени оно продвинулось, и какие удобства и возможности существуют, и какие дополнительные требуются?

-А. В разных районах оно разное. Например, Джорджия и Теннесси, вероятно, опережают любой из южных штатов в плане образования цветного населения; у них больше возможностей; у них есть начальные школы для негров и колледжи, где человек получает образование. Образование, о котором я говорил, особенно для негров, - это простое английское образование, достаточное для того, чтобы он мог читать и писать.

Q. То, что мы называем на Севере образованием в общей школе?

-А. Образование в общей школе. Я проиллюстрирую это. Предположим, ко мне приходит негр, чтобы заключить контракт, который я для него написал, а он не умеет ни читать, ни писать. Я предлагаю ему этот контракт и читаю его. Он берет ручку и ставит свою подпись; никаких обязательств нет. Он сразу же говорит: "Этот человек образован; он имеет преимущество передо мной; он показывает мне этот контракт; я не знаю, что в нем написано; я даже не могу его прочитать". Поэтому контракт, заключенный с негром таким образом, почти ничтожен; но если бы он мог сам прочитать этот контракт и подписать его своим именем, это было бы совсем другое дело. Я никогда не позволяю негру подписывать со мной письменный контракт, пока он не возьмет его с собой домой и не попросит кого-нибудь из друзей прочитать его и посоветоваться с ним, потому что я хочу, чтобы мои контракты сопровождались какими-то обязательствами.

Q. Это необходимо как для вас, так и для негра?

-А. Это необходимо как для моей защиты, так и для его.

Q. Сколько негров на плантациях могут понять письменный контракт, прочитав его, ведь человек может быть несколько образованным и не уметь расшифровать контракт?

-А. Я не могу назвать точную пропорцию, поскольку она сильно варьируется. Могу лишь сказать, что это число быстро растет.

Q. За счет каких обстоятельств происходит этот рост?

-А. От их желания получить знания.

Q. Как вы считаете, сильно ли это желание у цветного населения?

-А. Очень сильным; и есть две идеи, которыми обладает негр, которые дают мне большие надежды на его будущее. Если бы я не верил, что негр способен достаточно развиваться, чтобы стать ответственным мелким фермером, я бы не хотел больше оставаться в том бизнесе, которым занимаюсь, потому что я верю, что развитие моего бизнеса обязательно основано на развитии негра и возделывании моих земель. Негр обладает двумя замечательными качествами: первое - он подражает, а второе - у него есть гордость; он хочет хорошо одеваться; он хочет делать все так же хорошо, как и все остальные, когда вы его возбуждаете, и с этими двумя качествами я возлагаю на него очень большие надежды в будущем.

Q. Что вы думаете о его интеллектуальных и моральных качествах, а также о его способности к развитию?

-А. Мне известны отдельные случаи, когда негры получали и получали хорошее образование. Как класс, вероятно, пройдет несколько поколений, во всяком случае, прежде чем они смогут конкурировать с кавказцами. Я считаю, что негр способен получить обычное английское образование, и есть случаи, когда они получают профессию и становятся хорошими юристами. Например, я знаю в городе Гринвилл, штат Мисс, прямо через реку от меня, адвоката-негра, очень умного человека, и я слышал, как один из ведущих адвокатов в Гринвилле сказал, что он скорее возьмет кого-нибудь на противоположную сторону дела, чем этого негра. Шериф моего округа родом из Огайо,

он негр, и мы все поддерживаем его на этом посту. Мы очень хотим, чтобы негры были представлены справедливо. Например, вы спрашиваете о том, какие отношения существуют между владельцем и неграми. Судья по завещаниям моего округа - негр, один из моих арендаторов, и я сейчас здесь, в Нью-Йорке, занимаюсь важными для моего округа делами как ставленник этого человека. На нем лежит ответственность за все поместья в графстве; он завещательный судья.

Q. Он способный человек?

-А. Очень способный человек, и отличный, хороший человек, и очень справедливый.

Q. Вы не видите причин, по которым, при наличии справедливых возможностей для себя и своих детей, он не может стать полезным и компетентным американским гражданином?

-А. Мы уже считаем его таковым.

Q. Вопрос решен?

-А. Я думал, вы говорите лично о человеке, о котором я говорил.

Q. Нет; я говорил о неграх вообще - о негритянской расе.

-А. Позвольте мне точно понять ваш вопрос.

Q. Вы не видите причин, по которым негры, как составная часть американского населения, не могут, при благоприятном стечении обстоятельств, стать полезными, трудолюбивыми и компетентными в выполнении обязанностей гражданина?

-А. Я думаю, что в целом они могут, но, вероятно, потребуется несколько поколений, чтобы они пришли к этому стандарту.

Q. Нам потребовалось несколько поколений, чтобы прийти к этому стандарту, не так ли?

-А. Да, сэр.

Q. Говорят, что наши предки были пиратами. Не могли бы вы сообщить нам, каковы существующие возможности для получения образования среди негров?

-А. Я могу говорить только об Арканзасе. Конечно, я мало знаю о других штатах. В Арканзасе в каждом графстве есть школьный совет. Эти советы проверяют и нанимают учителей. Мы платим налоги в школьный фонд, из которого оплачивается труд этих учителей.

Q. Как вы думаете, какая часть цветных детей посещает школу?

-А. На моем участке пять школ, и я думаю, что большая часть, можно сказать, почти все, кто способен ходить в школу, ходят в нее.

Q. Сколько детей на вашей территории?

-А. Я с трудом могу составить представление.

Q. Там пять школ?

-А. Пять школ, и, полагаю, от 300 до 500 детей.

Q. Они обучаются в государственных школах?

-А. Да, сэр.

Q. Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что почти все они посещают школу?

-А. Да, сэр.

Q. В течение какого времени каждый год школа остается открытой?

-А. Школы работают весь год, за исключением каникул, которые, я думаю, составляют около трех месяцев; но некоторые негры забирают своих детей из школы в сезон сбора хлопка, чтобы помочь им собрать урожай.

Q. В каком возрасте они посещают школу?

-А. С 6 до 19. Я знаю очень многих из них, кто ходит в школу в 17, 18 и 19 лет, которые только начинают немного читать и писать.

Q. Наблюдаете ли вы склонность к чтению и письму среди пожилых негров, которые уже достигли школьного возраста?

-А. Не очень, но они очень хотят, чтобы их дети научились, и призывают их к этому. Почти в каждом случае, когда у человека есть ребенок, умеющий читать и писать, он берет его с собой, когда заключает контракт. Они очень гордятся тем, что их дети умеют читать и писать.

Q. Как правило, они довольствуются тем, что их дети просто умеют читать и писать, или им хотелось бы, чтобы они немного продвинулись в математике, географии и т. д.?

-А. Как класс, они ожидают от них просто умения читать и писать. Они думают, что если они достигли этого, то знают все; но есть и такие, у которых есть амбиции, как и у нашей собственной расы. Есть люди, у которых есть вкус к литературе, и они получают лучшее образование, чем другие, но это, конечно, не та доля негров, что у нашей расы. Бывают случаи, когда негры стремятся получить высшее образование и становятся школьными учителями.

Q. Я не знаю, можете ли вы сказать, в какой степени они действительно посещают школу в горных районах?

-А. Нет.

Q. Вы говорите об этом как о своей собственной плантации, так и о других плантациях, а также о своей собственной?

-А. Я говорю о аллювиальных землях вдоль реки Миссисипи.

Q. В Арканзасе?

-А. Не только в Арканзасе, но и в Луизиане и Миссисипи; я скажу, что речь идет о аллювиальных землях на реке Миссисипи между Мемфисом и Виксбургом.

Q. Имеют ли негры на этих землях те же возможности для образования, что и на вашей плантации?

-А. О, да, сэр; там есть общая школьная система.

Q. И она так же распространена в Луизиане и Миссисипи, как и в Арканзасе?

-А. Думаю, да.

Q. Каково происхождение этих учителей, как правило?

-А. Как правило, это цветные люди с востока или северо-запада. Есть и белые учителя, но их очень мало.

Q. Кто-нибудь из белых учителей - южанин по происхождению?

-А. На моей территории нет ни одного белого учителя; все они - цветные учителя на моей территории. Доля белых учителей очень мала.

Q. Как много знают сами цветные учителя?

-А. Некоторые из них очень хорошо образованы.

Q. И, как правило, искренне преданы своей работе?

-А. В полной мере.

Q. Или они просто хотят получить деньги?

-А. Нет; я думаю, некоторые из них действительно хотят видеть, как продвигаются их ученые.

Q. Некоторая гордость за свою расу, чтобы они ладили друг с другом, я полагаю?

-А. Я думаю, в этом есть определенная гордость; и, опять же, они хотят завоевать репутацию учителей.

Q. Какое вознаграждение получает учитель?

-А. Думаю, от 50 до 100 долларов в месяц.

Q. Оплачивают ли они свои расходы, питание и кров?

-А. Да, сэр; но питание дешевое, просто номинальное.

Q. Какую сумму?

-А. Я бы сказал, что эти учителя могут получать питание за 10 долларов в месяц.

Q. Стоимость одежды в вашей части страны примерно такая же, как здесь?

-А. Это наш рынок.

Q. Вы покупаете готовую одежду в основном для населения в целом, я полагаю?

-А. Мы покупаем как готовую одежду, так и ткань для пошива.

Q. Я полагаю, цветное население почти не покупает товары на заказ?

-А. Очень многие из них покупают ткань, и некоторые из их женщин такие хорошие портнихи, каких вы нигде не найдете. Они покупают ткань и шьют ее сами.

Q. Должно быть, в цветной семье костюм одежды обходится довольно дешево; они действительно не тратят ничего, только сами покупают ткань?

-А. Там продают очень хорошую джинсовую ткань по 35 или 40 центов за ярд; они обычно носят джинсы.

Q. Во все времена года?

-А. Как правило, во все времена года. В летнее время рабочий человек вообще почти не носит пальто.

Q. Как вы думаете, сколько в среднем цветной рабочий Юга тратит в год на одежду, скажем, глава семьи, мужчина - во сколько ему обходится одежда в год?

-А. Я не могу дать вам определенный ответ. Скажу только, что мы, производители хлопка, очень рады видеть их в процветающем состоянии, чтобы было больше потребления, а когда человек процветает, он покупает два костюма одежды, тогда как если он не процветает, то обходится одним.

Q. У нас было много свидетельств о том, во сколько на самом деле обходится одежда северному рабочему в год. У меня нет желания показать, что рабочие одеваются дешево или плохо; я просто хочу получить представление об относительной стоимости одежды для рабочего, живущего на севере или на юге?

-А. Я могу продать и продаю человеку пару джинсовых брюк и пальто по цене от 7 до 12 долларов за костюм.

Q. Сколько костюмов ему понадобится за год?

-А. Это зависит от его состояния и способности платить мне. Если он преуспевающий человек и начинает накапливать деньги, ему хватит и одного. Когда негр начинает накапливать деньги, он впадает в крайности; он не хочет ничего покупать; он хочет быстро накопить. Если дела у человека идут не очень хорошо и есть сомнения в его платежеспособности, он, вероятно, захочет иметь несколько костюмов; но я бы ограничился одним или двумя.

Q. То же самое, я полагаю, относится к его жене и детям?

-А. Да, сэр.

Q. Но вы считаете, что в вашей стране одежда - гораздо менее затратная статья расходов рабочего, чем здесь, на Севере, где климат холоднее, я полагаю?

-А. Да, сэр. Что поглощает прибыль рабочих у нас, так это их отсутствие предусмотрительности; то есть, если у них появляются лишние деньги, они выбрасывают их на бесполезные предметы.

Q. Высказывалось мнение, что почтовая сберегательная касса могла бы стать хорошим местом хранения сбережений цветного населения Юга; они могли бы почувствовать некоторое доверие к такому учреждению, и это было бы выгодно для них. Каково ваше собственное мнение?

-А. Я выступаю за это и одобряю это, и действительно предлагаю открыть сберегательный банк в нашем собственном районе. В связи с этим я упомяну еще одну важную особенность. В долине Миссисипи - а когда я говорю о долине Миссисипи, то имею в виду оба берега реки, Арканзас и Луизиану с одной стороны и Миссисипи с другой - есть множество негров, которые имеют значительные накопления и используют их излишки для авансирования других негров. Например, прямо на нашей территории есть негры, которые накопили достаточно средств, чтобы, как они выражаются, помочь другим, и они используют свои деньги в качестве инвестиций таким образом. Например, один негр, у которого есть что-то, дает это другому негру и берет закладную на его урожай. Следовательно, многие из них получают авансы от своих коллег по работе, и я всегда предоставляю им такую возможность, когда они этого хотят. Мое представление о регулировании в долине Миссисипи, когда я вижу, что могу заработать на торговой части своего бизнеса, заключается в том, что это просто мой доход, который я получаю от аренды своей земли, как инвестиция в мой капитал; и когда негр может завести собственного торговца в Новом Орлеане - у многих из них очень хорошие факторы в Новом Орлеане и они отправляют свой хлопок напрямую - я поощряю это. Когда один негр хочет помочь другому, я даю ему привилегию сделать это и поощряю его. В округе Чикот сегодня есть несколько негров, очень много, не мало, у которых есть свои фактории в Новом Орлеане, они сами отгружают свой товар и сами получают счета за продажу.

Q. Они не являются владельцами аллювиальных земель?

-А. Они вообще не владельцы; они арендаторы.

Q. Полагаю, со временем они смогут сделать некоторые накопления, и время от времени будут владеть плантацией?

-А. Я знаю один случай на реке под Виксбургом, когда старая собственность мистера Дэвиса была куплена его бывшим рабом.

Q. Это единственный случай?

-А. Единственный случай, о котором я знаю.

Q. Один из вопросов, который мы привыкли задавать, касается фактических личных чувств, существующих между рабочими и капиталистами в разных частях страны. Каковы чувства между рабочими, цветными и белыми, и владельцами земли и капитала на Юге?

-А. Я ограничиваюсь ответами на вопросы, касающиеся моей собственной секции, поскольку не знаком с другими. Я ответил на этот вопрос в письменных ответах. Чувства гармоничны и хороши, как я их там выразил. Негр, естественно, обращается к плантатору за советом и помощью, а плантатор обращается к своим рабочим за развитием своей собственности. Следовательно, их интересы совпадают, а чувства - хорошие.

Q. Вы раз или два упоминали о давлении внешнего и, я полагаю, северного мнения; я предполагаю, что вы имеете в виду политическое мнение в прошлом и желательность его прекращения. Каковы факты прогрессирующего распада твердого республиканского или твердого негритянского голоса на Юге? Каковы шансы на его разделение, а также на разделение голосов белых? Сейчас мы слышим о "твердом Юге", цветные с одной стороны и белые с другой. Какова перспектива раскола в этом отношении; в какой степени он существует или происходит?

-А. Негры Юга уже разделены в своих голосах. Очень многие голосуют вместе с владельцами собственности. Бывают случаи, когда они голосуют с теми, кого они называют своими друзьями-республиканцами. Несколько лет назад на Юге любой человек, сбежавший из одной из ваших здешних тюрем, который приезжал в эту страну и рассказывал неграм, что он был одним из солдат генерала Гранта и сражался за его освобождение, голосовал до последнего; но любой из этих негров приходил ко мне в это самое время со своими деньгами и просил меня сохранить их для него и позаботиться о них для него. Он полностью доверял мне в том, что касается его денег, но когда дело доходило до политики, он голосовал с этим человеком, который, вероятно, не владел пальто, которое было у него на спине. Подобные умозаключения нанесли нам на Юге очень серьезный ущерб. Позвольте мне проиллюстрировать это на примере бунта в моем собственном округе. В 1872 году в округе Чикот было предложено обложить округ железнодорожным налогом в размере 250 000 долларов для строительства железной дороги.

Q. Какова была бы доля налогооблагаемой собственности графства?

-А. В то время вся наша оценочная стоимость составляла около 1 500 000 долларов. Это было достигнуто благодаря обещанию, что если ассигнования будут выделены, то на нашей реке будут построены дамбы, и эта дорога пройдет по ним. В то время все местные органы власти в округе Чикот находились в руках людей, которые не владели никакой собственностью в округе, а только приехали туда и были избраны неграми, которых в этом округе очень много. Этот налог был для нас очень большим бременем. В то время в Лейк-Виллидж работал адвокат-негр, который был одним из главных инициаторов этого дела. Плантаторы знали, что это было сделано только для спекуляции на графстве, так как впоследствии было проведено голосование, ассигнования были выделены, и ни один фут дамбы не был построен, и ни один фут железной дороги не был построен в графстве Чикот. И все же мы теперь вынуждены платить за проценты по этому долгу, который был на нас наложен под таким влиянием. Один из наших плантаторов спорил с негром-адвокатом по поводу этого долга и говорил ему, что это

навязывание собственности владельцам и что этого делать нельзя, когда тот стал буйным и наглым, и в результате между плантатором и негром возникли трудности. У плантатора в кармане был маленький перочинный нож, лезвие которого было не длиннее моего мизинца; он ударил им негра, и случайно попал в жизненно важную точку и убил его. Шерифом округа был негр. Плантатор с двумя невинными, в доме которых произошел этот случай в окружной резиденции в Лейк-Виллидж, был арестован и заключен в тюрьму. Через несколько дней после этого - вероятно, не более двух или трех - почти все негры в округе были созваны в Лейк-Виллидж, и они поднялись, как саранча, налетев со всех сторон, забрали этих трех мужчин из тюрьмы, разорвали их на куски, убили их. Это было такое безобразие, что люди из Мемфиса и Висксбурга, а также из горных стран начали прибывать туда целыми компаниями. В ходе расследования мы выяснили, что шериф округа воспользовался своими полномочиями, чтобы разослать невежественным неграм округа повестки и вызвать их в деревню, и эти парни пошли, потому что побоялись не подчиниться приказу шерифа. В то время чувства были очень сильны, и эти люди хотели прийти и подавить бунт, но некоторые из нас, более благоразумные, несколько ведущих плантаторов графства, собравшись вместе, послали этим разным компаниям весточку, чтобы они не приходили туда, что мы не хотим видеть их в графстве; некоторые из компаний уже направлялись в графство Чикот, думая, что люди там будут истреблены. Многие наши люди были вынуждены бежать из своих домов на несколько дней; но мы решили, что пусть все идет своим чередом. Как только все успокоилось, а это произошло частично через три-четыре дня, некоторые из наших джентльменов, уехавших со своими семьями, вернулись, и в результате мы арестовали нескольких главарей в графстве. Суды и администрация в то время находились в руках лиц, не связанных с интересами графства, и нам было невозможно добиться справедливости. Мы спасли негров графства от резни, но так и не смогли привлечь этих людей к какому-либо наказанию в суде, и в конце концов пришли к компромиссу с ними: если они покинут графство, мы отзовем иск против них, и на этом все закончилось. Я не верю, что в округе Чикот можно поднять бунт, потому что, думаю, там много разумных негров, которые не допустят этого. Это те расовые проблемы, о которых я говорил. Избавьте нас от подобных вещей, предоставьте наше правительство самим себе и своему народу, и дайте негру ту же защиту, что и белому человеку, но не давайте ему больше. Не позволяйте ему чувствовать, что за ним стоит правительство Соединенных Штатов и что он - дитя правительства Соединенных Штатов, о котором нужно заботиться, но что он должен полагаться на свои собственные ресурсы и энергию, чтобы жить, и время решит этот вопрос, а спрос на его труд защитит его.

Q. Считаете ли вы, что чувства среди негров, которые привели к оттоку населения несколько лет назад, ослабли и, возможно, исчезли?

-А. Я расскажу вам довольно забавную вещь по этому поводу. Впервые я услышал об исходе негров в моей части страны - это было в Канзасе - однажды утром ко мне в комнату вошел мой управляющий и сказал, что негры собираются на реку, чтобы отправиться в Канзас. Я спросил: "До реки несколько миль; как они идут?" Он ответил: "Они несут свои вещи на головах". Я сказал: "Поезжайте прямо сейчас и предложите им повозки на плантации, чтобы они могли перевезти вещи. В чем дело?" Он сказал: "Не знаю; я ходил сегодня утром и вызвал рабочих на поле, но они говорят, что все едут в Канзас". Я сел на лошадь, поехал и встретил негра, который был моим инженером. Я спросил его: "В чем дело, куда вы все направляетесь?" Он остановился прямо на дороге и сказал: "Мистер Кэлхун, вы никогда не обманывали меня, и я собираюсь рассказать вам, в чем дело. На прошлой неделе, однажды ночью, сюда пришли двое мужчин и сказали: "Видите эту картину? На ней изображена моя ферма в Канзасе, которую купил

для меня генерал Грант. Это так, потому что мое имя написано на обратной стороне, и вот мой билет, который доставит меня в Канзас". Я сказал: "Покажите мне его". Он показал мне кусок картона, на котором было напечатано: "Годится для одной поездки в Канзас". Я сказал: "Сколько вы ему за это заплатили?" Он ответил: "Мы заплатили ему 2 доллара за штуку". "Сколько вас в этой штуке?" "Нас более восьмидесяти человек". Я сказал: "Этот человек обманом выманил у вас 160 долларов; он самозванец; в Канзасе нет фермы, купленной для вас". Я увидел, что мне не время с ними спорить; они направлялись к реке Миссисипи, и я отпустил их всех. После того как они вышли на берег, я пошел и стал с ними объясняться; говорил им о разнице в климате, почве и всем остальном, к чему они привыкли, и что если они поедут туда, то многие из них потеряют свои семьи и детей. Они не слушали меня. Они ушли на берег реки, и те негры, которые ушли туда, задолжали мне более 109 000 долларов.

Q. Сколько их было? Восемьдесят, кажется, вы сказали?

-А. Их было 80, я думаю. Однажды, я полагаю, на берегу реки было 150 негров, возможно, больше. Они не были на обычной стоянке. Они выходили на промежуточные пункты, где лодка не была вынуждена высаживаться. Мы предупредили все лодки, идущие вверх по реке, чтобы они не высаживались в этом месте. Я не хотел, чтобы эти негры уходили, будучи уверенным, что они разорятся, если сделают это; что они покидают уютные дома; многие из них продали своих мулов или отдали их за бесценок. Один негр продал мула стоимостью 150 долларов за 15 долларов, чтобы уехать. Они открыли свои картофельные грядки, вскрыли кукурузные копны и разбросали кукурузу, раздавая ее всем, кто предлагал им по пять центов за бушель. Двум из этих людей я дал участок земли, который они должны были обрабатывать и улучшать. Зная природу негра, как и я, и понимая, что он не захочет, чтобы кто-то пользовался тем, на что, по его мнению, он имеет право, я уговорил двух белых мужчин в округе прийти и предложить мне взять этот участок земли и обрабатывать его на паях со мной, отдавая мне половину его продукции, тогда как с ними я не имел права ни на что. Как только эти двое узнали, что я заключил выгодную сделку за их землю, они вернулись домой с берега реки, и как только они вернулись, все остальные последовали за ними. Тогда я созвал всю плантацию и сказал, чтобы они назначили двух представителей и что я за свой счет отправлю их в Канзас, чтобы они изучили это дело и доложили им. Эти два человека отправились в Канзас, вернулись и доложили об истинном положении дел; и теперь, если тот, кого в этой стране называют "бедным белым человеком" - выражение негров, - проезжает по стране и говорит "Канзас", его чуть ли не мафиози хотят убить. Таков результат канзасского движения.

Q. Что стало с теми, кто отправился в Канзас?

-А. Многие из них вернулись, многие умерли; их было много. Довольно большое число ушло в округ Вашингтон, штат Миссисипи, как раз напротив меня.

Q. Время от времени в Вашингтоне предпринимаются попытки получить государственные земли в территориях, на Индийской территории и в других местах с целью колонизации этих участков неграми. Как вы думаете, есть ли для этого повод?

-А. Ни одного в мире. Если бы аллювиальные земли на реке Миссисипи были защищены от разлива и приведены в состояние, в котором их можно было бы обрабатывать, то там были бы все дома, причем самого лучшего характера, какие только могут понадобиться неграм на Юге, и естественная тенденция заключается в том, чтобы прийти именно на такие земли.

Q. И негры предпочитают быть там, а не где-либо еще?

-А. Те, кто приезжает, как я заметил, никогда не возвращаются обратно.

Q. Вы предложили улучшить дамбы. В чем заключается необходимость, и насколько трудно жителям берегов реки защитить себя?

-А. Я являюсь президентом совета по строительству дамб округа Чикот. План, предложенный Комиссией по реке Миссисипи и мистером Идсом, их главным инженером, несомненно, является правильным для улучшения состояния реки Миссисипи. Мы знаем это не только из теории, но и из долгого опыта общения с рекой, те из нас, кто жил на ней. Река Миссисипи, как ее обычно называют, "Отец вод" и проходит через несколько штатов, является почти национальной системой, и было бы невозможно, чтобы штаты приняли какую-либо систему, которая была бы местной. Поэтому правительство Соединенных Штатов просто обязано позаботиться о благоустройстве реки Миссисипи. Есть некоторые участки реки Миссисипи, которые естественным образом находятся выше уровня переполнения, что достигается за счет отсечек. Падение реки Миссисипи составляет около четырех дюймов на милю. Следовательно, когда есть один из этих больших изгибов, где река течет вокруг уреза, нет необходимости в увеличении воды. При падении воды на четыре дюйма на милю земли, расположенные выше уреза, становятся выше и не переполняются, в то время как чуть ниже земли переполняются или могут переполниться. Улучшение самой реки Миссисипи для коммерческих целей, а также защита земель зависят от строительства дамб, так как дамбы, конечно, ограничивают воду в пределах берегов и дают не только больший объем воды, но и большую скорость для целей размыва, который размывает песчаные полосы, постоянно образующиеся на реке. План капитана Идса по созданию причалов там, где берега обрываются, сохраняет эти отложения в воде, которые и создают песчаные бары. К обрывающимся берегам приставляется матрас, который предотвращает обрушение аллювиальной земли в реку, что формирует песчаные бары внизу. Затем увеличившийся объем и скорость воды размывают русло и улучшают его для коммерческих целей, отвечая задаче защиты земли и в то же время открывая этот огромный канал для торговли.

Опять же, есть очень важные железнодорожные линии, которые строятся вверх и вниз по обоим берегам реки Миссисипи, и необходимо, чтобы они были защищены для коммерческих целей, а также чтобы река Миссисипи была улучшена для коммерческих целей, и они могут быть защищены только путем строительства дамб. Мы, кто был на реке и кто считает, что знаком с ней, внимательно следили за ходом работы Комиссии, и я могу лишь сказать, выражая мнение народа, что мы одобряем то, что делает Комиссия.

Q. И желаем еще большего?

-А. Да, сэр; это абсолютно необходимо. То, что уже было потрачено правительством, будет абсолютно бесполезным, если не будут выделены дополнительные ассигнования для завершения работы. Я хотел бы обратить ваше внимание на этот момент. Река Атчафалайя в Луизиане - это поток, который впадает в Мексиканский

залив примерно от устья Ред-Ривер. Падение воды из устья Атчафалайи и Ред-Ривер в Мексиканский залив намного больше, чем падение воды из устья Ред-Ривер в залив через Новый Орлеан по реке Миссисипи. Несколько лет назад Атчафалайя была ручьем, который можно было перейти вброд, но из-за течения, постепенно проходящего через нее, она начала размываться, и теперь это ручей глубиной в 100 футов.

Q. Существует или нет какое-либо заметное увеличение или уменьшение толщины самой Миссисипи по сравнению с 25, 50 или 100 годами назад?

-А. Мы считаем, что сейчас наши воды выше, чем когда-либо прежде.

Q. Больше экстремальных значений или есть равномерное течение?

-А. Большой равномерный поток, и его приписывают уничтожению лесов, хотя это всего лишь теория. Один из аргументов, во всяком случае, заключается в том, что это связано с уничтожением лесов на северо-западе, что вызывает больше ливней и дает больше осадков.

Q. Я слышал идею о том, что уничтожение лесов и древесины в верховьях рек приведет к тому, что в случае дождя вода будет быстрее стекать в поток, ее не будет задерживать болотистая природа почвы, и таким образом вы сможете иметь более резкие подъемы и спады реки, чем раньше, без увеличения или уменьшения объема воды или равномерного течения?

-А. Я думаю - по крайней мере, я слышал, как об этом говорили люди, имеющие опыт работы на реке, - что течение реки Миссисипи сейчас больше, чем раньше.

Q. Что из года в год по руслу течет больше воды?

-А. Мы видим небольшое увеличение воды в реке Миссисипи. Я не знаю, как она может увеличиться в будущем, и увеличится ли вообще, но таково мнение людей, живущих там сейчас. Я хочу обратить ваше внимание на необходимость предотвращения спуска воды Красной реки через Атчафалайю, поскольку, если Атчафалайя размоется, то Новый Орлеан, крупный торговый город, окажется как бы на внутреннем море. Воды, выходящие из берегов реки Миссисипи на границе Арканзаса, впадают в Красную реку и больше не возвращаются в Миссисипи, пока не выйдут в устье Красной реки. Как раз в устье Ред-Ривер и перед тем, как Ред-Ривер впадает в Миссисипи, находится река Атчафалайя. Так что вся эта переливная вода, которую можно было бы удержать в реке Миссисипи, построив дамбы на фронте Арканзаса, теперь попадает в Ред-Ривер и помогает размыть Атчафалайю, что разрушит город Новый Орлеан, если этому не помешать. Это очень сильная коммерческая точка, ведь торговля Нового Орлеана - это вопрос, который необходимо учитывать в наших делах.

Q. Полагаю, нет сомнений в том, что Атчафалайя дает выход, что очень облегчает жизнь вашим плантациям?

-А. Нет, сэр; это никак не влияет на то, где я живу.

Q. Ниже Красной реки, в Луизиане, не приносит ли она облегчения в случае разлива?

-А. Частичное облегчение; но в Луизиане, когда вы спускаетесь так далеко, у них почти вся система дамб построена, которые защищают сахарный район; есть только, вероятно, несколько брешей; и река Миссисипи, когда она спускается так

далеко, не поднимается в такой пропорции, как там, где я живу, на 500 миль выше. Устье Атчафалайи находится на 500 миль ниже того места, где я живу.

Q. Привело ли это увеличение стока из Атчафалайи к какому-либо ущербу для судоходства по реке в северном направлении?

-А. Пока нет; но если это не остановить - комиссия осознает тот факт, о котором я вам сейчас говорю, - если это не остановить, вся река Миссисипи естественным образом повернет через Атчафалайю, потому что падение будет гораздо больше.

Q. Как они собираются ее остановить?

-А. Это вопрос, который должны решить комиссия и ученые-инженеры.

Q. Могут ли они заблокировать его на выходе из Красной реки?

-А. Они предлагают перекрыть ее главным образом путем остановки воды из реки Миссисипи, которая впадает в Ред-Ривер. Таким образом, в Ред-Ривер не будет попадать огромное количество воды. Это один из методов. Что инженеры сочтут достаточным или необходимым сделать, я, конечно, не рискну высказывать свое мнение.

Q. Какая опасность грозит огромному капиталу, вложенному в эти аллювиальные земли, если не будет сделано ничего для предотвращения переливов, о которых вы говорите?

-А. Земли, которые сейчас подвержены переполнению, почти полностью заброшены.

Q. В какой степени они сейчас заброшены?

-А. Если брать всю долину Миссисипи, от Мемфиса и ниже.

Q. Проводились ли какие-либо расчеты или разумные оценки стоимости этих земель, пострадавших от переполнения?

-А. Я никогда не слышал об этом; но я скажу, что те земли, которые сейчас подвержены переполнению, если их ввести в обработку, имеют такую же ценность, как и те, которые мы обрабатываем; возможно, даже большую, потому что на них есть аллювиальные отложения. Там есть отложения от 3 до 4 дюймов.

Q. Вы не имеете представления о размерах этих земель?

-А. Я не могу назвать вам пропорцию. Я просто скажу, что это очень большая часть.

Q. Треть, или половина, или четверть?

-А. Больше половины. Некоторое время назад я видел оценку, по крайней мере, я приведу ее как утверждение, опубликованное в "*Журнале плантаторов*", издаваемом в Висконсине, что на реке Миссисипи есть тринадцать округов, которые, если их все расчистить и возделывать, способны произвести весь урожай хлопка Соединенных Штатов, и я слышал, как этот вопрос обсуждался.

Q. Что мешает расчистить их и ввести в культуру?

-А. Просто переполнение.

Q. Были ли они когда-нибудь расчищены?

-А. Большая их часть; и сейчас они разрушены, потому что система дамб не завершена. На этих землях весь труд негров, который не приносит прибыли на

более бедных землях в старых штатах, можно было бы сделать чрезвычайно выгодным, не только для владельцев земель, но и для самих рабочих.

Q. Как вы считаете, не будет ли лишним сказать, что половина аллювиальных плантационных земель, таких, как вы описали в Арканзасе, Миссисипи и Луизиане, сейчас практически уничтожена из-за переполнения, вызванного разрушением системы дамб?

-А. Да, сэр.

Q. По крайней мере, половина?

-А. Не менее половины того, что было возделано и что может быть введено в культивацию.

Q. Из того, что сейчас бесполезно, какая часть ранее обрабатывалась?

-А. Невозможно определить, так как она очень разнообразна.

Q. Количество земли, которая была улучшена и теперь уничтожена из-за переполнения, вы не можете назвать?

-А. Я не могу назвать его точно; я назову его приблизительно; я должен сказать, что по крайней мере одна треть.

Q. Одна треть от всего количества, которое было улучшено, теперь разрушено из-за перелива, вызванного несовершенством системы дамб?

-А. Да, сэр; именно это я и хотел сказать.

Q. А из того, что не было улучшено, но могло бы быть улучшено, сколько?

-А. По крайней мере, половина.

Поскольку я посвятил некоторое место общему состоянию труда во всей стране и поскольку некоторые мои заявления и выводы могут показаться экстравагантными, я считаю весьма уместным добавить в приложение часть показаний доктора Р. Хебера Ньютона, данных им в комитете сенатора Блэра по "*Отношениям между капиталом и трудом*" в Нью-Йорке 18 сентября 1883 года (т. II, с. 535). Доктор Ньютон признан ясным мыслителем и готовым писателем не только по теологическим, но и по экономическим вопросам. Его свидетельство по тем вопросам, на которые я просил обратить внимание, было следующим:

Грядущий трудовой вопрос

Тот факт, что перепись населения Соединенных Штатов 1870 года оценила средний годовой доход наших наемных работников в чуть более 400 долларов на душу населения, а перепись 1880 года - чуть более 300 долларов на душу населения, является вполне достаточным доказательством того, что в нашей стране назревает трудовой вопрос. Средняя заработная плата в 1870 году указывала, после должной поправки на включение женщин и детей, на массу нищенски оплачиваемого труда, то есть на обнищавший и деградировавший труд. Средняя заработная плата 1880 года показала, что эта масса полунищего труда быстро увеличивается и что за десять лет ее состояние ухудшилось на 25 процентов. Таким образом, видно, что тень *пролетариата* старого мира крадется по нашим берегам. Специалисты по политической экономии должны изучить эту проблему в свете крупных социальных сил, которые производят столь тревожные изменения в американском обществе. В

консенсусе их зрелых суждений мы должны искать авторитетное решение этой проблемы. Я здесь не для того, чтобы взять на себя эту роль. У меня нет домашнего хобби, которое я мог бы предложить, чтобы безошибочно решить всю проблему. Я не верю, что такое хобби еще существует. * * *

I

вина труда

Очевидно, что вина труда должна быть найдена в нем самом.

1. Если оставить в стороне класс квалифицированных рабочих, то большая часть наших наемных работников заведомо неэффективна. При выполнении самых обычных работ приходится следить за средним рабочим, чтобы он не провалил работу. Руки мало что стоят без мозгов; как в проделанной работе, так и в полученной зарплате. Наш труд в значительной степени неинтересен - за руками не больше сердца, чем за мозгами. Большинство рабочих выполняют работу механически, не гордясь тем, что делают ее хорошо, и не стремясь постоянно делать ее лучше.

2. Слишком часто отсутствует чувство идентичности с интересами работодателя или озабоченность тем, чтобы за полученную зарплату можно было получить эквивалент работы. В раздражающих работодателей формах им внушают, что их работники ничуть не возражают против того, чтобы тратить их материалы, наносить ущерб их собственности и блокировать их бизнес в самые критические моменты. При какой системе, кроме как при острой нехватке рабочих рук, такой труд может быть обеспечен, а некомпетентность и безразличие влекут за собой высокую зарплату?

3. Наш труд в большинстве своем очень бережливый. В покупке и приготовлении еды - главной статье расходов в семье рабочего, где экономические привычки имеют наибольшее значение, - мужчины и женщины одинаково неэкономны. Искусство, как сделать так, чтобы деньги уходили на еду максимально эффективно, сравнительно малоизвестно. Рабочие будут воротить нос от еды, на которую Карлайл сделал одну из лучших литературных работ нашего века. Помню, некоторое время назад я разговаривал с одним из наших мясников, который сказал мне, что рабочие в основном заказывают у него лучшие куски. Достаточное количество питательной пищи, безусловно, необходимо для хорошей работы, будь то мозг или мускулы. Прогресс труда справедливо оценивается, в частности, по увеличению потребления пшеницы и мяса, но питательность мяса не обязательно зависит от того, что оно отрезано от лучшей части. Я бы хотел, чтобы все люди ели "французские" отбивные и бифштексы из портерхауса, если бы могли себе это позволить; но когда я знаю среднюю зарплату наших рабочих и стоимость жизни в самом простом масштабе, мне становится не по себе, когда я узнаю такой факт, как тот, который я упомянул, поскольку все элементы необходимого питания можно получить в гораздо более дешевых формах. * * *

4. Труд должен упрекнуть себя еще и в том, что он не обладает достаточной способностью к объединению и что его методы объединения несовершенны. Именно благодаря комбинации возник средний класс, и именно благодаря ей капитал так замечательно увеличился. История Средних веков, знакомая всем нам, - это история подъема промышленного класса путем объединения в гильдии. Численность рабочей силы, ставшая помехой, может превратиться в помощь. В толпе люди топчут друг друга; в армии они скрепляют друг друга для победы.

Профсоюзы представляют собой единственную эффективную форму объединения, завоеванную американским трудом. Профсоюзы не нуждаются в робких апологетах. Их оправдание - в историческом повествовании об успешных достижениях, которые они завоевали для рабочих. Призванные защищать труд от законодательства в интересах капитала в те времена, когда за просьбу о повышении зарплаты рабочих бросали в тюрьму, в Англии они привели к блестящей серии реформ, которыми отмечен наш век, о чем так хорошо рассказано в статьях мистера Хауэлла (*"Девятнадцатый век"* за октябрь 1882 года) и мистера Харрисона (*"Современное обозрение"* за октябрь 1883 года). Несомненно, они совершили множество глупостей и все еще способны глупые тирании, которые только и делают, что сковывают труд, отчуждают капитал и снижают производительность, то есть уменьшают сумму общего делимого богатства. Такие действия неизбежны на ранних стадиях объединения со стороны необразованных людей, ощущающих новое чувство власти и слепо бьющих в ярости в ответ на реальные или воображаемые обиды.

Однако профсоюзы постепенно преодолевают свои грубые методы. Попытки крупных корпораций развалить их, которые мы наблюдаем в последнее время, - это деспотизм, который должен получить возмущенный отпор со стороны всего народа. Труд должен объединиться, так же как и капитал, в создании этих самых корпораций. Единственный способ защитить свои интересы как класса - это объединение. Именно злоупотребление, а не использование профсоюзов, против которого следует бороться.

Главным злоупотреблением наших профсоюзов является концентрация их внимания на организации забастовок.

На нынешнем этапе развития системы "свободных контрактов" забастовки кажутся мне вполне оправданными, когда они действительно необходимы. Рабочие имеют право объединяться и назначать цену, по которой они хотят работать. Предложение труда и спрос на товары, в отсутствие более высоких соображений, решат вопрос о том, смогут ли они получить прибавку. Непростые особенности этого метода достижения результата обусловлены незрелостью нашей промышленной системы. Забастовки сыграли свою роль в развитии этой системы. Мы отмечаем их неудачи и забываем об их успехах; но они имели свой значительный успех и принесли существенные преимущества труду. Однако главная их заслуга заключается в том, что они научили комбинировать и показали, что трудящимся необходимо более эффективное оружие, чем сама забастовка.

Забастовка требует длительной практики и большого мастерства, чтобы хорошо владеть ею. Практика в ней обходится дороже, чем эксперименты в Вулвике. Мистер Доллес в своей новой работе по политической экономии приводит статистические данные, которые убедительно иллюстрируют глупость забастовок, хотя он приводит только одну сторону дела, а именно потери, которые ложатся непосредственно на самих рабочих. Если к ним добавить потери капиталистов, то совокупность станет колоссальной. В 1829 году манчестерские прядильщики устроили забастовку и потеряли 1 250 000 долларов в виде заработной платы, прежде чем спор был завершен. В следующем году их собратья в Аштоне и Стейлибридже последовали их примеру, устроив забастовку и потеряв 1 250 000 долларов. В 1833 году строители Манчестера потеряли 360 000 долларов из-за добровольного безделья. В 1836 году прядильщики из Престона выбросили на ветер 286 000 долларов. Через восемнадцать лет после этого их преемник, семнадцать тысяч человек, медленно

голодал в течение тридцати шести недель и заплатил за эту привилегию 1 200 000 долларов. В 1853 году английские железные рабочие потеряли 12 000 долларов из-за забастовки. Такими потерями озаменовались забастовки лондонских строителей в 1860 году, и портных в 1868 году, а также северных железоделательных рабочих в 1865 году. Забастовка льняных ткачей Белфаста, которая была прекращена несколько недель назад при посредничестве Британской ассоциации содействия развитию науки, обошлась рабочим в 1 000 000 долларов.

Стоимость забастовок можно выразить только в совокупности сбережений труда, затраченного на безделье, в ущербе для производительности страны, в нарушении всего механизма обмена и в ущербе, наносимом тонкой социальной организации таким напряжением. Знаменитая Питтсбургская забастовка, по оценкам, обошлась стране в десять миллионов долларов. Когда выясняется, что столь дорогостоящее оружие промахивается гораздо чаще, чем попадает, это уже слишком дорого. * * *

Профсоюзы в этой стране, как мне кажется, серьезно ошибаются, цепляясь за такое устаревшее оружие. Им следовало бы обратить свое внимание на наше современное усовершенствование этой дубины.

Арбитраж - гораздо более дешевый и эффективный инструмент урегулирования разногласий между капиталом и трудом, гораздо более вероятное средство обеспечения справедливого повышения заработной платы. Он приводит обе стороны спора в дружеское расположение духа и является обращением к разуму и совести, которые не совсем мертвы в самой бездушной корпорации. Это почти ничего не стоит. Он уже становится заменой забастовкам в Англии, где профсоюзы берут на вооружение это новое оружие. * * *

Среди нас профсоюзы должны подражать мудрости европейских рабочих и использовать свой механизм для организации форм ассоциации, которые должны быть направлены не только на получение более высокой заработной платы, но и на максимальное использование существующей заработной платы, и, в конечном счете, на то, чтобы привести систему оплаты труда к более высокому развитию. Провидческие черты английских профсоюзов обычно упускаются из виду, а между тем именно в них и было достигнуто их главное развитие. Мистер Джордж Хауэлл показывает, что ряд обществ, которые он специально изучал, за тридцать лет потратили через свои различные фонды помощи до 19 000 000 долларов, и 1 369 455 долларов только на забастовки. Мистер Харрисон говорит о семи обществах, потративших за один год (1879) до 4 000 000 долларов на своих безработных членов. Он показывает, что семь великих обществ потратили в 1882 году менее 2 процентов своего дохода на забастовки; и утверждает, что 99 процентов профсоюзных фондов в Англии "были потрачены на благотворную работу по поддержке рабочих в плохие времена, по созданию запасов на плохие времена и спасению страны от кризиса нищеты и раздоров".

Торговые союзы должны делать для наших рабочих то, что торговые союзы уже сделали в Англии. * * * Именно благодаря силе объединения рабочих, развитой через профсоюзы, , был обеспечен этот длинный список полезных законов - фабричные законы, законы о регулировании шахт, законы об образовании, законы о правах арендаторов, законы об ответственности работодателей, законы против "грузовиков", законы против жестокого обращения с животными и т.д. Они были вырваны из неохотных парламентов благодаря проявлениям силы со стороны трудящихся классов. * * *

Наши профсоюзы должны быть средством обеспечения одной из самых необходимых потребностей труда в этой стране - точной и повсеместно распространяемой информации о состоянии рынка труда. Если бы в трудные времена эти профсоюзы объединялись, то через крупные центры труда на Востоке можно было бы регулярно распространять информацию о состоянии рынка труда в различных местных центрах страны, которая могла бы помочь рабочим в поиске возможностей для работы. * * *

Еще одним действием, которое наши профсоюзы могли бы предпринять в интересах рабочих, является развитие кооперации. История европейской кооперации - одна из самых обнадеживающих историй нашего современного индустриального мира. В Германии, например, в 1877 году насчитывалось около 2 830 кредитных обществ; из них 806 сообщили о 431 216 членах; авансы за год в виде займов своим членам составили 375 000 000 долларов, а убыток - одна марка на каждые 416 талеров, или 23-4/5 центов на каждые 297 долларов - показатель надежности их финансовых операций, которому могли бы позавидовать многие капиталистические корпорации. Быстрый рост этих обществ приводит к тому, что всемогущество кредита приходит на помощь рабочим Германии.

В течение последнего десятилетия мы наблюдали наиболее обнадеживающий рост несколько похожей формы сотрудничества в строительных и кредитных ассоциациях, которых, по оценкам, сейчас насчитывается около 8000 в стране, с количеством членов 450 000 и совокупным капиталом в 75 000 000 долларов.

Кооперативные магазины достигли замечательного развития в Англии и принесли самые благотворные результаты. В 1881 году конгрессу было представлено 765 магазинов, которые показали совокупный объем продаж в 65 703 990 долларов, а прибыль составила 435 000 долларов; в то время как Шотландия в том же году представила 226 магазинов, которые показали объем продаж в 17 423 170 долларов, а прибыль составила 113 665 долларов.

На фоне этих данных наши рабочие могут предложить сравнительно немного. Правда, у нас было гораздо больше экспериментов в области кооперативного распределения, чем принято считать. Кооперативные магазины появились у нас между 1830 и 1840 годами. В это время Союз защиты трудящихся создал множество магазинов, которые в свои лучшие времена делали бизнес от 1 000 000 до 2 000 000 долларов в год. В десятилетие 1860-70 гг. произошло широкое возрождение кооперативных магазинов; обсуждались даже планы создания оптовых агентств. Некоторые из этих ранних магазинов существуют до сих пор. Возникли два больших национальных ордена, стремящихся, помимо прочих целей, к созданию кооперативных магазинов.

В 1876 году у Грейнджеров было двадцать государственных закупочных агентств, три из которых ежегодно делали бизнес на 200 000 долларов, а одно - на 1 000 000 долларов. Они утверждали, что в это же время у них было пять паровозных или пакетных линий, пятьдесят обществ по перевозке товаров, тридцать два элеватора, двадцать два склада для хранения товаров. В 1876 году было зарегистрировано сто шестьдесят магазинов Гранжа. В том же году было официально заявлено, что "местные магазины успешно работают по всей стране".

Промышленные суверены также в значительной степени развивали кооперативное распределение. В 1877 году президент Эрл сообщил, что "девятьюстами четырьмя советами, выбранными из общего числа, сообщают о членстве 7 273 человек, и при среднем

капитале всего в 884 доллара сделали в прошлом году бизнес на сумму 1 089 372,55 долларов". Можно с уверенностью предположить, что не учтенные продажи увеличат эту сумму по меньшей мере до 3 000 000 долларов".

Кроме этих заказов было открыто множество магазинов. Наибольшего успеха добилось Филадельфийское промышленное кооперативное общество. Начав в 1875 году с одного магазина, сейчас оно имеет шесть магазинов. Его продажи за квартал, закончившийся 18 февраля 1882 года, составили 51 413,63 долларов. Значительный рост интереса к подобным магазинам знаменует собой открытие нашего десятилетия. Магазины открываются в разных частях страны. Грейнджеры утверждают, что в настоящее время успешно работают сотни кооперативных магазинов по плану Рочдейла. В Техасе официально зарегистрировано (1881 г.) семьдесят пять кооперативных обществ, связанных с этим порядком. * * *

В 1840-50 годах мы пережили эпоху блестящего энтузиазма в отношении кооперативного сельского хозяйства, но от нее мало что осталось. Одна из форм сельскохозяйственной кооперации, низшая форма, была поразительно успешной - сыроварни и сливочные заводы. По оценкам, сейчас в стране насчитывается 5 000 таких предприятий. Начиная с 1849 года и далее в области кооперативных производств было много экспериментов, но мало успехов. В 1875 году в Массачусетсе было зарегистрировано двадцать пять кооперативных мануфактур. Однако все они были небольшими обществами.

Кооперация имеет свои четко выраженные ограничения. Сама по себе она не является панацеей от всех бед, которым подвержен труд. Но она может смягчить некоторые из этих бед. Она может обеспечить нашим рабочим большую экономию, обеспечить их продуктами питания и другими предметами первой необходимости самого высокого качества. Если ничего не произойдет, распространение кооперации может просто вызвать новую форму конкуренции между этими большими обществами; но никто не может изучить историю этого движения, не убедившись в том, что происходит моральное развитие, которое каким-то, пока еще не видимым нам способом, приведет организацию этих обществ к некоему более высокому обобщению, обеспечивающему гармонию. Постоянно и справедливо говорят, что бизнес никогда не сможет обойтись без того, что составляет секрет успеха капитала в крупной промышленности и торговле, а именно без генералитета. Признается, что кооперация может капитализировать труд в мелкой промышленности, в которой она способна сделать рабочих своими работодателями, но утверждается, что она никогда не сможет, посредством комитетов управления, вести крупную промышленность или торговлю. Я, однако, не вижу причин, по которым в будущем она не позволит крупным объединениям нанимать превосходных руководителей с высокими окладами, подобно тому как оплачиваемые генералы дают республикам руководство, которое в монархиях обеспечивали короли. В сберегательных кассах многих производственных центров нашей страны хранятся суммы, которые, если бы они были капитализированы, обеспечили бы рабочим этих городов промышленную независимость; деньги, которые, в некоторых случаях, фактически обеспечивают заемный капитал для их собственных работодателей. В таких городах наши рабочие накопили достаточно средств, чтобы капитализировать свой труд, но из-за отсутствия возможности объединить свои усилия они используют преимущества своей бережливости в интересах уже разбогатевших людей. Они копят деньги, а затем ссужают их богатым

людям, чтобы те нанимали их на оплачиваемый труд, а прибыль идет заемщикам трудовых сбережений.

Но главная ценность кооперации, по моей оценке, заключается в ее воспитательной силе. Она открывает для рабочих школу обучения науке и искусству объединения.

Труд, однажды эффективно объединившись, может получить свои взносы, какими бы они ни были. Трудности такого объединения заключались в неразвитости умственного и морального состояния рядовых членов трудового коллектива. * * *

В настоящее время я не нахожу почти никаких следов этой попытки сотрудничества в торговых организациях наших рабочих. Торговые союзы до самого последнего времени обходили эту тему молчанием. Все, что было сделано рабочими в этой стране в области сотрудничества, было сделано вне больших торговых ассоциаций, которые являются естественными инструментами для организации такого объединения. Они предлагают механизм, взаимные знания, предварительное обучение привычкам комбинирования, которые вместе должны сформировать надлежащие условия для развития кооперации. Не странно ли, учитывая многочисленные выгоды, которые принесет труду такое развитие, что внимание этих великих и могущественных организаций до сих пор не было серьезно привлечено к этому вопросу. * * *

История попыток, которые уже были предприняты в этом направлении, печальна и обескураживает всех, кто чувствует серьезность этой проблемы. Снова и снова на нашей земле поднимались великие организации, стремящиеся объединить наши торговые ассоциации и обещающие тысячелетие труда, только для того, чтобы в течение нескольких лет подозрительность, недоверие и ревность выели сердце этого порядка, и распад быстро последовал как естественное следствие. Мы надеемся, что скоро наступит время, когда урок этого опыта будет усвоен.

Таковы некоторые из основных недостатков труда - недостатков, которые очевидны всем беспристрастным наблюдателям. Первый шаг к лучшему положению вещей лежит через исправление этих недостатков. Какие бы другие факторы ни влияли на проблему, это тот фактор, о котором должен позаботиться труд, если он хочет достичь уравнивания грядущего хорошего времени. Никакое восстановление общества не поможет некомпетентным, безразличным, бескорыстным людям, которые не могут работать вместе. Самопомощь должна предшествовать любой другой помощи. Мечтатели могут рисовать утопии, в которых все нынешние законы отменяются, а демагоги могут скрывать неприятные факты ответственности самого труда за свое плачевное состояние, но здравомыслящие рабочие будут помнить, что, как сказал Ренан своим соотечественникам после франко-прусской войны, "первый долг - посмотреть в лицо фактам ситуации". Нет королевских дорог к честному владению фортуной, хотя, казалось бы, есть множество обходных путей к нечестному успеху. Природа - суровая учительница. Она не допускает никаких послаблений для дисциплины упорного труда и самоотречения, для воспитания всех сильных качеств. Ее американская школа для рабочих еще не переполнена. Законный порядок общества еще не затоплен на наших берегах. Всех, кто будет работать и ждать, ждет вознаграждение по заслугам. Ни один человек со средним уровнем интеллекта не должен страдать в нашей стране, если в нем есть ясное зерно. "Камень, годный для стены", как гласит испанская пословица, "не останется на дороге".

недостатки капитала

Но - поскольку в этом деле есть очень большое "но" - когда все это сказано, только дотошный *доктринер* не увидит, что представлена лишь половина дела.

Существует неглубокий оптимизм, который с высот процветания перекладывает всю вину за страдания труда на широкие плечи самого труда; ожесточает сердце общества против него из-за этих явных недостатков и закрывает руку от его помощи, распевая евангелие Градграиндов - "Как было, так и будет. Аминь".

Сам труд не несет полной ответственности за свои недостатки. Эти недостатки в значительной степени проистекают из дефектных социальных условий, в которых находится рабочий. Прежде чем приступить к выплате ему всей положенной за его низкое положение "порции", лучше оглянуться на него самого, чтобы понять, почему он такой, какой есть.

В неэффективности труда виноват отнюдь не только отдельный работник. Наследственность обанкротила его еще до того, как он начал свою карьеру. Его родители, вероятно, были такими же неэффективными, как и он сам, и, скорее всего, их родители тоже. Тот, кто часто видит низшие классы рабочей силы, перестает удивляться, почему дети оказываются никчемными, зная, какими были их родители. Генерал Фрэнсис А. Уокер, открывая недавно Институт промышленников и механиков в Бостоне, сказал:

"В унаследованных промышленных способностях и инстинктах людей есть большая польза. За одно поколение можно сделать первоклассного красильщика или первоклассного машиниста не больше, чем за одно поколение можно сделать казака-наездника или татарина-скотовода. Ремесленниками рождаются, а не становятся".

Наши некомпетентные люди могут возразить, что они не родились компетентными. Не очень понятно, что мы собираемся делать с этой работой наследственности против труда, разве что по мере медленного и постепенного совершенствования человечества эти низкие слои существ будут подниматься на более высокую ступень. А пока мы должны менее сурово обвинять и немного более серьезно работать над улучшением человеческой массы.

Условия труда еще больше усугубляют этот органический недостаток. В большинстве наших больших городов дома рабочих шокирующе нездоровы: неухожены, плохо проветрены, переполнены. Одних только нью-йоркских теневых домов достаточно, чтобы лишить рабочих жизни. Городские фабрики зачастую не намного лучше. Качество пищи, продаваемой в бедных кварталах наших городов - мясо, хлеб, молоко и т. д., - неполноценно, даже там, где оно не является положительно вредным. Санитарные условия, таким образом, направлены против труда.

Это может быть в значительной степени отражено государственными и городскими властями и должно быть исправлено по простой справедливости по отношению к обществу в целом, которое в настоящее время так тяжело отягощено многочисленными пороками, порожденными такими условиями. Правительство тщательно охраняет права как земли, так и капитала с помощью огромного количества законодательных и административных актов. Разве труд не имеет права претендовать на такую же заботу со стороны государства? Здоровье - источник богатства рабочего, но о нем заботятся далеко не так заботливо, как о ресурсах двух других факторов производства. Только в течение последних трех лет в Нью-Йорке

был принят удовлетворительный закон о доходных домах или справедливое управление любым законом, касающимся этого зла. Необходимо проявить такую мудрость, которая побудила город Глазго потратить 7 000 000 долларов на реконструкцию трех тысяч худших домов этого города, что привело к снижению уровня смертности с 54 на тысячу до 29 на тысячу, а также к соответствующему снижению нищенства и преступности.

Для этого наши муниципальные органы власти должны быть выведены из-под влияния партий и превращены в корпорации, каковыми они являются в немецких городах.

Ни в одном из штатов нашего Союза нет такого законодательства, как в Англии, где действует тщательная система фабричных законов, и мы должны быстро восполнить этот недостаток. Что бы ни говорили о вмешательстве законодательства в права капитала, достаточным ответом будет то, что весь прогресс общества был постоянным вмешательством законодательства в чисто естественное действие закона спроса и предложения; и что только таким образом Англия, например, добилась того огромного улучшения в состоянии проблемы труда и капитала, которое характеризует ее состояние в настоящее время.

В этой связи можно также сказать, что если у правительства и есть какое-то дело, более свойственное ему, чем другое, то это забота о классе, который больше всего нуждается в заботе; и не просто из интересов самого класса, которые редко служат основанием для правительственного вмешательства, а в интересах общества в целом - самого государства. Государство в первую очередь заботится о том, чтобы видеть своих граждан здоровыми, энергичными, производящими богатство; и для этого плохие санитарные условия, которые подрывают "капитал здоровья" труда, настоятельно требуют исправления.

Чем глубже корни неэффективности труда в наследственности и окружающей среде, тем больше потребность в образовании, которое разовьет все скрытые потенции. Неэффективность редко исправляется сама собой. Превосходящие способности должны перерасти в лучшую силу. Где есть надлежащие условия для такого образования?

Правительства штатов и наше национальное правительство уже несколько лет поощряют некоторые направления промышленного образования, в основном в области сельского хозяйства. Последний отчет Бюро образования о промышленном образовании представляет собой весьма обнадеживающее резюме того, что делается под руководством государства. В нем сообщается о сорока трех колледжах, получающих государственные гранты на сельскохозяйственное и механическое обучение, а также о большом количестве технических факультетов в других колледжах, промышленных школах, вечерних классах для такого обучения и т.д. Вероятно, самый лучший пример промышленного образования, которым располагает страна, находится в школах Хэмптона в Вирджинии. Однако попыток совместить общее и интеллектуальное образование с практическим обучением и ремеслами у нас немного. Школы Хэмптона, о которых уже говорилось, представляют собой один из лучших примеров. Очень интересна в этом отношении школа профессора Адлера в этом городе.

Наши общеобразовательные школы до недавнего времени не уделяли должного внимания практическому обучению. Рисование, наконец, вводится в обиход, а шитье - в небольшой степени, я полагаю, особенно в Новой Англии. Но в школах,

которые, как предполагается, предназначены для широких народных масс и предоставляются за государственный счет, почти не предусмотрено практическое обучение мальчиков и девочек, чтобы они стали самостоятельными мужчинами и женщинами - гражданами, производящими богатство; в то время как вся программа школьной системы стремится к непропорциональной интеллектуальности и к отчуждению от всякого ручного труда. * * *

Необходимость вступления государства в сферу образования никем не оспаривается; но если оно должно обучать детей за государственный счет, то, как мне кажется, оно обязано так воспитывать своих подопечных, чтобы они возвращали обществу налоги, взимаемые за их образование. Его оправдание в том, чтобы стать школьным учителем, заключается в необходимости сделать из жизненного сырья граждан, которые станут производителями национального богатства и хранителями его порядка. Если, следовательно, оправдано обучение элементарным отраслям образования, если оправдано добавление к этим элементарным отраслям факультетов, которые можно рассматривать как предметы роскоши, то насколько более оправдано обучение способностям, с помощью которых будет завоевано самообеспечение и добавлено богатство к обществу! * * *

То, что подобные усилия по поощрению промышленного образования будут выгодны нашему правительству, лучше всего видно на примере Англии. Международная выставка 1851 года показала Англии ее полную неполноценность по сравнению с несколькими континентальными странами в области художественных промыслов, а также причину этой неполноценности - отсутствие квалифицированных рабочих. Правительство сразу же приступило к изучению проблемы, и в результате этого изучения возник Кенсингтонский музей с его художественными школами, а также подобные учреждения по всей стране, которые уже принесли быструю и приятную отдачу в виде улучшения национальных художественных производств и огромного обогащения торговли, растущей на их основе.

Что касается незаинтересованности труда и его слишком распространенного отсутствия какой-либо идентификации с капиталом, то мы должны также посмотреть за пределы самого труда, чтобы найти полную ответственность за это зло.

В нашем веке изменилось все состояние промышленного труда. Сравните состояние такого труда столетие назад с тем, что он представляет собой сейчас. Тогда ремесленник работал у себя дома, в окружении семьи, над задачей, все процессы которой он освоил, что давало ему чувство заинтересованности и гордости за то, что работа выполнена хорошо и тщательно. Теперь же он рано уходит из дома и поздно возвращается в него, работая днем на огромной фабрике вместе с несколькими сотнями других мужчин. Разделение труда дает ему теперь лишь часть всего процесса, где работа по-прежнему выполняется вручную, будь то изготовление обуви или фортепиано. Он не может быть мастером ремесла, а только его фрагментом. Он не может испытывать удовольствия или гордости, свойственных старому рабочему, потому что он ничего не делает. Он не видит, как продукт его мастерства обретает законченную форму в его руках. Какая изюминка может быть в этом кусочке мужской жизни? Паровые машины постепенно вырывают из его рук даже этот фрагмент разумного труда, и он вынужден кормить и наблюдать за огромной машиной, наделенной мозгами, которые когда-то были у человека-труженика. Человек превращается в наладчика стального автомата, который

думает, планирует и комбинирует с удивительной силой, оставляя ему лишь задачу снабжать его сырьем, смазывать и очищать.

Некоторые машины требуют мастерства и суждения, чтобы управлять ими в соответствии с их собственными удивительными возможностями, и для избранных рабочих, которые управляют и направляют их, возникает новое чувство удовольствия от власти.

Но, по большей части, механизм вытесняет жизнь из труда, поскольку ремесло превращается в производство - или, правильнее сказать, в *машиностроительное производство*; и проблема сегодняшнего дня заключается в том, как сохранить интерес труда к его ежедневной работе, у которой украли изюминку.

Производители должны увидеть эту проблему и поспешить ее решить. Те, кто извлекает наибольшую выгоду из нынешней фабричной системы, по всей справедливости, должны нести ответственность перед теми, кто больше всего от нее страдает. Они должны быть морально обязаны каким-то образом компенсировать им тот интерес к жизни, который пропал вместе со старыми ремеслами. Они могли бы заинтересовать свои руки *в свободное* от работы время, причем таким образом, чтобы они получили новый интерес к своему рабочему времени. * * *

Немногие из наших производителей уже открывают глаза на факты промышленной проблемы и, проявляя дальновидную щедрость и человеческое братство, которое, согласно вечным законам, вернет им даже блага этого мира, обеспечивают своих рабочих библиотеками, читальными залами, залами для лекций и развлечений. Они поощряют и стимулируют создание литературных и дискуссионных обществ, групп и клубов, а также других вещей, дающих общение и душевный интерес. Все это можно сделать при сравнительно небольших затратах. Людям, работающим на большом предприятии, можно привить новый интерес к своему делу, научив их понимать его процессы и связь этих процессов с обществом в целом, что легко сделать с помощью лекций и т. д. Такая работа требует лидерства, организаторских способностей, которые лучше всего может предоставить работодатель. На последней сессии Ассоциации социальных наук была опубликована интересная статья, в которой описывались некоторые из этих усилий. Каким более разумным способом наши богатые производители могли бы использовать часть денег, выигранных для них трудом, который исчерпал свой собственный интерес к своей задаче?

Такая личная заинтересованность работодателей в своих рабочих дает ключ к разгадке другой стороны незаинтересованности труда - его отсутствия идентификации с благосостоянием капитала, его отсутствия чувства лояльности к капиталисту. Разве можно ожидать чего-то другого при нынешнем положении вещей от *среднего* рабочего при *среднем* работодателе? Я подчеркиваю "среднего", потому что есть работники исключительного ума и чести, а есть работодатели исключительной добросовестности, стремящиеся справедливо поступать со своими людьми. Принятая политическая экономия учит среднего рабочего, что отношения капитала и труда - это отношения враждебных интересов; что прибыль и зарплата находятся в обратном соотношении; что символ фабрики - это качели, на которых капитал растет, а труд падает. Как показывает практика, для этого мнения, к сожалению, слишком много оснований.

Мистер Кэрролл Д. Райт в четырнадцатом ежегодном отчете Массачусетского бюро труда (1883) показывает, что в 1875 году процентное отношение выплаченной заработной платы к стоимости продукции на более чем 2000 предприятий составляло 24,68; а в 1880 году - 20,23. Это означает, что доля рабочих в отдаче от их собственного труда, которая не только не увеличилась, но и уменьшилась на одну шестую часть за пять лет.

В свете таких цифр рабочий склонен считать, что большое богатство, накопленное его работодателем, представляет собой сверх справедливой прибыли повышенную заработную плату, из которой он, естественно, считает себя обманутым. Он может быть тупоголовым, но он может видеть, что в такой ситуации, когда прибыль *и* заработная плата *соотносятся*, превосходная сила капитала имеет все шансы в свою пользу. Он учится воспринимать все состояние индустриального мира как то, в котором *сила* делает *право*, а *слабость* - синоним вины.

Как, во имя всего разумного, средний человек может проявлять интерес к своему работодателю или отождествлять себя с ним при таком положении вещей, к которому его приучила экономика, санкционированная работодателем? Это усугубляется всем характером нашей современной промышленной системы.

Фабричная система - это новый феодализм, в котором хозяин редко имеет дело непосредственно со своими рабочими. Между ним и ними стоят суперинтенданты, менеджеры и "боссы". Он не знает их, они не знают его. Старое общее чувство исчезает. И - это очень важный момент, на который рабочим следует обратить внимание, - посредниками обычно являются рабочие, которые вышли из рядов ручного труда и потеряли всякое чувство товарищества со своими старыми товарищами, не приобретя при этом более глубокого сочувствия к человечеству, которое часто приходит благодаря более высокой культуре. Самые жестокие люди по отношению к рабочим - это бывшие рабочие. Утверждают, что генеральный управляющий великой корпорации, которая в последнее время проявляет столь жесткие чувства к своим рабочим во время забастовок, всего десять лет назад сам был телеграфистом.

Еще однойотягающей чертой этой проблемы является растущая тенденция капитала к ассоциированным действиям. То немного, что может знать о своих работниках или сочувствовать им отдельный производитель, полностью теряется в случае с корпорацией. Для акционеров большой акционерной компании, многие из которых никогда не бывают на месте, сотни рабочих, занятых в компании, - это просто "руки", чьи сердца, умы или души редко учитываются в подзаконных актах. Здесь, несомненно, тот случай, когда капитал - партия мозгов и богатства - глава промышленной ассоциации, должен предпринять систематические усилия и возобновить, насколько это возможно, старые человеческие связи, для которых еще не придумано замены.

Чтобы примирить интересы классов и объединить труд с капиталом, отдельные работодатели должны восстановить личные отношения между собой и своими работниками. Что может быть сделано таким образом, и как, если это будет сделано, нынешняя отчужденность чувств со стороны наших рабочих людей в значительной степени исчезнет, должно быть очевидно для любого, кто наблюдал некоторые из прекрасных примеров таких отношений, которые уже выросли на наших берегах. Я знаю одного крупного промышленника в городе, расположенном не далее чем в ста милях от этого, который в молодости собирался принять духовный сан, но, к своему большому разочарованию, обнаружил, что у него нет

способностей к работе проповедника, и по настоятельному совету близких ему людей обратил свое внимание на активный бизнес. Он занялся бизнесом, который оставил ему отец после своей смерти и в значительной степени запустил. Его первой задачей было выплатить доллар за долларом все долги, которые завещал ему отец, хотя в большинстве случаев они были скомпрометированы его кредиторами. Затем он направил всю свою энергию на развитие бизнеса и в течение нескольких лет вывел его в лидеры этого направления в родном городе. В свой бизнес он вдохнул дух любви к Богу и людям, который изначально побудил его заняться служением. Он чувствовал себя призванным быть тем, кого Карлайл назвал бы "капитаном индустрии". С самого начала он установил личные, человеческие, живые отношения со своими подопечными. Он учил их скорее делом, чем словом, считать его своим другом. У него вошло в привычку обращаться к их семьям в обществе и с уважением. Во всех бедах и невзгодах он учил их советоваться с ним и давал им возможность воспользоваться его более зрелыми суждениями и более широким видением. В трудных случаях его средства были к их услугам в виде займов, чтобы пережить тяжелые времена. Его друзья не раз видели, как из его личного кабинета выходили крепкие работяги со слезами на глазах. Он вызывал их в кабинет, узнав о некоторых вредных привычках, в которые они впали, и беседа с ними была настолько впечатляющей, что они покидали его с самыми искренними намерениями в будущем стать лучше. Результатом всех этих отношений стало то, что в течение пятнадцати лет управления этим крупным предприятием он редко менял своих людей, и хотя вокруг него было множество забастовок, он никогда не знал забастовок.

У меня хранится письмо одного из ведущих производителей железа в этой стране, который в ответ на призыв принять участие в благотворительном фонде этого города ответил, что в фирме принято вкладывать определенную часть прибыли в развитие комфорта своих рабочих, и что они вынуждены ограничить свое желание жертвовать на благотворительность, чтобы иметь возможность строить дома, клубы, читальни и все *прочее* для действительно цивилизованного общества в своих рабочих поселках. Это примеры того, что можно сделать в нашей стране.

Одной из самых прекрасных моделей, которые я знаю в современной истории, является город, о котором уже упоминалось, - город Мюлуз, где за тридцать лет дух братства настолько вошел в отношения капитала и труда, что фирма, пытающаяся вести дела так, как это обычно делается здесь, была бы неприличной. Все производители планируют, организуют и осуществляют то, что большинству из нас показалось бы невозможным для улучшения и подъема положения своих рабочих. Никто не удивляется тому, что, когда он идет по городу, который благодаря его сердечной филантропии наполнился этим прекрасным духом, рабочие приветствуют создателя этих планов как "отца Петра".

В дополнение к этим личным, человеческим отношениям капитал может и должен, по всей справедливости и гуманности, отождествлять материальные интересы труда со своими собственными интересами. То, что известно как промышленное партнерство, является просто решением этой части проблемы. Принцип заключается в том, чтобы предоставить рабочему долю в прибылях предприятия *пропорционально* его заработной плате. При этом экономность, промышленность и добросовестность труда *поощряются* тем, что рабочие становятся мелкими партнерами в концерне. * * *
